

N 12

WE/МЫ

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

THE WOMEN'S DIALOGUE

№ 9 (25) 1999

«WE \ M/EW

ДИАЛОГ ЖЕНЩИН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ

THE WOMEN'S DIALOGUE

№ 9 (25) 1999

«WE / МЫ»

Диалог женщин

The Women's Dialogue

Международный женский журнал, 1999 №9 (25)

Проект «ВЫ и МЫ» осуществляется Национальным комитетом по исследованию жизни женщин (США) и Ассоциацией журналисток (Россия)

Над выпуском работали:
Надежда Ажгихина, Колетт Шульман, Елена Черкасова,
Мария Литвинова, Ирина Савельева, Лариса Лебедева

В редакционный совет также входят:
Катрина ван ден Хувел, Мариам Чамберлен,
Анастасия Посадская-Вандербек, Елена Кочкина, Ольга Липовская,
Любовь Штылева, Лариса Бойченко, Елена Гоцило, Наталья Васильева

Рабочая группа издательства «Эслан»:
И.Матушкина (отв. за выпуск)
Т.Шишова (компьютерная верстка, оформление),
Л.Лебедева, О.Пилюзина

Отзывы и предложения
Вы можете направить по адресу:

125319 Москва, а/я 43
e-mail ww@sequestr.ru
английская версия в ИНТЕРНЕТ
WWW.NEWW.ORG/VIM/VIMINTO.HTM.
а также: <http://www.neww.org>.

а также:

National Council for Research on Women,
530 Broadway, New York, NY, 10012, USA

ISBN 5-7756-0022-3
ISBN 5-7756-0085-1

© Колетт Шульман, Надежда Ажгихина, 1999 г.
© Художник. Лариса Лебедева, 1999 г.
© Оформление. Издательство «Эслан», 1999 г.

Издание зарегистрировано в Государственном Комитете Российской Федерации по печати 14.10.1997 г.
Регистрационный номер свидетельства 016677.

При перепечатке ссылка на «WE / МЫ» обязательна

Сдано в набор 01.08.1999. Подписано к печати 01.10.1999. Тираж 3000 экз. Физ. печ. л. 5,0.
Печать офсетная. Гарнитуры «Таймс», «Прагматика».
Издательство «Эслан» (тел. (095) 151-52-28), издательская лицензия ЛР № 065736 от 11.03.1998.
Отпечатано в Подольской типографии: 142110 г. Подольск, ул. Кирова, 25.
Заказ № 1318.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМЕТКИ РЕДАКТОРА	4
ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ	4
ПОЛИТИКА	5
Надежда Шведова. Почему женщины должны идти в политику?	5
РЕЛИГИИ	9
Наталья Кигай. Женщина и религия?	9
Мария Котовская. Особенности религиозного сознания современной российской женщины	11
Марина Адамович. «Образ из чувств моих...»	14
Ольга Газизова. Постфундаменталистский кошмар и российское «бабье царство»	15
Татьяна Гусева. Нужна ли религия современной женщине?	18
Талиба Джилани. Как я нашла свой путь домой	19
Колетт Шульман. Интервью с Джан Урбах	20
Надежда Хлебникова. Карин Бурстранд — женщина — пастор из Швеции	24
ИСТОРИЯ	25
Анна Наталия Малаховская. 20 лет тому назад в Ленинграде зародилось женское движение	25
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ: ПСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ	32
Наталья Васильева. История создания независимого социального женского центра Псковской области	32
Размышляя о нашей деревне	37
Тамара Карнаухова. На бедность души подайте	38
От человека к человеку	40

Заметки редактора

Осень принесла нам тревогу. Снова война пришла на кавказскую землю — на этот раз в Дагестан. Снова гибнут ни в чем не повинные люди, снова беда приходит в дома. Буйнакск, Волгодонск, Москва, взрывы, унесшие человеческие жизни, принесшие страдания многим десяткам мужчин и женщин, стариков и детей. Мы скорбим вместе с теми, кто потерял близких, и верим в то, что разум и здравый смысл наконец восторжествуют в нашем отечестве, что настанет конец произволу безответственных политиков и откровенных бандитов.

Осень началась стартом предвыборной гонки, и сразу стало заметно, что женщины оказались снова не востребованы в борьбе за места в новом парламенте. Лишь одна женщина (Ирина Хакамада) вошла в тройку лидеров движений («Правое дело»), причем складывается впечатление, что во главу списка соратники постеснялись поставить ее, обладающую наибольшим опытом работы в Государственной Думе, исключительно по половому признаку. В «Яблоке» и КПРФ в первой десятке представлено всего по одной женщине, многие избирательные блоки просто не предполагают позиций для политиков в юбках. Исключение составляло для недавнего времени «Отечество — Вся Россия». На состоявшейся летом конференции движения в Иваново было громко сказано о необходимости выдвигать женщин на руководящие позиции и даже прозвучали слова о 30% женского представительства в списках. Однако, как это нередко случается, слова оказались словами — в 16 региональных группах движения женщин не было заявлено вовсе, а в целом они составили не более 10% от всех кандидатов, причем занимающих не самые выигрышные места. Результатом стал выход движения «Женщины России» из блока — теперь они начинают самостоятельную борьбу за места в парламенте.

Вступило в соревнование и еще одно движение — «Надежда и опора» (руководители Алина Радчерко, Ольга Бессолова и Валентина Череватенко), заявившее о необходимости привнесения женского опыта в современную политику. Многие лидеры женских организаций (в их числе — Татьяна Федяева из Тарусы, Валентина Череватенко из Новочеркасска, Наталья Васильева из Пскова, Людмила Мазурок из Ростова-на-Дону и многие другие) решились сражаться за звание депутата по одномандатным округам. Мы приветствуем тех, кто вступил в борьбу и желаем им удачи. И хотим напомнить нашим читателям о том, что наша жизнь во многом зависит от того, будут или нет на этот раз представлены женщины в органах выборной власти. Практика показывает — только женщины способны отстаивать женские интересы во власти, и стыдливые заявления о том, что «власть — слишком грязное для нас дело» приводит лишь к тому, что политика становится еще более грязной и бесчеловечной. По существующим прогнозам будущий парламент может стать еще более «мужским», чем нынешний. Однако еще есть шанс изменить ситуацию. Насколько этот шанс реален — зависит в том числе и от нас самих.

Надежда Ажгихина

Обратная связь

Не могу не высказать своего удивления по поводу публикаций материалов «круглого стола» на тему «Религия и феминизм». На мой взгляд, эти понятия совершенно несовместимы. Религия веками старалась сохранить подчиненное положение женщины (согласно исламу, у женщины даже нет бессмертной души — она превращается после кончины в пар, тогда как мужская душа обретает новое бытие и измерение). Феминизм и женское движение в разных странах не случайно принципиально, с самых первых шагов старались отмежевываться от религиозных догм — феминистки были убежденными атеистками. Женское движение только потому смогло добиться успеха, а женщины во многих странах получили равные с мужчинами права, что старая церковная мораль была заменена на светскую, что священники, раввины и коендзы утратили тоталитарную власть над умами и поступками людей. До сих пор в тех странах, где религия занимает видную роль в государстве, положение женщин остается плачевным. Талибы в Афганистане не считают женщину человеком, всем известны последствия антиабортного закона (инициированного католической церковью) в Польше, а в теократическом Израиле женщина не только не имеет возможности молиться наравне с мужчиной — но не может даже развестись без согласия супруга и вынуждена подчиняться многочисленным религиозным запретам. Общеизвестна та негативная роль, которую разные религиозные конфессии играли в ходе международных женских конференций — будь то Каир 1994 или Пекин 1995, на которых представители церквей последовательно пытались дискредитировать женское движение как таковое. С распадом СССР религиозный фундаментализм начал наступление на бывшие советские республики — в Средней Азии шариат становится едва ли единственным законом, женщины Северного Кавказа страдают от чуждой им вахабистской пропаганды, дошло дело до принятия закона о многоженстве в Ингушетии! И все под видом следования нормам ислама.

Не лучше и в России — во всех церквях висят памятки «детубийцам», которых ожидают вечные муки, а brave батюшки объявляют публично женское движение порождением дьявола. Так нужно ли нам стремиться к симбиозу феминизма и религии? Не являются ли такие попытки угрозой самому женскому движению? Мне лично в выступлениях многих «религиозных феминисток» почудилось конформистское стремление быть хорошим «и вашим и нашим» — то есть и называться защитницами прав угнетенных женщин, и получать похвалу от раввина, мุลлы, коендза. И очень хорошо, что в дискуссии не принимали участие представительницы православия — русская ортодоксальная церковь ничего общего не имеет с борьбой женщин за свои права и ничего хорошего нашим соотечественницам принести не может.

Ольга Припачкина

Уважаемая редакция и лично Людмила Ивановна! Спасибо за присланные журналы. Журналы используются по делу. Пару экземпляров передано в городскую библиотеку, которая для нас, женщин, место встречи, проведения семинаров и других мероприятий. Остальные получают женщины в пользование.

Последняя встреча была у нас недавно на ней шел разговор о некоторых этапах женского российского движения, о женщинах-лидерах, об их судьбах. Гостьей нашей была Анна Константиновна Аверьянова (отдел истории женского движения, Исторический музей). Женщины имели возможность познакомиться и получить новый номер журнала. Кроме того, журнал передаю женщинам в г. Жуковский (ЛИИ), в г. Королев, Коломну.

Спасибо. Рассчитываем на дальнейшие возможные контакты и Вашу поддержку.

С уважением, член Совета Ассоциации «Конверсия и женщины», Председатель общественной организации «Диалог» Людмила Калининченко.

Политика

Политика

Надежда Шведова
доктор Политических Наук, ведущий научный сотрудник
Института США и Канады, Российская Академия Наук

ПОЧЕМУ ЖЕНЩИНЫ
ДОЛЖНЫ ИДТИ В ПОЛИТИКУ?

Сегодня много говорят о кризисе и в экономике, и в финансово-банковской системе, и в политике. Затрагиваются проблемы народного терпения, прогнозируется социальный бунт и т.д. Но странно, при упоминании кризиса народного доверия совсем не обсуждается тема «женщины и власть».

А между тем интеграция женщин в политический процесс, в процесс принятия решений — один из источников обновления той самой власти, как, впрочем, и политических партий и объединений, которые вспоминают о положении женщин и о женщинах только в рамках уже освещенного в русском политическом лексиконе понятия «электорат». А попросту — когда властьпридержащим нужны голоса женщин-избирательниц. Очевидно, очень скоро все дружно вспомнит о женщинах, потому что и выборы в Государственную Думу, и президентская кампания не за горами.

Властьпридержащим и рвущимся к ней, сладостной, понадобятся наши женские голоса вновь — неужто опять «яковерно и доверчиво будем благословлять наших «факиров на час»?

Миф: политика — не женское дело

Нам твердят, что политика — не для женщин, что заниматься политикой — это мужское дело. И для «пушей убедительности» самым активным образом поддерживается и воспроизводится под разным соусом миф о «женской логике» как о некой неспособности видеть причинно-следственную связь вещей о чрезмерной женской эмоциональности и т.д. И обиднее всего, когда сами женщины, и даже искушенные политики, наверное, недооценивая всей опасности этого, поддерживают стереотип, который выражается в незатейливом и расхожем комплименте в адрес женщины: «Вы обладаете мужским умом». И этот «комплимент» воспринимается женщинами с явным удовольствием, а не с законным в этом случае чувством возмущения.

Почему подобный «комплимент» должен возмущать человека-женщину, обладающую достоинством? Да, потому что за ним скрывается признание и утверждение как единственно верного эталона ума — «мужского ума». Иными словами «мужской ум» — совершенство, идеал, стандарт, а «женский ум» — в лучшем случае — синоним хитрости, распространенном смысле — что-то вроде «недоумка», ограниченности, интеллектуальной слепоты и, вообще, неспособности распознать логическую суть вещей.

А между тем, способность женщин рассматривать поступки в широком контексте, связывая один с другим, есть ни что иное, как проявление мудрости, суть которой в вычлениении не только одной логической цепочки вещей и явлений, а способность увидеть взаимодействие по закону причинно-следственной связи многих логических цепочек. Именно этим и отличается женщина как особь человеческого рода.

Кроме того, женщине также свойственно то, что так замечательно подметила Кэрл Гиллан, профессор психологии (Гарвардский университет, США): «Женщины обладают большей нравственной силой, у них более

высокие этические нормы и особая способность устанавливать и поддерживать хорошие отношения с людьми, т.е. все качества настоящего политического деятеля».

Режимы, идеологии и социальное устройство могут меняться, но неизбежно и вечно то, что общество состоит из женских и мужских личностей, которые по-разному реагируют (и это прекрасно!) на все происходящее вокруг. И это не значит, что одни правы, а другие — нет. Правда заключается в том, что женщины воспринимают жизнь иначе, чем мужчины, следовательно, и думают иначе.

Разве способность женщин рассматривать поступки в широком контексте, связывая один с другим, хуже способности мужчин воспринимать события как изолированные эпизоды? Женщины склонны смотреть на людей как на взаимозависимые существа; мужчины видят в них независимых индивидов. Для женщин важна забота, мужчины выше ставят свободу.

Известная английская писательница Вирджиния Вульф писала: «Очевидно, что ценности, которыми руководствуются женщины, часто отличаются от ценностей, выработанных противоположным полом. Однако в обществе преобладают мужские ценности. В обществе, где стандарты, установленные мужчинами, считаются нормативными, женские ценности рассматриваются не только как второстепенные, но и как ущербные, основанные на эмоциях, интуиции, а не на разуме и логике». Разве эти психологические особенности женской личности не являются объективной базой для такой профессиональной деятельности как политика?

Времена меняются. Ученые, занимающиеся исследованием психологического развития женщин, давно подметили женскую способность к этическим суждениям. Здравый смысл подсказывает: та семья счастлива, в которой царит любовь да совет. На макроуровне, т.е. на уровне всего общества в цивилизованном государстве, нам необходим совет — совет между мужчинами и женщинами, между двумя постоянными составляющими любого человеческого общества, что и представит собой совокупную мудрость народа, а не только одной ее части.

Мультируется в наших СМИ один расхожий «аргумент», нацеленный на создание в общественном сознании, и особенно в сознании женской части населения, неприглядности, лишенного общественного идеала образа женщины-политика. Он эксплуатирует естественное стремление человека быть счастливым в личной жизни. (Кстати, это относится и к мужчине, и к женщине). Цепь рассуждений проста: в России больше женщин, и если дело, женщины, еще будет «рваться» в политику, в мужское дело, при этом, неизбежно теряя «женственность», то уж точно не найдется «нормальный» мужчина, который «пожарится» на вас. Расчет на страх перед неосуществимостью «женского счастья». Что же на самом деле кроется за такой «уверенной» ссылкой на статистику?

Последний за 1997 год краткий статистический сборник (1) (он же первая попытка гендерной статистики, т.е. статистики о женщинах и мужчинах, отражающей их положение во всех сферах жизни общества), показывает, что в целом женщин действительно больше в РФ, но все это относится к возрастным категориям, начиная с 55-летнего возраста. В возрастных группах с 14 до 29 лет имеется больше мужчин, в возрастной группе 30–50 лет — мужчин и женщин поровну (!), в возрастной категории 50–54 незначительный перевес числа женщин, совсем незначительный, а в возрастной группе 55–59 лет этот перевес составляет приблизительно полпроцента.

Резко убывает мужское население только в возрастной группе от 65 до 80 и старше. Так что в этой возрастной группе замуж и жениться можно, а вот рожать будет затруднительно — впрочем, это касается и мужчин и женщин. Вот тебе и статистика!

Таким образом, те, кто заявляют в общем, что в стране женщин больше, чем мужчин, тем самым, как-бы, по умолчанию, «выбивают» особый статус для мужчин по причине их «дефицита». Своего рода шантаж: «смирись женщина с тем, что тебе придется делить власть с мужчиной». Очевидно, что это, по меньшей мере «лукавство», если не сказать больше, что это нечто иное, как целенаправленная политика психологического шантажа и обмана.

Нет сомнения в том, что доминирующей мужской политической элите не удалось создать устойчивой и сбалансированной как политической системы, так и государственной системы власти, способной функционировать на возобновляемой основе, поддерживая строительство в стране здорового цивилизованного демократического общества, опирающегося на общечеловеческие ценности. Отчуждение женщин как от власти, так и от собственности — один из серьезных просчетов мужской политической элиты.

Правда, нельзя снимать ответственность и с самих женщин: ведь это они сами позволили за себя решать свою судьбу и без их активного политического участия решать судьбу своей страны. Между тем, груз каждодневного выживания в условиях реформирования страны, да еще при обстоятельствах роста преступности и коррупции, лежит именно на женских плечах.

Сегодня важно понять: какую выгоду может извлечь общество в целом, создавая государство с политическим управлением, основанном на партнерстве мужчин и женщин в политике?

Ответ прост: партнерство мужчин и женщин в политике является источником более полной и представительной демократии, поскольку создаются реальные возможности учета многополюсных интересов в обществе.

В сокровищнице мирового опыта уже давно хранится опробованное убеждение, получившее достаточно широкое распространение на планете земля о том, что женщины вносят свой особый вклад в общественную жизнь: женщины не только лучше мужчин представляют и могут представить свои интересы, но и смогут влиять на политическую систему, занимая руководящие посты.

А мировой опыт парламентаризма показал, что если в законодательном органе меньше 10% мест принадлежит женщинам, то это затрудняет принятие законов в защиту детей. Если в парламенте страны будет 20–30% мест принадлежать женщинам, можно надеяться на более быстрый и реальный проведение в жизнь программ, отражающих интересы женщин. У женской парламентской группы появится чувство локтя, ощущение силы и веры в то, что женщина может коренным образом изменить собственную судьбу.

Ведь неслучайно сегодня ООН придерживается главного организационного принципа: без полного участия и наделения властными полномочиями женщин мира не может быть найдено устойчивых решений в обществе, которому угрожают социальные, экономические и политические проблемы.

Что показала наша собственная российская практика?

Если взять за точку отсчета 1985 год, когда Россия, тогда еще в составе СССР, объявила о своем намерении переустроить жизнь таким образом, чтобы каждый человек мог жить достойной жизнью, минуло почти полтора десятилетия. Конечно, в исторической перспективе — это миг. Однако с точки зрения отпущенного срока жизни отдельного взятого человека — это значительное время: ведь тот, кто тогда отпраздновал свое двадцатилетие, сегодня в возрасте Христа, кому было сорок, сегодня вышли на финишную прямую, а ряды тех, кто уже был пенсионером тогда, увя, поредели.

Можно сказать, что не только народилось, но и подросло уже не одно поколение: двадцатилетних, тридцатилетних и даже тридцатипятилетних, чье становление личности пришлось на период перемен. А поскольку этому пореформенному времени нельзя отказать в одном явном свойстве — духу свободы, какой-никакой возможности и выбора информации, и выбора собственной судьбы, это позволило людям ощутить себя гражданами страны, несмотря на неудачи реформ.

Но, вот, беда! Все эти годы российское общество сотрясает перманентные кризисы во всех сферах жизни. Оказывается, что нельзя отмахнуться от политики — она проросла все поры нашей повседневной бытательской жизни. Последний августовский кризис 1998 года, похоже, поверг почти всех в полное замешательство: никто ничего не понимает — почему столь стремительно подкрался этот крах, кто виноват, а кто прав, а главное, что делать, как выходить из сложившейся ситуации?

«Наконец-то пришло время, когда не быть мужчиной стало преимуществом. Ведь это мужчины допустили государственный дефицит, радиоактивные свалки, финансовый крах кредитных банков и множество других бед. Женщины оказались в выгодном положении, они не были причастны к решению всех этих вопросов» — так писала американка Маргарет Карлсон, характеризуя ситуацию в своей стране. Разве не сложилась до боли похожая ситуация и в нашей стране сегодня?

Ясно, что власть не справляется со своими функциями, доверие народа к ней потеряно. Разве это не повод по-быстрому присмотреться к ней и к тем, кто составляет нашу политическую элиту?

Невооруженным взглядом видно: российская политическая элита — это мужской клуб. Сухие, но кричащие данные: в ныне действующем Федеральном Собрании Российской Федерации (1996–1999 гг.) женщины составляют лишь 7,2%. При этом в Государственной Думе их не менее 10% от общего числа депутатов, а среди Совета Федерации — только одна женщина из 178 членов, что составляет 0,5%. По этому показателю Россию следует соотносить с регионом «Африка ниже Сахары» (по классификации известной и уважаемой в мире международной организации — Межпарламентского Союза). Россия по представительству женщин в парламенте занимает «почетное» 46 место после Филиппин, Барбадоса, Эль Сальвадора, правда, опережает Гвинею-Биссау, Панаму, Замбию. Для сравнения: женщины в парламенте северо-европейских государств в среднем составляют 36,4%, т.е. существенную часть. Причем, в некоторых из них этот показатель либо приближается к 40%, либо перевалил за него, как в Швеции. В мире также существует 20 стран, где представительство женщин перешагнуло 20-процентный рубеж.

В Российской Федерации (по состоянию на июнь 1997 года) в составе депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации насчитывалось всего 3600 депутатов, среди которых было лишь 337 женщин или 9%. В четырех субъектах РФ — Рязанской, Курской, Омской и Томской областях — в составе депутатов нет ни одной женщины, в 74 — мужчины-депутаты составляют от 80 до 99%, в том числе и в г. Москве, где в Городской Думе 6% женщин. Только в четырех субъектах РФ — в двух (Московской и Курганской) областях и двух (Эвенкийском и Корякском) автономных округах — среди депутатов 30% женщин.

В исполнительной ветви власти положение и того хуже: до августовского кризиса 1998 года в России среди глав правительств республик, администраций, губернаторов территорий не было ни одной женщины, за исключением губернатора Корякского автономного округа. Заметных сдвигов в расширении участия женщин в высших структурах власти не произошло после Пекинской конференции 1995 г. — взятые Правительством Российской Федерации обязательства перед лицом мирового сообщества выполняются, но только «косметически», «на бумаге» (были приняты соответствующие официальные документы). Правда, в 26 (из общего числа 89) субъектах Российской Федерации (или 29%) женщины являются заместителями глав правительств республик, губернаторов, краевых, областных администраций. Однако в основном женщины замещают должности низших ступеней государственной службы и их продвижение по служебной лестнице затруднено.

Не секрет, что в самой структуре органов власти имеются свои «институты власти», которые предоставляют больше объективных возможностей оказания влияния на процесс принятия решений, поскольку в распоряжение оказываются либо «стратегические» ресурсы, либо «ключевые рычаги» влияния и применения власти. Если посмотреть на представительство женщин с этой точки зре-

ния, то выясняется, что в Российской Федерации доля женщин, занимающих посты руководителей федеральных органов исполнительной власти (министров, председателей государственных комитетов, несмотря на то, что был принят ряд официальных документов, нацеленных на продвижение женщин на уровень принятия решений, остается ничтожно малой: среди федеральных министров (по состоянию на первую половину сентября 1998 года) было лишь три женщины, а должности руководителей иных федеральных органов исполнительной ветви власти замещали четыре женщины. В целом, из общей численности женщин-государственных служащих на «высших» должностях занято лишь 1,3%.

А сегодня у нас появилась одна единственная женщина вице-премьер вместо прежних трех министров, занятых на социальной сфере (включим сюда и министерство культуры). Почему прежних министров-женщин не оставили: то ли не справлялись, то ли «комплекс первой жены гарема» помешал новому вице-премьеру привести еще женщин в правительство (ведь мы помним, что Президент именно вице-премьеру давал поручение подобрать кадры на «социалку»? Неизвестно. Однако, прискорбно то, что нас, женщин-избирательниц и налогоплательщиц, объединяющих во множество женских организаций и объединений никто не спросил — не считаем ли мы до сих пор не добились того, чтобы нас уважали, прислушались к нашему голосу и считались с нашим мнением.

Между тем в России существует Комиссия по вопросам женщин, семьи и демографии при Президенте Российской Федерации, которая является совещательным, коллегиальным органом, ее решения носят рекомендательный характер, и содержит согласованное мнение руководителей органов государственной власти и общественных организаций, выработанных на основе принципов партнерства. Предполагается, что среди перечня задач, стоящих перед Комиссией, вопросам партнерства, разработке и экспертизе проектов указов Президента России по вопросам семейной, гендерной и демографической политики и вопросам содействия научному, информационному и кадровому обеспечению перечисленных выше областей социальной политики уделяется приоритетное значение.

Возникает вопрос: выясняла ли и информировала ли Комиссия, если ее спрашивали о «согласованном мнении» руководителей органов государственной власти и общественных организаций по вопросам кадрового обеспечения областей социальной политики? И какое это «согласованное мнение»?

Что такое «гендерный» подход или «гендерная» озабоченность?

Разумеется, никто не настаивает на том, что женщина на посту — сам по себе факт, гарантирующий соблюдение интересов женщин. Речь идет о другом: в обществе всегда существуют интересы мужского и женского населения, т.е. идет водораздел и по этой линии, а не только по классовой, этнической и определенных групп экономического интереса. Это и есть гендерный (от слова «гендер» — термин, обозначающий социальный пол) подход, т.е. осознание того, что явления, происходящие в обществе, по-разному влияют на мужское и женское население, вызывая неодинаковые их реакции. (Вспомним для примера предлагаемую пенсионную реформу и взвесим, как она могла бы отразиться на мужчинах и на женщинах: интересы последних были бы сильно ущемлены). Хочу подчеркнуть: от военной политики до развития космической и косметической промышленности — все касается и мужчин, и женщин — речь идет о разном возможном воздействии на две социально-половые группы общества тех или иных решений в стране.

Эту гендерную озабоченность инициируют прежде всего женщины, поскольку именно они оказались «маргиналами» в политическом процессе. В цивилизованных странах гендерный подход стал азбукой истинной, усвоенной политиками обеих полов. Иными словами, в сегодняшней реальности женщины объективно привносят новые элементы в политическую культуру вообще, отставив гендерный подход во всех сферах жизни общества.

Отличается ли и чем женщина-политик от мужчины-политика?

Женщины выдвигают законодательные инициативы, которые близки интересам женщин и которые на практике часто предаются забвению в «мужском» парламенте. (Спросите наших женщин-депутатов: как им достается попытка «втиснуться» в расписание рассмотрения своих законодательных инициатив в Государственной Думе?) Следовательно, через женщин-законодателей легче вопросы ставятся на повестку дня парламентов — происходит трансформация женских интересов в политические курсы. В результате, доступ женщин через женщин к законодательным органам облегчается, что способствует ликвидации определенных препятствий на пути женщин в высший законодательный орган и в большую политику вообще.

Конечно, это происходит в том случае, если женщина-политик осознанно (!) отождествляет себя с интересами, которые и традиционно и по жизни принято считать специфическими «женскими интересами» или по крайней мере более близкими, понятными и насущными для женщин. (Скажем, проблемы продвижения женщин на уровень принятия решений, защита прав женщин как прав человека или вопросы аборт и т.д.).

И здесь мы можем наблюдать такой парадокс: если женщина-политик (женщина-законодатель) заявляет, что в политике она — не женщина, то это означает, что она не отождествляет себя (осознанно, а скорее не понимая всего этого) с интересами, объединяющими все женское население, что она, как бы, отрывается от своей самости, полностью принимая мир, созданный мужчинами и живущий по мужским правилам, в рамках которого заставляют действовать и жить женщину. Вспоминается лозунг американского женского движения 90-х гг.: «Если ты думаешь, что равноправие — это цель, то твои стандарты слишком низки».

Что это значит? Это означает требование равных возможностей, что больше, чем просто равноправие. Это означает менту женщины о гармонии между личной и общественной жизнью, между профессиональной карьерой и домашним очагом. Это означает, что женщина не хочет и не должна играть по мужским правилам, а законно считает, что эти правила должны быть созданы ею самой. Правила же для совместного поля игры должны быть созданы партнерами — мужчиной и женщиной. К счастью, Российская Конституция закрепляет за гражданами право равных прав и равных возможностей (пункт 2 статьи 19 гласит: «Мужчина и женщина имеют равные права и равные возможности для их реализации»). Именно это положение представляет собой юридическую базу, на которой женщины могут и должны строить свою борьбу за достижение равенства в реализации своего конституционного права.

Таким образом, женщины нужны во власти, поскольку они объективно выступают как катализаторы перемен. Иными словами, женщины должны идти во властные структуры, поскольку их приход туда объективно необходимое условие для улучшения статуса женского населения в обществе в целом, а значит, каждой отдельно взятой женщины.

Кроме того, государственная политика в отношении женщин необходима как самостоятельное направление, поскольку существует группа специфических проблем, связанных с положением женщин в обществе на каждом историческом этапе. Женщины должны заявить о новых перспективах, которые не всегда совпадают с интересами мужчин. Женщины-политики подчеркивают приоритетность таких проблем, как уважение, соблюдение прав и достоинства личности, борьбу со всеми видами насилия против личности, социальное обеспечение, развитие сети дошкольных и школьных учреждений, образование, здравоохранение, занятость и продвижение женщин по службе. Они стимулируют женщин к участию в политической деятельности и занятию политических постов.

Чему учит наша недавняя история?

Можно по-разному относиться к политическому движению «Женщины России» и работе его фракции в Государственной Думе предыдущего созыва. Однако нельзя не признать, того очевидного факта, что в результате их проникновения на национальный уровень политического

поля все избирательные объединения, принимавшие участие в избирательном марафоне 1995 года «вспомнили» о женщинах и включили в списки своих кандидатов в депутаты вдвое больше женщин, чем в 1993 году.

К сожалению, временный успех не был закреплен, и в 6-й Государственной Думе женщин стало еще меньше, чем в 5-й. Налицо общие тенденции: а) малочисленность женщин-кандидатов в партийных списках победивших на выборах в ГД в 1995 году 4 блоков (от 10 до 12% женщин-кандидатов); б) дискриминационный подход к распределению порядка мест в партийных списках, о чем свидетельствует тот факт, что соотношение женщин-депутатов к числу женщин-кандидатов меньше по сравнению с соотношением мужчин-депутатов к числу мужчин-кандидатов. Женщины отнесены в конец списков; в) отнесение женщин в гетто в рамках самой Государственной Думы: в ГД существует три ключевых института власти — фракции, где принимается принципиальное решение относительно законодательства, комитеты, где подключаются профессиональные ресурсы по разработке законодательства, Совет Думы, куда входят председатели комитетов, руководители фракций и депутатских групп, спикер и его пять заместителей и где достигаются компромиссы. Совет Думы ГД включает всего около 40 человек, среди которых лишь 3 женщины-депутата или 7,5% от общего числа депутатов российского парламента, что, как совершенно очевидно, не соответствует столь малочисленному — лишь 10% — общему составу женщин-депутатов.

Нельзя не видеть связи между концентрацией экономических ресурсов в мужских руках и большим представительством мужчин в политической элите. Доступ к экономическим ресурсам, к участию в рабочей силе, к контролю над доходами составляют необходимое условие для устранения неравенства по поло-ролевому признаку и предоставления больших полномочий женщинам.

Что делать?

Современное российское женское движение может обрести второй исторический шанс (первый был дан историей в 1993 году, и им с успехом воспользовалось движение «Женщины России»), чтобы заявить о себе как о реальной политической силе, способной не только «звучать», но и изнутри политического процесса влиять на ход событий. И этот шанс нельзя упустить!

Здесь критическим моментом станет способность женских организаций к консолидации своих усилий для достижения поставленной общей цели. Все будет зависеть от того, как женское движение сумеет привлечь на свою сторону огромный избирательный потенциал женского населения, а также мужского, способного понять, что в условиях дискриминации одного пола в обществе не может быть подлинной свободы для другого.

Что для этого нужно? Прежде всего, самому движению, его активисткам, и широким слоям женского населения придется понять, осознать и принять следующие принципиальные вещи:

1. что российское общество в целом и женская его часть, в частности, изменились за прошедшие тринадцать непростых перестроечных лет: выросло целое поколение, ощутившее себя гражданами страны;
2. что женщины вносят свой особый вклад в общественную жизнь: женщины не только лучше мужчин представляют и могут представить свои интересы, но и смогут влиять на политическую систему, занимая руководящие посты;
3. что без осознанного вхождения женщин в политику, построенного на принципах паритетного подхода, невозможно строительство демократического гражданского общества;
4. что на сегодня защита прав женщин как прав человека — это общая задача всех женщин без различия их социального статуса и идеологических предпочтений;
5. что сильная социальная политика, дающая человеку «удочку», а не жалкий кусочек пойманного песка, при условии создания равных возможностей для «добывания удочки» для всех — объективно необходима в интересах всех граждан, но особенно важен этот принцип для женщин как дискриминируемой части общества;

6. что лишение поддержки работающих матерей со стороны государства привело к снижению статуса женщин как одновременно работника и воспроизводителя жизни, к замене этого статуса идеологией ее предназначения только для воспроизводства рода человеческого. Если так случится, то в числе проигравших окажутся не только женщины, дискриминируемые на короткое время в период трансформации и реформирования, эффект будет долговременным, усиливая патриархальные установки относительно ролей мужчины и женщины.

7. что российские женщины должны быть активно вовлечены в дела государства потому, что в настоящих условиях государство становится для женщин самым крупным работодателем, поскольку в частный сектор переходят прежде всего мужчины из-за более высоких заработков и по иным причинам.

Как показывает мировая практика три главных фактора, обуславливают общее увеличение женского представительства в высшем законодательном органе:

1. политическая партийная квота или наличие цели увеличения женщин-кандидатов в парламентах, избираемых по пропорциональной избирательной системе;
2. наличие законов, требующих, чтобы соотношение представителей полов в списках кандидатов от партий соответствовало соотношению полов в стране;
3. изменение избирательной системы с одномандатного (мажоритарного) на пропорциональное представительство.

Возможно ли партнерство между женщинами и мужчинами в политике?

Является ли это источником более полной и представительной демократии? Как этого достичь? Какую выгоду может извлечь общество из этого партнерства?

Да, партнерство между женщинами и мужчинами в политике не только возможно, но и крайне необходимо. Однако, нельзя надеяться, что властью будут охотно делиться, что паритет во власти будет дарован женщинам как букетик фиалок или мимозы в день «8-го Марта». Для достижения этой цели придется много потрудиться, чтобы изменить укоренившиеся стереотипы в сознании мужчин и женщин на их ролевые функции в обществе.

Необходима интеграция женщин в политическую жизнь на всех уровнях, а политические права женщин должны рассматриваться в общем контексте прав человека в соответствии с международными документами и с применением существующих международных инструментов. Развитие и расширение образования — одна из важнейших предпосылок — для более масштабной интеграции женщин в политический процесс общества. (Оно должно быть обеспечено для мужчин и для женщин с целью разрушения патриархальной модели мировидения, и оно должно начинаться в раннем возрасте.)

Следует добиваться представительства женщин в парламенте на первых порах на уровне «критической массы», приравненной к 30 процентам. (Этот уровень был введен из практики стран Северной Европы). Достижение этой цели невозможно без осознанной политики партий по выдвижению существенного числа женщин-кандидатов с реальными шансами быть избранными.

Причем партии должны стать более открытыми для женщин, и более восприимчивыми к их интересам. Необходимо введение квотирования для продвижения женщин на уровень принятия решений в партийной структуре, где, сегодня женщин насчитывается ничтожный процент. Квоты «необходимое зло». Эта мера применима на временной основе с целью изменения существующего резкого дисбаланса мужчин и женщин в политической жизни. От квот следует отказаться немедленно по достижению поставленной цели. (Предпочтение отдается квотированию на выдвижение в кандидаты по партийным спискам, а не на места в парламенте. Причем квоты должны быть гендерно нейтральными.)

Очень важна система пропорционального представительства или смешанная избирательная система, которая предоставляет женщинам гораздо больше шансов на избрание, чем система по мажоритарному принципу. При этом следует не допустить дискриминационный подход при составлении партийных списков.

Необходимо специальное обучение для женщин по политическому и электоральному лидерству. Такое обучение

равно необходимо для мужчин и для женщин, но для женщин требуется подготовка перед обучением.

На повестку дня должно быть поставлено сокращение непомерных расходов на избирательные кампании (введение потолка на затраты, сокращение времени для проведения избирательной кампании и пределов на использование времени и места в СМИ в течение кампании и т.д.). Система финансирования, закрепленная соответствующим законодательством, из всех источников: государственных, частного бизнеса, фондов и частных пожертвований должна быть прозрачной.

Существует характерная черта или общий недостаток, наблюдаемый во всех странах — мизерное финансирование женских кампаний. Для его преодоления мировым сообществом предлагаются различные меры. Так, считается, что политические партии должны продвигать, по меньшей мере, одну треть женщин-кандидатов и предоставлять им одну треть своих избирательных ресурсов. Причем, в тех странах, где финансирование политических партий происходит из государственных источников, оно должно быть увязано с соотношением женщин-кандидатов, выдвинутых от каждой партии и избранных в парламент, а в тех, где финансирование обеспечивается парламентским политическим группам, дополнительные взносы должны быть предусмотрены, связанные с соотношением (пропорцией) женщин-парламентариев. Ведь женщины — такие же налогоплательщицы, как и мужчины! Необходимо стимулировать и создание фондов для финансирования женских избирательных кампаний.

Религии

Продолжения. Начало см. в №8 (24)

Наталья Кига

ЖЕНЩИНА И РЕЛИГИЯ?

Говорить о религии, религиозном сознании трудно, и не только в феминистском контексте. Внутренняя жизнь человека многослойна и многосоставна, подобна сложной системе зеркал, в которой можно затеряться, испугаться самого себя, принять одно за другое, не распознать ни причины, ни следствия. Человек вносит себя во все, что делает и познает; он меняется от каждого опыта; в одно и то же время разные части его души живут и растут, болят, спят и умирают.

Родившись, человек наполнен собой; затем мир входит в него через касание, зрение, слух; мир наполняет дитя речью, и поначалу это очень эгоцентрическая речь. Затем человека увлекает опыт сродства, опыт общения; познавая внешнее, он выстраивает себя; познавая свои желания, перестраивает мир. Взрослея, он хочет найти золотую середину, равновесие между собой и миром, оправдание своему бытию в мире, истоки и направление своих главных желаний — рождается религиозное сознание, открывается поиск истины. «Такие мысли думал и передумывал я в несчастном сердце своем, которое тяготило и грыз страх смерти и сознание, что истина не найдена» (Бл. Августин). Эгоцентрическое, поглощенное собою существо водит в темноте своей мысли подслеповатыми, непривычными к зрению внутреннему, глазами скорее воспринимающего, чем понимающего ума, ищет уподобления внутреннему внешнему, натывается в этом лабиринте на осколки своих мыслей, своих опытов, строит Бога по своему образу и подобию. Очень далеко ему до «отражения чистого света в чистых зеркалах», далеко до постижения «безусловной неопределимости и неописуемости Бога» (Псевдо-Дионисий). Каждому дается в этих поисках по его вере и труду.

Религия, вера — интимное дело каждого, трудно говорить об этом. Но вот церковь — уже наше, общественное дело, порождение нашего религиозного сознания, компромисс между лучшими упованиями божественной природы души и страстями тварного тела. Тот образ «иде-

Заслуживает внимания идея создания сети женщин-политиков, как на национальном, так и на региональном уровнях, которая могла бы помогать женщинам-новичкам на политической арене и вдохновлять других женщин войти на политическую арену.

Российский высший законодательный орган страны должен обеспечить принятие законодательства, касающегося реализации прав женщин. Тем более, что у нас выработана уже стратегия прогресса в реализации равного партнерства между женщинами и мужчинами в сфере законотворчества. Федеральное Собрание должно также поддерживать женские неправительственные организации.

Очевидно, что женщинам остается крепко задуматься: может быть в самом деле «наконец-то пришло» наше время. Не пора ли нашим мужчинам слегка потесниться и поделиться властью с женщинами, а то «не шибко хорошо» у них получается. Может попробовать по-другому, как в Швеции? В любом случае — нам следует сделать свой правильный выбор, и не позволить манипулировать своими голосами.

(1) 1997 году вышел в свет краткий статистический сборник «Женщины и мужчины России» — первая публикация Госкомстата России, информация в которой представлена в гендерном аспекте. (Сборник подготовлен при содействии Центрального статистического бюро Швеции и профинансирован Фондом SIDA.)

ального человеческого сообщества, находящегося в согласии с законами универсального бытия», который мы можем помыслить и воплотить.

О церкви говорить легче. Она — отражение нашего понимания себя самих, места каждого существа во вселенной, права, долга, ответственности, справедливости, милосердия и терпения — нашего понимания об устройстве, возможностях и достоинстве человека. Она же — отражение ограниченности и узости нашего понимания. И потребности навязать свою ограниченность другому.

Современная русская православная церковь так же разнородна, как и народ. В ней есть идеологи и духовидцы, ученые и неучи. Она состоит из людей, и в ней встречаются очень симпатичные люди. Но не они задают в ней идеологический тон, формируют ее политику.

Как институт, РПЦ становится все более декоративной, все более теряет связь с жизнью, впадает в консерватизм, граничащий с солипсизмом. И вследствие этого она часто теряет своих приверженцев. О да, она полюбила успех, богатство и власть, иномарки и мобильные телефоны, щедрые вклады и фондовую биржу. Это не консервативно, а весьма современно. Наша церковь стала современной там, где должна бы оставаться «не от мира сего».

Гибкость и способность к изменению церкви призвана проявлять в другом — в приятии человека, в снисхождении и терпении, в понимании внутренних, духовных, а не внешних, формальных обстоятельств жизни. Но это трудно. Легче управлять внешним, чем внутренним, проще контролировать внешность, нежели трогать сердца и просвещать умы. «Когда я удалюсь в монастырь, — размышлял вслух один алтарник лет пятнадцать назад, — буду пускать к себе в келью только женщин в нитяных чулках».

К женщине в православной церкви отношение особое. Женщине нет места в церковной иерархии. При воцерковлении младенца женского пола не обносят вокруг престола, но подносят только к Царским Вратам. «Женщина в храме да молчит». Это обосновано вероучением, и пока никто не смог с этим эффективно поспорить.

Но имеются и более обыденные, идейные нюансы. Церковная идеология и практика все время держат женщину под подозрением, под контролем; воспользовавшись словом Салтыкова-Щедрина, можно было бы сказать, что она всегда находится «под судом и следствием», должна доказывать непрестанно свою благонамеренность

и «чистоту», в то время как от мужчины этого не требуется. За нею до сих пор не признается право на самостоятельное, независимое от мужчины существование. Церковь как бы не замечает, как изменились обстоятельства жизни женщины за две тысячи лет. А жизнь меняется, и люди обоего пола приспосабливаются к ней, уступая переменам то, что сохранить нельзя и сохраняя то, что можно удержать. Церковь, храня верность прошлому, во многом и сама следует моде и духу времени; но в мужчине она скорее терпит перемены, чем в женщине. Месячные, заставлявшие женщин во время праотцев сидеть на соломе, давно перестали быть проблемой и не препятствуют, например, работе у конвейера; но в церкви менструирующая женщина все еще считается «нечистой» и не должна переступать порог храма. Верующий мужчина, женатый на неверующей женщине, получает в храме сочувствие и поддержку; женщину, вышедшую за невоцерковленного мужчину, иногда на много лет отлучают от причастия.

Во все времена и во всех странах мужчина может зайти в храм в том, в чем идет по улице, сидит на работе; современная женщина, отказавшаяся от головного убора и носящая брюки, должна соблюдать определенный маскаррад. При входе в церковь она надевает платок, при выходе из нее с облегчением снимает, но остается сложное чувство вины (греховность, лицемерие, ханжество). Часто у нее есть специальная юбка — для церкви. Какие странные условности. Если бы моя прапрабабка пришла в церковь в юбке той длины, какую носит сегодня соседка-попадья, ее поместили бы в сумасшедший дом: но не в этом дело. Никому не интересны эти аргументы. Интерес и сладость здесь в другом: церковь — единственное место в нашем обществе, где Мужчина может приказывать Женщине и унижать ее. Как бы скрытно, как бы интеллигентно это ни обставлялось. Только в церкви можно сегодня величественно изрекать то, что в обыденной жизни давно уже звучит анахронизмом, дикой нелепостью.

Традиция высшего женского образования насчитывает в России уже более ста лет. Женщин с высшим образованием у нас даже больше, чем мужчин. С точки зрения нашей церкви, однако, это ничего не значит. «Напрасно думают, что женщина только тогда вносит в человеческое общение полный свет своего разума, когда она обогащена разнородными сведениями (часто ей ни на что и не нужны), когда она говорит, как книга, когда почитает себя в состоянии входить в ученые прения и участвовать в решении самых высших вопросов. Все мы знаем, что здесь-то преимущественно и открываются слабые стороны женского ума (исключения редки), и не здесь надобно искать высших его достоинств» (архиепископ Амаросий, «Слово о назначении женщины». Москва, апрель, 1993). «Враждебная сила ложного просвещения: всеми способами развращает женское сердце. Ненужным знакомством с тайнами физиологии и медицины, лишает ее крепчайшего ограждения человеческой добродетели — стыдливости и внутреннего целомудрия. Вызывая ее на общественную, не свойственную ее природе деятельность, возбуждают в ней ложную самоуверенность, иногда доходящую до дерзости» (там же).

Удивительная историческая, социальная, человеческая слепота! Странные мысли, противоречия и высокой этике, и здравому смыслу. Женщине требовалось трудиться, чтобы есть и поднимать детей, требовалось получать образование, чтобы трудиться. Труд для пропитания — благо; вдвойне благо — труд, взятый на себя тем, кому не требуется зарабатывать себе на пропитание, работа, начатая от любви к труду и к ближнему. Все это верно, скажут нам, но верно не для всех. Такая этика — для мужчин.

«Возражение, которое обыкновенно делают при рассуждении о несвойственности женскому полу многих общественных должностей и занятий, на которые вызываются ныне женщины, таково: «Не все выходят замуж и могут быть матерями семейств; нужно же и девушкам искать самостоятельного труда для приобретения средств жизни». Ответим: если жизнь образованных народов ныне уклонилась от естественной простоты и порядка, если роскошь так усилилась, что здоровый и способный мужчина один проедает весь свой труд и под

предлогом трудности содержать семейство уклоняется от законного супружества, то участь женщин, остающихся в несвойственном их назначению положении, не облегчится, если они будут поставлены в другие положения, столько же или более несогласные с их природными свойствами. Зло злом не исправляется!» (Там же).

К счастью, не все в православной церкви рассуждают подобным образом. Однако, как видим, некоторые влиятельные иерархи и сегодня отправили бы девиц, вдов и оставленных мужьями жен побориться по большим дорогам. Раньше обездоленные могли прибегнуть к монастырю, однако сегодня и туда — путь узкий, отбор строгий и придирчивый.

Медсестра, верующая, девица, много лет уповала принять постриг. После увольнения из больницы, получив благословение старца на монашество, обратилась в несколько монастырей и везде получила отказ: «Ты обманщица, — говорили ей, — скрываешь от нас хроническую болезнь. Желаете сесть нам на шею, ничего не делать, лечиться за счет монастыря». «Я была готова работать в медпункте, доить коров, все, что угодно, — говорит она. — Теперь не знаю, что и делать. Ухаживаю за лежачими больными, ночью мою банковские помещения, жилья своего нет, хлебнула горя и унижений, негде преклонить голову. Зачем я столько лет мечтала о монастыре? Теперь жалею, что не вышла замуж».

Строгость и попустительство, нововведения и консерватизм перемешаны в церковной жизни и плохо поддаются упорядочиванию. Иногда церковь и хотела бы идти в ногу со временем, но спотыкается. Вспоминается курьезный случай. В костромской области открыли заново женский монастырь. Настоятельница пригласила на торжественное богослужение некоего административного работника из Москвы, человека неверующего. Тот прибыл в монастырь с внуком 11 лет, выросшим в православной семье. Когда с амвона возгласили «Оглашению, изыдите!», мальчик дернул деда за рукав и сказал, что тот не имеет права дольше оставаться в церкви. Гость послушно вышел из храма и всю оставшуюся службу и молебен простоял во дворе.

Московский школьник оказался консервативнее настоятельницы. «Православный церковный уклад не предполагает мирянам явной методики духовного усилия с целью духовного движения, — пишет православный писатель, — зато создает все условия для того, чтобы увязнуть в благочестивой церковной обыденности».

Церковь — малая вселенная, воплощение представления верующего об идеальном устройстве жизни. Почему же человек, вступающий в нее, не расслабляется и не умягчается, а напрягается и ожесточается? Предлагает Богу, в которого верует, вместо сокрушенного сердца все эти коврики и тряпочки? Почему интеллигентный человек, обратившись, начинает говорить и двигаться так, будто сам является собственной марионеткой, будто Господь не видит его во всех состояниях, со всех сторон? Зачем мы устраиваем Богу эту пантомиму, этот маскаррад? Почему из церковного правила, из науки покаяния людьми творится система взаимного шантажа, игра в «правильную жизнь», наука обличения, запугивания? «Слава Богу, — говорит одна верующая подвижница, — мои дети выросли неверующими. От скольких грехов их это избавило!». «Квазидуховность» сокрушительным образом действует на людей, только начинающих обращаться к церкви — пытающихся узнать правду о Боге и не могущих ее добиться, — пишет современный богослов, — а услышанное в церкви часто «не просто обнаруживает духовную безграмотность, но является зловещим признаком паралича сознания, сна разума, одевания чувств, обернутых в благочестивую оболочку церковной фразеологии». По словам Кейт Миллет, патриархальность стала «привычкой ума» и образом жизни. В русской православной церкви «привычки ума» существуют независимо от образа жизни, вопреки ему и в воинственной конфронтации с ним. «Православие еще только начинает говорить на языке современного сознания», — писал о. Сергей Булгаков более пятидесяти лет назад. Сегодня кажется, что оно устало говорить на этом языке, так и не начав.

Мария Котовская
кандидат исторических наук

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Идеологический спектр общественной жизни в современной России представляется сложным и неоднозначным. Если выявление индивидуального уровня религиозности — задача крайне трудная, то народа, нации — практически не выполнимая. Это, прежде всего, относится к странам со сложным конфессиональным составом. Даже в дореволюционной России, где православие всецело поддерживалось государством, духовные искания были крайне сложны и противоречивы. В обществе наблюдались как бы две тенденции: с одной стороны — глубокая вера в Христа и его Учение, с другой стороны — общество, народ, в котором, по словам известного литературного критика В.Белинского, еще было много суеверия, но... не следа религиозности. Оба эти явления наблюдаются в нашем обществе и сейчас.

Для объективного исследования, мне кажется, необходимо введение понятия «религиозное сознание» за узкие рамки очерков религиозности, следует это понятие различать сакральные по своей сути формы массового индивидуального сознания. Дело в том, что изучение таких глубинных форм неинституционализированной религиозности чрезвычайно сложно. У нас сейчас нет исследований такого рода. Это отчасти объясняется тем, что разработка тем, связанных с религией, была до последнего времени чрезвычайно затруднена в нашей стране. В 1987 и 1988 гг. силами сотрудников Института социологических исследований РАН и Института этнологии и антропологии РАН были проведены интересные исследования в Москве и Кемеровской области России. В предлагаемой статье я прежде всего буду использовать данные этих двух массовых опросов. Московский опрос проводился в 1987 г. (1) Всего было опрошено 1600 респондентов, выбранных случайно (каждый десятый) по избирательным спискам городских исполкомов. На репрезентативности данных, полученных в ходе данного опроса, я не буду сейчас подробно останавливаться. На мой взгляд, результаты исследований отражают истинную ситуацию в стране, существовавшую в 1987 г. Вопросник, в частности, предусматривал четыре варианта ответа:

1. Верую.
2. Колеблюсь.
3. Безразличен, не верую.
4. Считаю, что надо активно бороться с религией.

Были получены следующие данные: верующих себя считали 9,3%, колеблющимися — 11,1%, безразличными — 70,5%, активными атеистами — 0,1%. К группе «религиозного населения» в данном конкретном случае можно отнести категорию колеблющихся. В пользу этого говорит, во-первых, страх определенной части верующих открыто обнаружить свои убеждения (напомню, что опрос проводился в 1987 г.); во-вторых, тот факт, что к разряду колеблющихся себя причисляют люди, придерживающиеся нетрадиционных форм сакральности (мистики, адепты, йоги, тантризма и т.д.). Каков же социально-профессиональный состав этой трудноуловимой социологической группы верующих? К ней прежде всего относятся горожане-интеллектуалы и студенческая молодежь. К такому роду религиозного сознания оказывается особенно восприимчива женщина. По данным Московского опроса, религиозное население столицы на 3/4 женское. По возрасту среди ортодоксально верующих женщин, регулярно посещающих храм и выполняющих предписания церкви, лидирует старшая возрастная группа, т.е. люди, которым за 60 (40%). У части из них (обычно малообразованной) языческие предрассудки и суеверия соседствуют с традиционным православием. Среди 30–40 летних женщин наблюдается наименьший процент ортодоксально верующих. У этой категории обычно смутное православие переплетается с другими формами религиозного сознания, например, мистическими и оккультными. Интересно, что

в Москве среди обеих возрастных категорий женщин высок процент лиц с высшим образованием (2).

Данные московского опроса 1987 г. были подтверждены результатами совместного советско-американского опроса общественного мнения москвичей и жителей четырех городов США в 1988 г. Результаты телефонного опроса 1 тыс. москвичей старше 18 лет таковы: 10% опрошенных считают, что Бог существует; 34% не знают, есть Бог или нет; 43% уверены, что Бога нет. Таким образом, доля верующих практически одинакова как в первом, так и во втором исследовании. Однако процент неверующих москвичей в опросе 1988 г. более высок. Это, возможно, объясняется тем, что москвичи не привыкли к методу телефонного опроса и многие в своих ответах не были достаточно искренними. Тем не менее оба опроса показали, что многие москвичи достаточно раскрепощены в своем отношении к религии. Их ответы отличаются от взглядов жителей других областей и городов России. Пример тому — опрос жителей Кемеровской области России, проводившийся в 1988 году. На вопрос об их отношении к вере они дали следующие ответы: верующие — 2%, колеблющиеся — 21%, индифферентных убеждений — 69%, атеисты — 8%. Проводя сопоставительный анализ данных этих и ряда других исследований, можно сделать вывод, что процент верующих (на 1987–88 гг.) среди населения России колеблется от 20 до 35%, активных атеистов — от 8 до 9%. Процент сомневающихся, находящихся вне официальной религии людей, составлял 70%.

Теперь конкретно рассмотрим, как распределяется религиозность в зависимости от возраста и пола. Итак, опираясь на московский опрос 1987 г., можно выявить следующие закономерности. Показательно, что основная масса верующих, как отмечалось ранее, — это женщины. Интересно, что уровень религиозности среди работающей молодежи выше, чем у людей предпенсионного возраста. Рассмотрим долю верующих москвичей (опрос 1987 г.) по социально-профессиональным и по возрастным группам. Наибольшая религиозность выявлена у пожилых людей, связанных с физическим трудом. Доля верующих среди учащейся молодежи выше, чем среди работников умственного труда средней возрастной категории, но ниже, чем у молодежи, занятой физическим трудом.

Материалы московских опросов выявили относительно невысокий процент верующих среди работников умственного труда. При этом вычленив из этой категории лиц с высшим образованием показало, что они составляют немалую долю верующих — 18,2%. Между членами указанной группы существует значительный разброс религиозных представлений и верований. Так, например, церковному человеку достаточно трудно понять дзен-буддизма, кришнаита. Следует также отметить, что у некоторых верующих этой группы, в том числе и женщин, представление о вере не идет дальше поверхностного знания отдельных религиозных догм и обрядов. В этом плане интересны данные В.Г.Немировского, проводившего исследование среди интеллигентной молодежи г. Красноярск. «В такие традиционные религиозные ценности, как бессмертие души и откровение свыше, верят соответственно всего 3,6 и 3,2% опрошенных, тогда как в ясновидение и знахарей, умеющих наводить порчу — 19,8 и 15,3%» (3). При этом мистический настрой женщин значительно выше, чем у мужчин.

Желание докопаться до сути жизни, осмыслить свою индивидуальную судьбу и судьбу страны в целом вообще присущи русскому сознанию. К такому знанию оказываются наиболее восприимчивыми женщины. Сейчас же интерес женщин к глубинным пластам психики особенно усилился. По своим интуитивным способностям женщины значительно опережают представителей противоположного пола. Поэтому не случайно изучение женского подсознательного начала привлекало таких крупных психологов и психиатров, как К.Юнг, Э.Фрейд, Э.Фромм, Т.Парсонс, О.Вейнингера, П.Ганушкина. Это объясняется отчасти тем, что среди женщин преобладание эмоционально-сенситивных типов выражено значительно резче, чем среди мужчин. Повышенная сенситивность женщин была хорошо известна в период древней истории и в средние века. Пифии и весталки оставили свой след в развитии мировой цивилизации. И в более поздние эпохи немало светлых женских имен остались в истории отдельных церквей и государств.

В наши дни именно женщины возглавили движение за восстановление разрушенных храмов. Причем этот процесс они нередко рассматривают как один из путей возрождения глубокого интереса к духовной национальной культуре в целом. Среди женщин высок интерес к национальной истории, в том числе и к религиозной, к воссозданию лучших этических норм и правил поведения народа. Любопытным явлением представляется совместная борьба женщин и священства за открытие воскресных и церковно-приходских школ. Обычно детей в такие школы приводят мамы. На мой вопрос для чего они это делают, многие ответили, что хотят привить детям вечные моральные ценности. А конкурс, возникший при приеме детей в недавно открывшуюся в Москве первую православную гимназию, показал, насколько возрос интерес москвичей к религиозному воспитанию детей. В определенной степени увлечение религиозными формами обучения у части населения является протестом против господства в стране атеизма, жесткого давления идеологии на личную жизнь человека. Полное отсутствие в системе нашего народного образования историко-религиозной подготовки также способствует этому. Однако наряду с глубоко верующими людьми, стремящимися дать детям фундаментальную богословскую подготовку, есть родители, которые просто поддались модному поветрию, и водят своих детей в воскресные школы, чтобы повысить их общее развитие, мало заботясь о душе и вере своих чад.

Внешняя приверженность религиозным традициям и обрядам в таких случаях не имеет ничего общего с истинной верой. В этом плане интересны факты, полученные при праздновании 1000-летия крещения Руси (1988 г.). За период после Поместного Собора 1971 г. в православных храмах было совершено более 30 млн. крещений. При этом, по свидетельству священников, очень многие родители, крестившие детей, сами в церковь не ходят. С модой связано и ношение частью молодежи ритуальных символов и других церковных атрибутов. В целом рост национального самосознания нередко выливается в «моду на православие», при этом часто сознание человека имеет внецерковный характер.

Заигрывание некоторых представителей новой власти с церковью, на мой взгляд, в настоящее время вызвано скорее их личными политическими амбициями, нежели религиозного сознания. Тенденция же превращения церкви в идеологическую подпорку власти представляется мне опасной как для самой церкви, так и для государства. Новые же модели нравственного религиозного мировоззрения только начинают формироваться в нашем обществе.

Так, наши опросы (1995–1997 гг.), проводившиеся среди студенческой молодежи, показали, что более половины из них считают себя верующими. Однако, многие из них редко ходят в церковь и не выполняют христианских обрядов. Воцерковленными являются не более 1% опрошенных. Для них церковный брак — таинство, а аборт — невозможен ни при каких обстоятельствах.

Посмотрим, как относятся к этим ценностям современная молодежь. Изучение жизненных ориентаций семнадцатилетних россиян являлось одной из задач социологического исследования «Молодежь России: три жизненные ситуации», проведенного Центром социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с Центром по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской Академии наук при участии Научно-исследовательского центра Института молодежи в марте 1997 г.

Объем выборки семнадцатилетних россиян — 1068 человек. Тип выборки — стратифицированная, многоступенчатая, случайная на этапе отбора респондентов. Опрос проводился в 56 субъектах Российской Федерации. В выборку попали семнадцатилетние подростки, в основном — выпускники средних школ. Среди них 37% — жители крупных городов, республиканских столиц, краевых и областных центров, 32% — жители средних городов, 6% — поселков городского типа, 25% — жители сельской местности. В выборке оказалось 51% юношей и 49% девушек 1979–80 гг. рождения. Были опрошены лица более двадцати национальностей, однако 92% подростков назвали себя русскими, поэтому, к сожалению, сравнение резуль-

татов исследования между группами респондентов иных национальностей невозможно из-за их малой представленности. Среди русских респондентов 87% имеют русского отца, у 2% подростков отцы — татары, у 3% — украинцы. У 88% русских респондентов мать — русская, у 2% — татарки, у 3% — матери — украинки. Чуть больше половины всех подростков (58%) провели большую часть своего детства в крупных и средних городах, остальные — в малых городах и сельской местности. 27% подростков — выходцы из семей, где отец занимает руководящую должность или является специалистом, у 7% — отец — служащий, у 44% — рабочий, у 4% — работник сельскохозяйственного производства. Большинство подростков считают свои семьи обеспеченными (35%) и «скорее обеспеченными, чем нет» (39%), 19% — малообеспеченными. К полярным группам богатых и бедных отнеси себя очень незначительное количество опрошенных (0,7% и 0,9% соответственно).

Общее представление о самых необходимых и важных жизненных ценностях дает вопрос «Какими Вы хотели бы видеть себя через 15 лет?». Исследование выявило близкие жизненные ориентации юношей и девушек, хотя некоторые различия по каждой конкретной позиции, конечно имеются. На первом месте со значительным отрывом от других ценностей оказались семья, дети и материальное благополучие, затем в порядке убывания идут профессионализм и здоровье.

Таблица 1
Какими Вы хотели бы видеть себя через пятнадцать лет?

		Всего 1068	Муж. 547	Жен. 521
1.	Человеком, у которого крепкая семья и хорошие дети	74	68	82
2.	Материально хорошо обеспеченным	71	69	74
3.	Профессионалом в своем деле	49	51	48
4.	Здоровым, физически сильным	44	50	39
5.	Надежным другом	31	32	31
6.	Свободным, независимым человеком	30	26	34
7.	Человеком с чистой совестью	24	22	26
8.	Человеком, который умеет хорошо повеселиться и отдохнуть	23	22	25
9.	Энергичным, предприимчивым	20	22	17
10.	Человеком, который пользуется большим авторитетом	19	20	17
11.	Справедливым, умеющим постоять за других	17	23	11
12.	Образованным, духовно богатым	15	11	19
13.	Патриотом, настоящим гражданином своей страны	4	7	2
14.	Таким, как все	4	6	3
15.	Глубоко религиозным	1	1	1

Ответы юных россиян свидетельствуют, что базовыми жизненными ценностями для них являются прежде всего такие терминальные ценности как семья и здоровье и достигательные ценности — материальное благополучие и профессионализм. Им уступает место даже дружба, значение которой в этом возрасте очень велико. Ценности, которые относятся к морально-этическим категориям или недостаточно конкретизированы, получили заметно меньшее количество голосов. В данной статье будут проанализированы установки на семью и будущую профессию — главные сферы жизнедеятельности, в которых полнее всего раскрывается жизненный потенциал личности.

В число православных семейных ценностей обязательно включалось родительское благословение на брак, от которого во многом зависело будущее материальное и социальное положение новой семьи, не говоря уже об эмоционально-психологической атмосфере в родительских семьях и семье новобрачных. С этим был также

связан определенный цикл традиций, целый комплекс ритуалов в процессе подготовки к свадьбе. Отношение родителей к будущей семье своих детей — очень важный фактор, влияющий на стабильность молодой семьи и в настоящее время. Результаты проведенного исследования показывают, что традиционное отношение к родительскому согласию на брак для будущих женихов и невест не утратило своего значения и по-прежнему является важным для трети всех опрошенных, но оно особенно характерно для молодежи, проживающей в малых городах и сельской местности и является более важным фактором для девочек. Среди тех, кто собирается обзавестись семьей, 36% считают необходимым иметь родительское согласие на брак (причем среди этих респондентов девочек на четверть больше, чем мальчиков). 43% отмечают это обстоятельство как желательное, но не обязательное, для 17% родительское согласие не нужно (среди них девочек в два раза меньше, чем мальчиков). Почти половина подростков хотят заключать брак по религиозному обряду (45% юношей и 55% девушек), для пятой части опрошенных «это безразлично», 17% — сторонники светского брака, 10% пока не определились по этому вопросу. Можно ли предположить, что желание совершить брак по религиозному обряду свидетельствует о распространении среди молодежи религиозных семейных ценностей? Сопоставим эти данные с данными о религиозности семнадцатилетних. Верующими, соблюдающими религиозные обряды, назвали себя 3,4% опрошенных, религиозная принадлежность очень значима для 4,2%, молятся один раз в день 6%, чаще — 3%, посещают церковь один раз в неделю 1%, один раз в месяц — 5%. При таком состоянии религиозности вряд ли правомерно говорить о возрастании молодежи к христианским или иным религиозным семейным ценностям, основываясь лишь на том, что число венчающихся в церкви и желающих венчаться достаточно велико. Это желание, скорее всего, возникает из-за знаменательности, торжественности, красоты обряда, перед которым сильно проигрывает процедура гражданского оформления брака.

Приведем еще один факт, свидетельствующий о том, что процесс распространения религиозных семейных ценностей касается лишь оформления брака и вряд ли способен регулировать супружеские и семейные отношения.

Большинство подростков на вопрос «К какой религии Вы принадлежите?» ответили, что они являются православными (42% опрошенных), 8% свою религию назвали «просто христианство», 5% верят в бога, но не разбираются в религиях, 3% верят в «своего бога», 1% назвали себя католиками, 38% вообще не ответили на этот вопрос. Поскольку большинство называют себя православными, что вполне естественно для России, интересно проследить отношение опрашиваемых к такому важнейшему элементу православной системы семейных ценностей как вступление в брак. Согласно православному учению, выбор будущего супруга или супруги должен быть свободен как от расчета или корысти, так и от страстей, в том числе и от любви, поскольку и то, и другое ведет к несчастливой семейной жизни. Брак по расчету неразумен для мужчины, унижает для чести женщины, оскорбителен для святости брака. Разумность выбора жениха или невесты — это выбор душевных достоинств, главным из которых является благочестие.

К сожалению, выявление мотивации заключения брака не являлось задачей данного исследования, но один из вопросов анкеты косвенно затронул данную проблему. Подросткам было предложено высказать свое мнение по поводу возможных способов добывания денег, одним из которых назывался брак по расчету. Ответы распределились следующим образом: 49% юношей и 32% девушек считают для себя невозможным вступление в брак по расчету ни при каких обстоятельствах. Считают возможным такой брак в чрезвычайных случаях 17% юношей и 25% девушек, иногда возможным — соответственно 13% и 18% опрошенных. Для 11% юношей и 20% девушек брак по материальным соображениям — нормальное явление. В целом такое отношение к браку по расчету в наше очень трудное время не удивляет. Настораживает другое: явно выраженное слишком лояльное отношение к подобному браку тех, кто склонен заключать его по религиозному обряду (ниже приведены данные в % к

числу опрошенных юношей и девушек, желающих заключить брак по религиозному обряду).

Таблица 2
Отношение к вступлению в брак по расчету тех, кто желает заключить свой брак по религиозному обряду

	Юноши	Девушки
1. Считают недостойным при любых обстоятельствах	52	35
2. Считают возможным в чрезвычайных случаях	15	23
3. Иногда считают возможным	13	20
4. Считают нормальным	12	18
5. Затруднились ответить	4	3
6. Отказались отвечать	4	1

Разумеется, брак по расчету существовал всегда и долгое время был доминирующей формой брака. Однако в нашем недавнем прошлом, в 70–80-е годы, главным мотивом брака была любовь, а брак по расчету считался чем-то аномальным. Для людей, которые относятся к браку как к религиозному таинству, корыстные интересы при выборе жениха или невесты должны быть совершенно неприемлемыми, однако семнадцатилетние либо не замечают противоречивости своей позиции, либо считают допустимым подобный идеологический «плюрализм». Причем девушки значительно опережают юношей в этом вопросе. В целом приходится признать, что слишком много семнадцатилетних демонстрируют свое отношение к браку как к выгодной сделке и готовы улучшить свое материальное положение за счет брачного партнера. Такое положение дел свидетельствует об усилении бездуховности подрастающего поколения.

Результаты исследования предвидимого брачно-семейного поведения поколения семнадцатилетних, стоящих на пороге самостоятельной жизни, интересно сравнить с результатами исследований тех, кто уже состоял как семьянин. В данную выборку того же исследования попало двадцатичетырехлетних респондентов 1390 человек и 1381 респондент в возрасте 31 года (поровну мужчин и женщин), основная масса которых русские (соответственно 90% и 87%). 38% опрошенных в каждом массиве — жители столиц, краевых и областных центров, 31% — жители городов, 6% — поселков городского типа, 24% — сельские жители.

Так же как и семнадцатилетние, респонденты описываемых возрастных групп, еще не вступившие в брак, отвечали на вопрос, необходимо ли им будет родительское согласие на брак. Разумеется, среди них больше людей, готовых вступить в брак без согласия родителей. Самостоятельное принятие решения о браке для более старших поколений совершенно естественно, и данные опроса подтверждают это (не нуждаются в согласии родителей 28% двадцатичетырехлетних и 44% респондентов в возрасте 31 года). Однако для очень многих из этих категорий опрошенных мнение родителей небезразлично: более половины 24-летних и половина 31-летних ответили «определенно да» и «желательно». Такое положение дел частично можно объяснить тем, что достигшие 24 лет и 31 года люди продолжают жить со своими родителями. На вопрос «Кто живет вместе с Вами?» 64% 24-летних мужчин и 55% женщин того же возраста ответили, что живут со своими родителями или родителями своего супруга (супруги). Для 31-летних эти цифры составляют для мужчин — 29%, для женщин — 35%. Жизнь молодой семьи с родителями — одно из последствий ранней брачности, когда создающие семью люди фактически еще материально не готовы жить самостоятельно. Проживание под одной крышей родительской семьи и молодой семьи является фактором риска с точки зрения стабильности последней, вследствие вмешательства родителей в жизнь молодых семей, материальной и моральной зависимости молодоженов.

Все, что было сказано о религиозном заключении брака выше в равной мере относится и к молодым людям исследуемых возрастных групп. Об их религиозности говорят следующие факты: верующими, соблюдающими ре-

лигиозные обряды назвали себя 3% двадцатичетырехлетних и 3,5% 31-летних респондентов, религиозная принадлежность очень значима соответственно для 4,7% и 4,8% опрошенных, молятся 1 раз в день 3,6% и 5%, чаще 3,2% и 2,4%. Посещают церковь раз в день 0,1% тех и других, раз в неделю 1,4% респондентов из обеих возрастных групп, раз в месяц соответственно 5,3% и 4,9%. Безразличными к религии назвали себя 11,9% и 9,6% респондентов, неверующими — 32,5% и 36,6%. Приведенные данные свидетельствуют о том, что среди молодежи более старших возрастных групп, так же, как и среди подростков, людей, которых можно назвать истинно верующими, воцерковленными, немного. Однако, среди тех, кому еще предстоит сыграть свадьбу, треть респондентов обеих возрастных групп собираются заключать брак по религиозному обряду. Это желание высказывается, скорее всего, по тем же мотивам, которые характерны для подростков, причем в данном случае, это предположение косвенно подтверждается данными об уже заключенных браках. На вопрос «Ваш первый брак был заключен по религиозному обряду?» только 22% двадцатичетырехлетних семейных и 8% женатых и замужних из группы 31-летних ответили «да». Большинство из обеих возрастных групп, соответственно 76% и 91%, ответили «нет».

Таблица 3
Хотели бы Вы, чтобы Ваш брак был заключен по религиозному обряду?

	Возраст — 24 года			Возраст — 31 год		
	Пол			Пол		
	Всего	муж.	жен.	Всего	муж.	жен.
	559	344	215	125	71	54
(Ниже приведены данные в % числа опрошенных в каждой указанной группе)						
1. Да	32,2	29,9	35,8	36,8	36,6	37,0
2. Нет	29,0	29,9	27,4	27,2	23,9	31,5
3. Вам это безразлично	28,8	32,8	22,3	27,2	32,4	20,4
4. Затрудняюсь ответить	10,0	7,3	14,4	8,0	7,0	9,3

Марина Адамович

«ОБРАЗ ИЗ ЧУВСТВ МОИХ...»

«Я разгляжу Тебя и разгляжу, распишу Тебя лепо, и не золотом, нет, а обычным чернилом дубильным... и образ зыбчайший из чувств моих Будет бессильным, зане Ты простым бытием превзойдешь Его слепо».

Райнер Мария Рильке,
«Часослов», Книга 1

Сначала мне хотелось спорить и доказывать. Я так четко видела главный промах собеседниц Круглого стола «Религия и феминизм», так убедительно и умно могла предложить контрдоводы и аргументы... как вдруг поймала себя на мысли, что впадаю в то же искушение, что и эти разумные, честные женщины, пытающиеся интеллектом и правом объяснить необъяснимое: веру. И я вспомнила давнюю христианскую притчу: к Юлиану Отступнику привели осужденных первоучителей. Ученый римский правитель сказал им гордо: «Я читал, понял и — не принял». На что получил тихий ответ: «Ты — читал. Но не понял, иначе бы принял». Такая неблагодарная задача — объяснять невыразимое словами. Так мне, советской первокурснице, объясняла некогда учительница: «Бога нет, потому что космонавт Юрий Гагарин летал на небо и никого не увидел». Когда я попыталась убедить таким же образом

своего отца, он усмехнулся и сказал: «не туда летал значит». Поэтому я не стану возражать и спорить о том, хорошо или плохо живут православные женщины, тиранствуют или нет их верующие мужья, поощряет ли насилие Церковь (любая христианская Церковь), нужен ли Домострой... Нет, я просто расскажу о моем давнем друге — православной христианке, ее судьбе, чувствах, вере.

С Аллой Александровной Андреевой я познакомилась лет пятнадцать лет тому назад. Мой тогда еще не муж, а приятель, пригласил меня отпраздновать Рождество вместе с ним, на квартире у вдовы Даниила Андреева. Никакая аспирантка-филолог не устояла бы против такого искушения: посмотреть на женщину, которую любил величайший русский поэт-мистик XX века (мало кто знал тогда, в начале восьмидесятых, о Данииле Андрееве и его мистико-религиозных поэмах; знание это было привилегией избранных и непослушных советскому режиму. Оттого, не смущаясь недостатком информации и даже текстов, мы, молодые, великодушно окружали имя поэта ореолом тайны и избранности). Дверь нам открыла невысокая, худенькая женщина — открыла и, легко взмахнув рукой: заходите, — устремилась вглубь квартиры. Что осталось в памяти от той первой встречи? Именно эта необычная легкость, подвижность — крылатость хозяйки. И еще — ее странная бледность, почти просветленность. Что в ту рождественскую ночь воспринималось по-особому. Легкокрылость и просветленность Аллы Александровны удивляли меня тем больше, чем глубже я узнавала Алису, так звали ее в детстве.

Жизнь Аллы — драматична. Жизнь Алисы — навсегда задержалась в «стране чудес». Алла сполна хлебнула всего, что выпало детям «бывших» в стране Советов в 30-е годы; Алиса вспоминает детство и юность как ожидание «рыцаря бедного», как предчувствие Встречи: «мой изумительный сон... Я увидела крылатое существо, имевшее очертания человека, но существо было из радуги... Может быть, я видела своего Ангела?.. Он был из радуги. Радуга — символ Святой Софии. Кого же я видела?» (из книги воспоминаний «К небесному Кремлю»). А сон-то — времен революции и Гражданской войны. Как это объяснить? Не знаю. Алла рано начала зарабатывать себе на хлеб, трудно пробивалась к профессии художника; Алиса испытала не удивление, а чувство узнавания, когда встретила Даниила и стала его женой.

Не хочу впадать в сентиментальность: эта была вполне реальная жизнь мужчины и женщины, со всем набором знакомых проблем; к тому же, жизнь людей, не принявших коммунистическую диктатуру, иначе говоря, словом, жизнь, наполненная творчеством и нищетой. Но ведь важны не проблемы, а — как ты себя видишь в них. Алиса и сегодня, спустя годы, говорит о своем тогдашнем желании Служения. Очень сложно воспринимать в конце расхождений XX века это стремление личности к абсолютной самоотдаче и единению с другой личностью. Но в истории русской Православной Церкви такие примеры были. Меня всегда потрясал подвиг святой блаженной Ксении Петербургской. Бесконечно любя своего мужа, эта юная светская красавица была сражена позорной кончиной супруга в публичном доме. Но любовь ее претерпела поразительную метаморфозу: если муж и жена в браке — «едина плоть», то она, Ксения, должна жизнью своей искупить грех мужа, попробовать прожить праведную жизнь вместо него, чтобы очистить его душу и спасти для вечного блаженства. И юная жена, надев мужской кафтан (словно кожу его натянув), ушла в мир искупать вину мужа. Решение дикое с точки зрения обыденного рационального сознания конца XX века, идея неправдоподобная для позитивистской философии моих современниц, — но какое величие духа! Какая мощь веры! И задумаемся: такое служение парадоксально только в рамках плоского эвклидова мира. Но Боже мой, сколько парадоксов мы бы преодолели, начни присматриваться к сложнейшей человеческой природе, откажись мы от убогих рамок рационализма и обрети мы метафизический контекст существования личности на земле. Пугает Домострой? — И справедливо пугает. Но справедливо только в контексте нашего реального несовершенства. Ведь бьет и насилует не православный православный, а — варвар — свою жертву, животное, не сумевшее подняться до человека. Именно это различие проводит св. Иоанн Златоуст в своем учении

о христианском браке — о браке как о тайне, как о соединении двух в одно, о служении друг другу — беря примером любовь и служение самого Спасителя. Не мы ли сами занизили планку? Что поделаешь, человек мал и слаб. Он и виноват, что чуда не произошло...

Алисе же удалось побывать в стране чудес. Реальное супружество длилось недолго. Напомню, что «страной чудес», но в ином, саркастическом плане, называли страну Советов. И чудеса там творились поистине бесовские. Сказка нашей Алисы была прервана буднично, прозаично: после прочтения в кругу близких друзей антисталинской поэмы Даниила, их обоих арестовали (замечу, Алла знает, кто предал, но на мой вопрос ответила, что простила — и за себя, и за Даниила. Простила и молится за этого человека, за его спасение. Могли ли я словами адекватно объяснить это движение ее души? Нет у меня таких слов). Тридцатилетней Алисе дали 25 лет лагерей (в этот год расстрел был отменен, смертную казнь ввели вновь чуть позже, когда Алла уже сидела. — «нас провела охранявшая Светлая рука. Потому что Даниил был нужен. Он еще не написал того, что должен был написать» — признается мне Алиса. И опять: о себе — через него). После освобождения (смерть Сталина) Даниил прожил лишь год. Но за этот короткий срок он создал свою «Розу мира», философско-религиозное произведение, которое читают сегодня во все странах. А читают — благодаря Алисе.

Свое женское призвание она нашла в служении: сначала живому мужу, потом — написанным им произведениям. Годы и годы эта маленькая хрупкая женщина «пробивала» сквозь советскую цензуру к печати тексты Даниила Андреева. Кто сегодня в России, США, Англии, Германии, Испании, Италии — странах, где читают «Розу мира», кто знает, сколько женского отчаяния и сил вложено в эти тома? Слегка постаревшая Алиса (всего-то неполных девяносто) продолжает ездить по России, по миру, пропагандируя творчество Даниила (лучшего чтения его стихов я, профессиональный литератор, не слышала). Она почти ослепла, моя Алиса, но по-прежнему легкокрыла и неистощима на радость (грешным делом, когда мне тяжело, я иду к ней поплакать, и она собирает меня из осколков, и лепит новую, сильную, способную к жизни). Как хватало ее на столь долгую радость? Однажды Алиса призналась мне: с первого дня и до смерти Даниила она ощущала некое дыхание отсюда, дуновение неземных ветров. Они вдохновляли ее и — смиряли. Мир иной, визионером которого был Даниил Андреев, и для Алисы был Реальностью. Реальностью веры. «Смысл жизни — преодоление» — так закончил свою книгу воспоминаний Алла — ...путь человека к Богу. Возможно, я какое-то зло в окружавшем меня мире и в себе самой преодолела... Что же я скажу перед теми закрытыми дверями? — Господи, я такая, какая есть. Стать лучше, ближе к Твоему замыслу обо мне я не сумела. Прости меня».

Я переписываю эти строки Алисы и думаю: а чувствую ли я Божий замысел обо мне? Приближаюсь ли я к его воплощению в ходе моей такой светлой и неустоенной жизни, или отталкиваю его нагромождением вольных и невольных ошибок? Не знаю. В моей жизни много неправоты и проблем, часто я чувствую, как теряю путеводную нить, запутываюсь и начинаю метаться. Мне тяжело вмести в себя разом мою веру и рационализм, мою профессию и моих детей, мой долг перед близкими и себяодолбление... Тогда я иду в храм. Иду за помощью. Я стою, окруженная родными иконами, я вбираю в себя знакомые песнопения, я молюсь. Я жду знака. Не понимания, не объяснения, но — мгновенной ясности и покоя в душе. Того самого дуновения Иного мира. И я обретаю возможность жить дальше. Думаю, это не просто женская слабость и желание защиты. Ведь моим чувствам ответил некогда и мужчина (правда — поэт, правда — великий поэт):

*«Одно уметь он должен — падать,
смирено погружаясь в вес,
тот, кто дерзал полетом прядать
превыше птиц до небес»*

(Райнер Мария Рильке)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ КОШМАР И РОССИЙСКОЕ «БАБЬЕ ЦАРСТВО»

Читать материалы собеседований зарубежных феминисток — всегда интересно, хотя реалиям нашей жизни они, увы, не соответствуют. Этим и определяется наше отношение к протоколам проводившегося недавно в ООН «круглого стола» на тему «Религия и феминизм». Тринадцать уважаемых дам — общественниц из Европы, Америки, Африки и Азии (писательницы, преподавательницы, журналистки и, так сказать, богословы) постарались рассмотреть этот вопрос с точки зрения представляемых ими трех мировых религий, причем христианство, в свою очередь, было представлено только католицизмом и протестантизмом. Ни православных, ни, что называется «россиянок» на это заседание не позвали. А жаль: нам было бы что рассказать, потому что при полном отсутствии сколько-нибудь организованного женского движения в Православной Церкви механизм нейтрализации мужского засилья действует у нас превосходно, а наиконсервативнейшая, закутанная в плотный платок и облаченная в длиннейшую юбку церковная тетенька даст сто очков вперед любой самой отчаянной западной феминистке. Впрочем, обо всем по порядку.

Участниц вышеупомянутой дискуссии «приводил в отчаяние» вопрос о том, «есть ли место феминизму в религиях? Возможно ли примирить эти два института?» Обсуждая его, почтенные женщины установили, что

а) все мировые религии изначально утверждали равенство мужчины и женщины в их служении Церкви, но б) практика властного маскунизма свела женское влияние в Церкви на нет, превратив женщин в «обслуживающий класс» хозяев религиозных организаций, в результате чего

в) ради восстановления изначального порядка вещей истинным феминисткам необходимо добиваться «доступа к органам церковной власти».

Все это вроде бы справедливо. И даже более чем справедливо, потому что Евангелие, например (если говорить конкретно о христианстве), не только декларирует абсолютное равенство мужчины и женщины во Христе, но даже и недвусмысленно показывает, что женщины как класс в своем служении Христу оказываются куда более стойкими. Вот, например, апостолы в массовом порядке (за исключением одного только Иоанна Богослова) Христа покинули, стоило только ему очутиться за решеткой. Чего не скажешь о женщинах: они не только следовали за Учителем до последнего, но и охотно поверили в его воскресение (а потому и увидели его первыми), меж тем как глубокомысленные мужи предпочитали пожимать плечами и не допускали мысли о том, что умерший может воскреснуть. А если так, то церковный феминизм в его высшем смысле освящен, стало быть, традицией и потому вполне может считаться своего рода догматом веры. Наши соотечественницы решают вопрос «однозначно». Но прежде чем рассказать об этом, посмотрим, что представляет собой церковный феминизм западного разлива.

В западном мире христианский феминизм вот уже много лет развивается в двух основных направлениях. Первое из них назовем условно «южно-католическим», или «физиологическим», а второе — «северо-протестантским», или «политическим» (нет нужды говорить о том, что в Америке, в этом гигантском конфессиональном котле, оба эти направления представлены со всей полнотой). Представительниц первого направления больше всего волнует защита так называемых «репродуктивных прав» благочестивой женщины — то есть права, не чувствуя себя грешницей, на законных основаниях прибегать, в случае необходимости к абортам и контрацепции. Однако многочисленные и влиятельные защитники «священного дара жизни» во главе с Папой Римским этому решительно противостоят. По этому поводу Ката Поллитт, участница дискуссии в ООН, остроумно заметила: «Если я поддерживаю стремление женщин к духовности, то это еще не значит, что я, феминистка, должна сказать людям: «Идите же в церковь! Положите на поднос свои пять долларов, чтобы

Папа Римский продолжал выступать против абортот. В протестантском же мире, где бастиона в лице папского авторитета не существует, а «репродуктивные права» считаются неотъемлемой частью совокупных прав личности, женщин больше волнует политический, так сказать, аспект церковного феминизма. И вот на этом-то фоне успехи женщин весьма значительны: в некоторых протестантских странах женщины-священники (и даже епископы!) уже стали частью общественного пейзажа, а если какой традиционалист-фундаменталист-маскулинист и позволит себе по этому поводу некое ворчание, то ему грозит привлечение к административной ответственности за нарушение международно-правовых стандартов.

Правда, даже и дорвавшись до власти в религиозных организациях, женщины все равно чувствуют себя неуютно. О чем хорошо сказала рабби Эти Левин — женщина-раввин из Израиля, также обсуждавшая в ООН тему «феминизм и религии». Ее признание ценно, тем более что легализовать женское священство было куда труднее в максимально маскулинизированном иудаизме (а в нем, напомним, все еще имеет хождение молитва: «Благодарю тебя, Господи, за то, что ты не создал меня женщиной»), чем в либеральном протестантизме, где изначально не существовало никаких вероучительных препятствий женскому священству. Так что же огорчает Эти Левин? Отвоевав в тяжелой борьбе с мужчинами право совершать священнодействия и повесив на стену своей квартиры «большой красивый диплом», подтверждающий ее принадлежность к сословию раввинов (а также, что не менее существенно, добившись поста казначея Раввинской ассамблеи Израиля), она все-таки сетует: «Помните фильм «Харви» про белого кролика двухметровой высоты, которого никто не видит? Мы, женщины, принявшие духовный сан, чувствуем себя как этот кролик. Вот уже два десятилетия мы пользуемся завоеванным нами правом руководить пастырь, но создается такое впечатление, будто никаких сдвигов в этой области не произошло». Так вот он, значит, каков — печальный лик победившего феминизма! Так вот оно, оказывается, как оборачивается: добиться-то своего мы добились, а что толку? («Хотели как лучше, а получилось как всегда»). Так, значит, осязаемые права и свободы женщин в Церкви мало что значат на фоне неосознанного, неформулируемого, но оттого еще более реального общественного неприятия!

И вот тут-то самое время обратиться к «российскому опыту» и еще раз выразить сожаление о том, что наших соотечественниц не спешат приглашать за круглые столы ООН с тем, чтобы и они, с пользой для собеседниц, сказали свое веское слово о «феминизме и религии».

Вышеприведенный пример с женским священством приводит нас вот на какую мысль: то, за что западные феминистки сейчас так пламенно борются, мы уже давным-давно и без всякой борьбы получили — причем получили в таком объеме, что уже не знаем, как нам этим самым добром распорядиться и потому готовы швырять его на Запад полными охапками (пусть это будет считаться своего рода гуманитарной помощью коллегам-феминисткам). Вот, например, современные феминистки возмущены тем, что их именуют «слабым полом» и потому добиваются права доступа к «мужским» профессиям (таким, например, как водитель большегрузных машин — своего рода камазов в ихнем варианте). А вот у нас с незапамятных времен мощные тетеньки в оранжевых жилетах ворочают неимоверные тяжести, таскают на себе рельсы, катают асфальт при температуре закипания, однако их почему-то при этом никто не премирует как выдающихся феминисток. А теперь посмотрим, например, первое из направлений церковного феминизма, названное нами «южно-католическим», или «физиологическим». С виду, если судить по заявлениям, таким феминизмом у нас и не пахнет: любая благочестивая прихожанка с возмущением отвергнет саму мысль о посягательстве на «священный дар жизни» и скажет, что «репродуктивные права» выданы сатанистами. Но с другой стороны... С другой стороны, процент многодетных мамаш среди наших прихожанок отнюдь не выше аналогичного процента среди индифферентных к религии женщин. О чем же это свидетельствует? Да о том, что этими самыми правами наши верующие фундаменталистки пользуются так же широко как и неверующие феминистки (или еще даже более ши-

роко). И вот тому взятый из жизни пример. Шли мы как-то со знакомой попадеей по улице. Женщина она, что и говорить, очень благочестивая, потому что носит исключительно платки, полагая, что шляпки носить грешно. И вот эта благочестивая матушка и говорит: «Я сейчас быстренько в аптеку забегу: куплю упаковочку презервативов. Мой отец Иван — человек не догадливый. Да и недосуг ему о таких вещах заботиться». И поясняет: «Дети — оно, конечно, хорошо, но при нынешней-то дороговизне и одного не поднимешь. Вот считай: нашему единственному сыночку надо и музыкой, и живописью, и английским заниматься. А учителя-то как дороги! Двадцать долларов урок! Восемь уроков в неделю! Тридцать два в месяц! Ужас!»

И вот, оказывается, что получается: «репродуктивные права» у нас в Церкви не обсуждаются. Ими просто пользуются — широкомасштабно, но зато в тишину! Причем те, кто пользуется ими наиболее активно, более других возмущаются тем, что о них говорят другие: это, понимаете ли, не целомудренно. Что западной феминистке как носительнице многовекового, еще со времен Древнего Рима законнического сознания совершенно непонятно: западная феминистка живет «по закону», добиваясь того, чтобы ее право было закреплено в соответствующей церковной «конституции», тогда как наша «традиционалистка» (которая по сути феминистичнее всех феминисток) всегда живет «по благодати», то есть делает все, что хочет (или все, что считает удобным), а потом, в случае надобности, ходит каяться. Тем более что наши услужливые батюшки уже пустили в обращение разрешительную молитву делающим аборт — своего рода индульгенцию, поставленную на поток продаж которых была превращена одним из наших иереев в прибыльный бизнес.

Или вот возьмем второе направление западного церковного феминизма — направление, так сказать, «политическое». Вопрос о «женском священстве» у нас мало сказать, что никого не волнует: даже если бы он был бы задан чисто умозрительно, то и тогда он поднял бы бурю негодования — прежде всего со стороны женщин. Вот, скажем, никого не занимает вопрос правовой, так сказать, дискриминации женщин-церковнослужительниц. Иная усердная тетенька может дневать и ночевать в храме, занимаясь его уборкой битых полвека, однако при этом она так и не удостоится хотя бы стихаря, который имеет право надевать любой пятилетний бутуз, который два-три раза в год в течение десяти-пятнадцати минут держит перед ликом архиерея нетяжелую свечку. Казалось бы, несправедливо: мальчик официально причисляется к когорте церковнослужителей только за то, что он — мужского пола, а много-трудная тетенька в это число не входит только потому, что она — женщина. Но только вот как смотрит на это сама труженица половой тряпки и ветеранка церковного венка: «И-и, милая, да зачем мне этот стихарь-то? Это пусть мужики друг перед другом красуются да как индюки один перед другим надуваются. А я при своем черном халате имею то, чего все они со всеми своими золотыми облачениями не имеют». Так что и здесь наши «традиционалистки» всех западных феминисток «перефеминистили». С другой стороны, русская женщина в Церкви кажется совершенно забытой и бесправной, но вот с другой стороны, наша Церковь, как никакая в мире, является всеобъемлющим и весьма агрессивным «бабьим царством», от которого равно страдает — без различия пола — всякий, кто не соединен круговой порукой тотального клерикального идиотизма и лицемерия. (Уже упоминавшаяся здесь Ката Поллинт сказала по аналогичному поводу еще одну запоминающуюся фразу: «На каждого, кто говорит: «Я нашел себя в вере, это прекрасно, и Иисус — мой Господь», найдется человек, который скажет: «Меня воспитывали в фундаменталистской вере, с этим кошмаром я борюсь всю жизнь, и теперь не могу даже подойти к церкви».)

Наш «бабский» церковный феминизм имеет ту специфическую особенность, о которой западным феминисткам ни за что не догадаться только потому, что наша проблема опять-таки в том, что мы — белые (а наши заботы, соответственно, только похожи на их заботы). Наш «бабский» феминизм основан на традиционно-восточном (поскольку мы — Азия) гаремном сознании. Приглядитесь к нашей приходской жизни: вокруг каждого мало-мальски смазливового «батюшки» крутятся (не в ущерб его законной «матушке») толпы его платонических почитательниц и услу-

жительниц: одна ему портянки стирает, другая тарелки моет, третья полкой своей юбки стекла его лимузина протирает. Что остается делать в такой ситуации «батюшке»? С одной стороны, на полном основании утверждать, что «курица не птица, баба не человек», но с другой стороны, без этих самых «куриц» уже не уметь обходиться. (Есть у нас в Москве такой отец Павсикакий, филолог по образованию, который так прикипел душой к своим «курицам», что даже — под видом проповеди целомудрия — стал запрещать своим почитательницам поддерживать супружеские отношения с их законными мужьями, дабы свою бескорыстную любовь к нему на сторону не растрчивать.)

И еще одна любопытная особенность чисто российского церковного феминизма вырисовывается. Потому что как оно происходит на Западе? Там женщина становится феминисткой исключительно по убеждению — независимо от того, какая она — молодая или старая, бедная или богатая, одинокая или замужняя. У нас все иначе. Феминизм у нас определяется только случаем, стечением обстоятельств, при перемене которых феминизм «тает» как воск от лица огня» и оборачивается железобетонным патриархализмом. И вот живой тому пример. Была у меня одна такая приятельница по имени Аглайда (до своего обращения в православие подвизалась она в шоу-бизнесе). Муж ее бросил, дитя, в свою очередь, было заброшено ею в интернат, и потому Аглайда, по ее собственным словам, стала «бешено воцерковляться», превратившись в образцовую православную феминистку. Аглайда учила церковный устав с тем же рвением, с каким она когда-то заучивала фрагменты из «Лолиты» и, раскрывши Библию, как пузатый «Капитал», сурово отчитывала тушующихся перед ее суровым взором священнослужителей, согрешивших неустановленным совершением богослужений. Аглайда, как-то вдруг запамятавав о своей бурной и отнюдь не аскетичной молодости, основала «общество христианского целомудрия»: заклеила позором мини-юбки, джинсы и телевизоры и принялась выступать в газетах со статьями, в которых призывала верующих «очнуться от спячки и активно включиться в церковную работу». Увидев в моих руках вязальные спицы, она возмущенно отшвырнула их в сторону со словами: «Церковь зовет женщин на борьбу, а ты тут носки вяжешь!» При виде входящей в церковь Аглайды любой московский священник начинал бледнеть и, предчувствуя предстоящую ему от этой «железной леди» взбучку, скрывался от нее бегством (если, конечно, такая возможность ему представлялась). Так и восторжествовал бы — с пришествием Аглайды — православно-церковный феминизм московского масштаба, если бы эта суровая фемина не вышла замуж. И тут ее как подменили: забылись «корсет, альбом княжны Алины, стихов чувствительных тетрадь» (то есть, в данном случае, власница, толстенный том правил Вселенских Соборов и издававшая его газетка «Давешь целомудрие!»). Теперь Аглайда сама вяжет носки, варит борщи, печет пироги, самолично надевает домашние тапочки на мужины ноги и терпеть не любит женщин, пишущих на церковные темы.

Итак, в нашей Церкви складывается парадоксальная и глупейшая ситуация: с одной стороны, Евангелие, как было сказано, утверждает своего рода превосходство

женщины, с другой стороны, реальная церковная жизнь строится на принципе «курица не птица, баба не человек», с третьей стороны женщины у нас «как хочут, так и хочут», и «бабье царство» все уже прибрало тут к рукам, отчего, например, стратегически значимая сфера церковного строительства, как начальное и среднее религиозное образование (сфера, которая даже в самом феминизированном западном обществе всегда останется в руках мужчин), отдана на откуп заплотешным тетенькам, отчего заканчивающие православные гимназии мальчики оказываются отвратительно женоподобными — не только внешне, но и внутренне. И, наконец, с четвертой стороны, реальная идеология в Церкви (шумливая, нахальная, пошлая и безграмотная идеология мужеподобного бабства) решительно противостоит собственно женскому образу Церкви, который напомним, был явлен еще женами-мироносицами, первыми увидевшими воскресшего Христа. Ничто нашим церковным мужчинам и тетенькам не кажется более подозрительным, чем женское творчество, этот самый женский образ и создающий.

Традиция же подавления женского творчества (прежде всего словесного) уходит своими корнями глубоко в Средневековье. Вот, скажем, была в Византии одна такая генеральная духовная поэтесса по имени Кассия, перу которой принадлежит, в частности, ирмосы канона Великой Субботы (исполняемые в церкви, они вызывают и глубочайшее умирение каждого прихожанина, и нервный тик каждого священника, если ему напомним, что их авторство принадлежит женщине). Печальна судьба творческого наследия многострадальной Кассии: с одной стороны, изъять его из церковного обихода суровые мужи, как ни старались, не могли (придраться там было решительно не к чему (но, с другой стороны, принадлежность его женщине фальсифицировалась самым подлым образом: авторство покойной Кассии было расхищено и распределено между мужчинами-плагиаторами, и теперь не без оснований приходится полагать, что мнимые творения «монаха Христофудла» или «аввы Хризопула» принадлежат все той же женщине. А сколько еще существовало таких кассий, от которых и имени-то не осталось! Кассия-то как-никак была в свое время царской невестой и отказалась от карьеры императрицы лишь потому, что сватавший ее венценосец начал прилюдно иронизировать над способностью женщин к богословствованию. Кассия же на глазах у всех посадила зарвавшегося императора в лужу (заметьте, что унижающие женщин унижают и Богородицу, которой мужчины как бы поклоняются) и, хлопнув дверью, ушла в монастырь.

Странная эта ситуация воспроизводится и по сей день: стоит только прихожанке взяться за перо, как ее тут же начинают начинать, ссылаясь при этом на слова апостола Павла: «Да молчит женщина в церкви». (Павел же, кстати сказать, был известным женоненавистником и, порицая элегантных дам за «плетение волос», был в этом аспекте движим нездоровым — то ли положительным, то ли раздражительным — интересом к женской красоте, в чем представлял собой полную противоположность Христу, который, общаясь с самыми расфуфыренными дамами своего времени, не читал им при этом никаких «назиданий» относительно их макияжа. И это вполне понятно: божественного Учителя интересовала не «внешность сосуда», а его содержание.)

«Ты же православная женщина, а не какая-то там жорж-сандка!» — отчитывал одну прихожанку некий батюшка, советуя ей порвать с писательством как с делом «совершенно нехристианским». Но вот когда в ту же церковь перестали подавать электричество по причине неплаты счетов за свет, тот же суровый батюшка, сменив недовольную гримасу на заискивающую, принимал лести у умолять ту же самую «жорж-сандку», чтобы она написала в местную газету «боевую статью» под названием «Дайте храму свет!». В подобном же положении некогда оказался и знаменитый испанский драматург Кальдерон. Будучи настоятелем собора, он продолжал писать комедии «плаща и шпаги», чем вызывал раздражение высокого церковного начальства. Однако, когда тому же начальнику понадобилось получить от Кальдерона церковную мистерию (потому что и их комедиограф писал так же блистательно), он, сменив злобную гримасу на лживую, обратил с этой просьбой к драматургу. На что и получил достойный ответ: «Либо нечестиво писать пьесы, либо

Тут. 8

нет; если нет — то не мешайте мне, если нечестиво — не просите».

Так что дело тут, как мы видим, вовсе не в феминизме и не в иерократии (потому что тот же Кальдерон был и мужчиной, и священнослужителем). Дело тут в не имеющем пока воинствующем идиотизме и в еще более воинствующем лицемерии. В связи с чем полагаю, что дискуссии о «религии и феминизме» стоило бы трансформировать в дискуссию о способах борьбы с тем псевдофундаменталистским «кошмаром», который к радости для одних и к скорби для других повсеместно выдается у нас за религию.

Татьяна Гусева

НУЖНА ЛИ РЕЛИГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНЕ?

Нужна ли религия современной женщине? На этот вопрос я ответила положительно, когда мне исполнилось 18 лет, хотя и не очень четко представляла себе, что такое религия и что я хочу найти в ней. На дворе были 80-е — годы застоя, который не могла поколебать даже война в Афганистане, каждый день все было как обычно, как всегда — настолько обычно, что невыносимо. Никто не воспитывал меня в вере, я никогда не была в церкви и, как многие мои ровесники считала, что мне там нечего делать. Мой однокурсник ушел из университета в духовную семинарию, и все мы смотрели на него, как на сумасшедшего, ну в крайнем случае, как на оригинального приспособленца, который, зная, что не сдаст очередные экзамены, таким способом решил закопаться от армии. Откуда могла взяться религия, вера в атеистическом обществе? И зачем она была нам? Большинство моих однокурсников до сих пор обходит стороной любые церкви и неплохо живет без религии. Со мной все произошло спонтанно, неожиданно для меня самой, вдруг одним прекрасным летним утром я поняла, что больше жить так не могу — не хочу, что я должна стать христианкой, и лучше всего немедленно.

Когда я объявила родным, что решила принять крещение и стать католичкой, никто не возражал и не отговаривал меня, мне только посоветовали сделать это как-нибудь тайно, чтобы не пострадал никто из родственников. Во время каникул я уехала в Литву, к дяде, и до сих пор считаю праздником день своих крестин.

Почему я решила стать именно католичкой? Во-первых, это была религия моих предков, моей бабушки, которая сохранила свою веру, несмотря на все войны и революции. Во-вторых, католичество было мне более близко по духу, более современно по сравнению с православием, в том числе и в отношении к женщине — в католическом храме никто не запрещал ходить в джинсах и не обязывал покрывать волосы платком, что тоже играло для меня немаловажную роль. К тому же отношение в костеле к таким, как я, неопитам было очень хорошее, дружественное, никто не возмущался, если я что-то не знала, наоборот, незнатные люди, случайно оказавшиеся рядом, старались ненавязчиво помочь, подсказать, показать, что нужно делать. Так я стала ходить в костел, сохраняя инкогнито, впрочем, так в те годы поступали многие прихожане единственного в Москве католического храма святого Людовика на Малой Лубянке, никто ни у кого не спрашивал имен, но все знали друг друга в лицо. Оставаясь тайной католичкой, я окончила университет, пошла работать, хотя карьера никогда не была для меня

сверхзадачей. Наверное, карьера это здорово, но мне всегда было скучно заниматься всю жизнь одним и тем же делом, пусть самосовершенствуясь и поднимаясь все выше по служебной лестнице — но зачем, если это наскучит через несколько лет? Мои бывшие однокурсники делали карьеру в оборонке, а я просто работала там, где мне нравилось и до тех пор, пока нравилось или пока меня терпели — преподавала в школе, затем в техникуме, работала программистом в одном из министерств, путешествовала, став гидом-переводчиком, была секретарем, компьютерным верстальщиком. И вера всегда была со мной, не только когда тяжело, но и когда радостно. Я хожу на воскресные Мессы не только потому, что это обязанность каждого католика, мне нравится ходить в костел и возвращаться оттуда отдохнувшей душой, более терпимой к другим и к себе. И мне жаль моих друзей и подруг, которые так и не нашли для себя никакой религии, а таких до сих пор очень много.

Не знаю, легко ли примирить веру с феминизмом. Такой проблемы передо мной не стояло и не стоит, потому что я не считаю себя феминисткой, мне одинаково не нравится любой шовинизм: белый или черный, мужской или женский, и честно признаюсь, что в высказываниях некоторых феминисток «Круглого стола» лично я услышала именно женский, а не мужской шовинизм. Может, мне набили оскомину занудные комсомольские собрания в школьные и студенческие годы, но я не согласна, что участие в какой-либо дискуссии, даже феминистской, более важно для женщины, чем семейный или народный праздник. И я не хочу никаких радикальных перемен и революций в католической Церкви. По крайней мере опыт России должен был научить — хотя бы нас, живущих здесь, — что ни к чему хорошему никакой радикализм не приводит, вспомните ставшую поговоркой фразу: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Перемены придут сами, естественным путем, если они действительно неизбежны. Я сама не вижу ничего плохого в женском священстве и считаю, что когда-нибудь оно станет реальностью не только в протестантских Церквях, но готова ли согласиться с моим частным мнением община, к которой я принадлежу, и тем более вся католическая Церковь? А если не готова, то зачем навязывать другим свое мнение, требовать немедленных перемен или уходить из Церкви в знак протеста? Я совершенно не хочу «взрывать ситуацию изнутри» — мне нравится моя Церковь, так зачем же взрывать дом, где мне уютно и спокойно? Или бежать из него куда глаза глядят? Я не считаю, что Церковь пытается вмешиваться в мою личную жизнь. Да, Церковь дает нам советы, но разве это преступление против свободы личности — попытаться что-то объяснить, научить, ведь процесс обучения всегда идет в обе стороны, учитель не только учит учеников, но и сам постоянно учится вместе с ними. Да и логично ли отказывать Церкви в праве «контролировать» нашу личную жизнь, если тут же, за тем же самым круглым столом, феминистки требуют для себя права вмешиваться в религиозную — и тоже личную — жизнь миллионов верующих?

Гораздо важнее спора о том, какова природа Бога, кто Он — белый мужчина с седой бородой или же все-таки наполовину женщина — понять, что и мужчина, и женщина — это просто человек. Две разные сущности, две природы, но все равно — прежде всего человек, не больше, но и не меньше.

Нам всем надо научиться слышать друг друга, понимать и уважать чужое мнение, пусть даже оно отличается от мнения собственного, которое, конечно, у каждого из нас единственно верное и правильное. А революции, социальные взрывы и радикализм я бы предпочла оставить в уходящем тысячелетии — как воспоминание о пресловутых благих намерениях, которыми вымощена дорога в ад непонимания и войн.

Талиба Джили

Талиба Джили

КАК Я НАШЛА СВОЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Невозможно в полной мере выразить благодарность Создателю за чудеса, с которыми мы встречаемся в нашей жизни. Одно из величайших чудес с моей жизни произошло, когда я нашла свой путь в ислам, а точнее, ислам нашел меня.

Я родилась в 50-х годах в семье белых американцев среднего класса и была крещена в католическую веру. С детства у меня были духовные устремления. Самыми ранними моими снами, которые мне запомнились, были сны о полетах, и я безуспешно пыталась убедить маму, что умею летать. Я глубоко и искренне верила в Бога, в Его Присутствие, Его Милость и Любовь ко всем созданиям. Я верила с очень раннего возраста и продолжаю верить сейчас, что все люди были созданы равными.

При таких убеждениях я в возрасте восьми лет не могла понять смысл расовой дискриминации, о которой узнала во время американского движения за гражданские права в 1960-е годы. Зачем избивать, травить собаками или поливать из пожарных шлангов других людей только за то, что у них темная кожа? Почему одним людям позволено пользоваться общественными туалетами, пить воду из питьевых фонтанчиков и первыми занимать места в вагоне метро, а другим нет? Иметь белую кожу — что в этом особенного?

В поисках Моей Истинной Сущности я страстно изучала католицизм и даже в какой-то момент подумывала о том, чтобы стать монахиней и посвятить свою жизнь Служению Господу в традиционном католическом смысле. Однако в пятнадцать лет я сделала два огромных открытия: я открыла в себе, во-первых, влечение к противоположному полу и, во-вторых, сомнение в том, что Иисус есть Господь. Очевидно, что уход в монастырь был вычеркнут из списка моих приоритетов. И, к великому сожалению родителей, я ушла из католической церкви, наотрез отказавшись когда-либо туда вернуться.

Поскольку я выросла в эпоху, которая проходила под лозунгом «старшие лучше знают», эта новообретенная духовная независимость позволила мне твердо встать на путь свободомыслия. Я с детства интересовалась тем, как молятся другие люди, и теперь для меня стало любимым занятием изучать другие религии и другой образ жизни. В начале 1970-х я переехала из Калифорнии в Нью-Йорк. Там я познакомилась с мусульманами-суннитами, которые читали лекции в моем университете. Я была поражена тем, что они не были ни расистами, ни невеждами, ни террористами.

Я задала им много вопросов: были ли в действительности Ной, потоп и ковчег? Правда ли, что Авраам чуть не принес в жертву своего сына? Правда ли Мария зачала, оставшись девственной? Их ответы я признала истинными в моем сердце, и в 1975 году я приняла исламство, пройдя простой обряд посвящения под названием «шахада». Этот обряд состоял в том, что я признала священный веками символ веры: «Аш-хаду алла элаха илля-Аллах, ва аш-хаду анна Мухаммадан абду-ху ва хабибу-ху вас русулу-ху». Это значит: «Я свидетельствую, что нет Бога кроме Аллаха (буквально — «Единственного»), и я свидетельствую, что Мухаммед Его Служитель, Его Возлюбленный и Его Пророк».

Как описать это событие? У меня было чувство, что я наконец нашла свой дом. Я обрела состояние душевного комфорта настолько глубокое, настолько всеохватывающее, что временами не чувствовала ног под собой, словно оторвалась от земли. Я ощущала высочайший душевный подъем, радость, полноту существования и тесную связь с Господом. Однако я меньше всего ожидала, что окружающие меня люди будут реагировать на это мое состо-

яние неприятием и отвращением. Все мои друзья решили, что я сошла с ума, и перестали звонить мне. Я потеряла работу. Мой жених стал подумывать о том, чтобы отправить меня в психиатрическую больницу. Мои родители прилетели в Нью-Йорк, расположились в отеле «Плаза» и буквально умоляли меня, чтобы я — избави Бог — не переезжала в Бруклин, не становилась поклонницей культа и не закутывалась с головы до ног в черное одеяние.

Как случилось, спрашивала я себя, что Бог ожидает от меня такой высокой платы за мою веру в Него? Более того, как случилось, что те, кто растил меня и любил всем сердцем, теперь осуждают меня, как недостойную?

Ислам: защита прав человека и прав женщин

Всю свою жизнь я была бунтаркой, ставя под сомнение статус кво, двойную мораль: одна для мужчин — другая для женщин, одна для начальника — другая для подчиненных; расовую и социальную несправедливость. Ислам дал мне право бросить вызов этой несправедливости, право требовать социальных перемен. Ислам возложил на меня обязанность отстаивать человеческое достоинство и дал мне возможность ощутить особую, не знакомую мне до той поры гордость за то, что я женщина. Таким образом, я столкнулась лицом к лицу с необходимостью принять одно из самых важных решений в моей жизни: уступить требованиям тех, кто, возможно, никогда не будет воспринимать меня такой, какая я есть, или потерять все материальные блага и статус и остаться с моей вновь обретенной верой. Я смотрела в будущее с глубокой убежденностью, что принимаю правильное решение.

Итак, в 1974 году я разорвала помолвку с богатым красавцем-бизнесменом, который любил мою семью и пользовался у них взаимностью. Я вернула ему все его подарки: автомобиль «ягуар», одежду известных дизайнеров и драгоценности. Я уехала из обставленной со вкусом квартиры в верхнем Ист-Сайде — модном районе Нью-Йорка. Я изменила имя на «Талиба» (буквально — «учащаяся» или «ищущая»), стала учить арабский язык, надела традиционный платок (хиджаб) и переехала жить в мусульманскую общину в Бруклине. Я вышла замуж за мужчину, который был не таким красавцем, как мой прежний жених, не имел такого блестящего образования и к тому же пришелся не по вкусу моей семье — да и меня в его семье не ждали с распростертыми объятиями — но которого я любила, он любил меня, и эта любовь давала нам ощущение полноты жизни.

Мы жили, трудились, со страстью постигали нашу веру и растили детей. Мы очень хорошо подходили друг другу, и это помогло нам преодолеть многие трудности, с которыми сталкиваются обращенные в новую веру. Мы строили новые отношения с нашими мусульманскими братьями и сестрами и стали членами одного из самых маленьких меньшинств Америки. Мы терпели оскорбления, которые бросали нам в лицо, когда исламские экстремисты в Иране захватили посольство США. Я постоянно сталкивалась с проявлениями расизма — будучи белой американкой, я раньше лишь была их свидетельницей, но никогда не испытывала на себе. Внезапно я стала врагом, человеком второго сорта, недоразвитой.

Быть мусульманкой — это политика

Никто не обращается в новую веру, сознательно желая стать объектом социального бойкота и несправедливости — это приходит как неизбежная плата. Если раньше я пользовалась всеми привилегиями белой американки, то, став мусульманкой, я стала объектом откровенной травли. Один из самых тяжелых моментов моей жизни произошел в 1977 году, когда я, по обыкновению, вошла в переполненный вагон метро в Манхэттене и увидела заголовки газет: «Исламские радикалы захватили американское посольство». Пассажиры реагировали на меня так, словно у меня под плащом спрятан АК-47. Этот момент заставил

меня осознать новую реальность: меня больше не воспринимали как американку, я стала врагом, объектом ненависти.

Во всем огромном здании Всемирного торгового центра номер два, где работали сотни тысяч людей, я была одной из двух женщин, которые носили хиджаб (платок, покрывающий голову, но оставляющий открытым лицо). В семидесятые годы это было редкостью. В клиниках врачи и медсестры отводили глаза, словно мое лицо было изуродовано проказой. В ресторанах и универмагах других посетителей часто обслуживали раньше, чем меня, хотя они пришли позже. Я всегда протестовала, часто во весь голос, и от этого ко мне относились еще хуже. В международных аэропортах меня и мой багаж тщательно «выскивали». Сотрудники иммиграционной службы učinяли мне настоящие допросы. В самолетах меня сажали на задние ряды.

Полпреды ислама

Любая мусульманка, покрывающая голову платком — часто даже в исламских странах — вызывает бурные эмоции. Некоторые считают таких женщин отсталыми, религиозными фанатками или фундаменталистками. Очень редко их воспринимают как просвещенных, свободомыслящих либо как выступающих против устоев. Как ни странно, но именно моя бунтарская натура привела меня к этому этапу моей жизни — к поискам пути, который поможет мне полностью подчинить свою жизнь Воле Бога.

В действительности Ислам, как религия, поощряет независимое мышление, изучение, обмен мыслями и дебаты. Появление ислама дало миру величайших героев, философов, ученых и социальных реформаторов. Вклад женщин в развитие общества был глубоким и имел долгосрочные последствия. Однако со временем на практике мусульмане оказались не во всем верны своей религии. Ислам в действительности отстаивает права женщин, и вера не удерживает мусульманских женщин от достижения высоких целей — их удерживают мужчины.

Несмотря на то, как трудно быть мусульманкой на Западе, награда за это неизмеримо, несравнимо велика. Недавно я отметила свой 23-й рамадан и вступила в свой 24-й год в мусульманстве. Эти годы были для меня полны чудес.

Награда

Мои родители, которые вначале были озабочены тем, что я стала поклонницей культа, сейчас приняли ислам. Моя бабушка со стороны отца прошла обряд «шахада» в возрасте 90 лет. Все остальные мои ближайшие родственники также приняли «шахада» и часто обращаются ко мне за советом. Я не могу себе представить большей награды за мою веру.

В 1997 г. я совершила мой первый хадж — паломничество в Мекку, один из главных обрядов мусульманской веры. Это произвело на меня самое глубокое впечатление, которое я когда-либо испытала в жизни. Вместе с двумя миллионами других верующих со всей планеты, потрясенная, я стояла перед Каабой — Домом Господа, который был построен Авраамом и его праведным сыном Исмаилом — и вспомнила слова «Если Бог позвал тебя в свой Дом, ничто не может удержать тебя». Я прошла долгий путь, чтобы достичь этого места, где я испытала такое повиновение Воле Божьей. Вся я исполнилась Его Божественной Волей, и для остального во мне не осталось места. Мы совершили обряды и произнесли клятву хаджа, почитаемую уже пятнадцать веков: «Лаббаик Аллахумма лаббаик!» — «Всегда в Служении Тебе, о Аллах, всегда в Служении Тебе!» Только паломник может понять, что в этих священных словах содержится вся земля и все небеса.

Еще одно важное событие: недавно Господь послал мне мудрого суфитского учителя — шайха, который наполняет мудростью мое сердце и постоянно направляет меня на путь Аллаха.

Шайх Хишам Каббани вдохновил меня совершить хадж и трудиться над моим поклонением Господу и над самодисциплиной. Сейчас я руковожу созданной Шайхом Хишамом Каббани национальной организацией. Эта организация, «Камилат», посвящена Четверем Совершенным Женщинам Ислама и занимается решением многочисленных проблем, с которыми сталкиваются мусульманские женщины. Наши проекты включают обучение грамоте, воспитание молодежи, а в прошлом году мы начали национальную кампанию по борьбе с насилием, которая обращена против насилия в семье, насилия среди молодежи и насилия на улицах. Благодаря средствам массовой информации и нашей сильной сети, мы привлекли ко многим из этих вопросов внимание основной части американской общины. Я работаю главным редактором известного национального издания Шайха Хишамы — «The Muslim Magazine», распространителем которого на территории США сейчас является издательство «Барнс и Нобль»; эта обязанность — большая честь для меня.

Жизнь становится все лучше

Сейчас, когда мне 46 лет, мой бунтарский дух ничуть не угас, но я стала умнее — во всяком случае, я на это надеюсь. Я научилась не возлагать на себя бремя других людей, я поняла, что не в моих силах не только изменить мир, но даже изменить сердце другого человека. Я могу лишь подавать хороший пример, проявлять больше любви, меньше критиковать, быть добрее к самой себе. Через трудности и тяготы ислам привел меня к состоянию высшего счастья, и я молюсь о том, чтобы, когда придет пора мне оставить этот мир, я своей жизнью заслужила Радость моего Господа.

*Примечание редактора: Сунниты и суфиты — две основных ветви ислама.

Перевод Ирины Савельевой

Колетт Шульман

ИНТЕРВЬЮ С ДЖАН УРБАХ

Два года назад, в возрасте 33 лет Джан Урбах оставила престижную карьеру нью-йоркского адвоката и поступила в Еврейскую богословскую семинарию, чтобы стать раввином. Джан невысокого роста, с темно-каштановыми волосами и с карими глазами на умном, выразительном лице. Мы с Джан сидели в кафе теплым весенним вечером, и Джан вела увлекательный, полный глубокого смысла рассказ о своей жизни.

К.Ш. (Колетт Шульман): Как ты решила на такую радикальную перемену в своей жизни? У тебя не складывалась адвокатская работа? Или это решение было связано только с твоими духовными поисками?

Д.У. (Джан Урбах): Моя адвокатская работа как раз складывалась очень хорошо. Мне сопутствовал успех, я стала партнером-совладельцем в нашей юридической фирме. Все шло замечательно, я очень любила свою работу. Но независимо от этого в моем сознании происхо-

дил очень серьезный процесс: я начала задумываться о том, каким хочу видеть дело своей жизни. Достаточно ли для меня делать карьеру, которая удовлетворяет мои интеллектуальные и денежные запросы? Или же я хочу чего-то большего? Я много размышляла о том, в чем же состоит цель моей жизни, что я призвана делать на этой земле, почему мне был дан определенный набор талантов и слабостей, как я должна распорядиться ими? Ответ на вопрос о деле моей жизни становился все более очевидным, так что от него невозможно было просто отмахнуться: да, мне нужно нечто большее, чем моя юридическая карьера.

Кроме того, у меня, сколько я себя помню, всегда были сильные духовные устремления. Я всегда каким-то образом ощущала, что Бог есть, и за нашим земным существованием таится более глубокий духовный смысл. Но эта духовность никогда раньше не выражалась у меня в иудаизме. Для меня иудаизм был прежде всего частью еврейской культуры. Я не придерживалась кошерной пищи, я не читала на иврите. На пасху моя семья собиралась на шедер — семейный обед, перед началом которого была 20-минутная религиозная служба, смысла которой никто из нас до конца не понимал. При жизни дедушки служба была длиннее, а после его смерти она хоть и сохранилась, но ее стали сокращать, чтобы скорее перейти к обеду, а после него — к беседам совершенно нерелигиозного характера. Я не проходила обряд «бас митзах» (bas mitzvah) (религиозный обряд достижения совершеннолетия у еврейских девушек). Я могла бы его пройти, но я отказалась ходить в еврейскую школу — это казалось мне глупым и было мне совершенно неинтересно.

Итак, у меня было это духовное устремление, я хотела, чтобы в моей жизни было больше смысла. У меня была сильная потребность в познании истины — такой уж характер — и мне становилось все более неудобно в сфере законодательства и права, которое, хотя и претендует на то, что защищает истину, на самом деле имеет к ней весьма поверхностное отношение. Я выступала адвокатом на судах — в основном по искам, связанным со средствами массовой информации. Это было увлекательно, а в некоторых случаях очень престижно — в моей практике было несколько дел, где фигурировали знаменитости. Но иск — это как игра: ты вырабатываешь определенную стратегию и следуешь ей, но не для того, чтобы добиться истины, а чтобы выиграть. С этим противоречием мне было все тяжелее смириться.

Примерно в то же время я заново открыла для себя иудаизм. Случилось так, что как-то раз я пошла в синагогу. Я до сих пор до конца не понимаю, что меня побудило тогда это сделать. Я уже не первый год собиралась начать ходить в синагогу — главным образом для того, чтобы мне было куда пойти в дни главных иудейских праздников. У меня не было другой причины, помимо смутного чувства вины, что я не хожу в синагогу, что это нехорошо и надо ходить. Также я чувствовала, что хочу поработать добровольцем — причем не только из альтруистских побуждений. Я чувствовала, что это нужно в первую очередь мне самой, чтобы хотя бы немного отвлечься от сосредоточенности на себе. Добровольческой работой мне хотелось заниматься не в вакууме, а в рамках сообщества, и я подумала, что лучше всего для этого будет пойти в синагогу.

Я нашла синагогу по рекомендации одного из сослуживцев моей матери и решила пойти туда однажды вечером в пятницу — просто посмотреть, послушать службу. Мы пошли туда с подружкой. Я была совершенно очарована тем, что там происходило. В первый же момент, когда я вошла, что-то внутри подсказало мне, что совершается нечто очень важное, и мне нужно быть здесь. Это чувство было еще очень смутным, не совсем понятным, и хотя я стала ходить на службу по пятницам, поначалу я делала это с осторожностью и даже некоторой неохотой. Я слушала музыку и службу и впитывала все, что могла. Так продолжалось почти год.

Потом у меня стало появляться глубокое ощущение того, что здесь мое призвание. К тому моменту я уже знала, что не собираюсь всю жизнь быть адвокатом. Я всегда очень верила в то, что в нужный момент меня направят на истинный путь, и поэтому я решила: буду открытой, буду восприимчивой, и правильная дорога сама

откроется передо мной, а там — будь что будет. Итак, каждую пятницу я продолжала ходить в синагогу. Я сидела на балконе, на заднем ряду. Эта синагога принадлежала к консервативному направлению иудаизма. Община придерживалась эгалитарных взглядов. Служба всегда была очень искренней, каких я раньше не слышала, и содержание молитвы имело для меня глубокий личный смысл.

К.Ш.: Расскажите об этом подробнее.

Д.У.: И молитва, и толкование Торы (первых пяти книг Библии) не были абстрактными проповедями, они имели сильное психологическое воздействие. Оглядываясь назад, я думаю, что в тот момент я ощутила такое соединение интеллектуального, духовного, эмоционального и физического, какого не знала никогда раньше. И все это как раз совпало с моими собственными духовными исканиями в тот момент.

К.Ш.: А о чем говорит раввин в своей проповеди?

Д.У.: Службы бывают разные: например, субботняя служба — это не проповедь, а толкование Торы. Лично я считаю, что когда служба или толкование проходят по-настоящему искренне, очень трудно разделить учение и учителя, потому что учитель становится проводником учения. Да, роль раввинов очень важна, но в определенном плане величайший подарок, который может сделать раввин нам, прихожанам, это не мешать учению доходить через него к нам. На той службе, о которой я рассказывала, раввин не просто произносил слова и совершал движения, а сам по-настоящему молился. И еще в этих службах происходило очень многое, что затронуло во мне глубинные струны и дало силы и свободу признать и почувствовать то, что долгое время было скрыто во мне. Я как бы получила разрешение воспринимать Бога всерьез и открыто признать это. Раньше, когда я слышала от людей, что в жизни ими движет вера в Бога, я считала их чересчур ревностными христианами, которые мне не особенно нравились, или с чересчур правоверными иудеями, с которыми у меня тоже были свои проблемы, — словом, со всем этим фундаментализмом в религии, от которого я всегда сторонилась. И еще я ассоциировала такие взгляды с узколюбовью — словно эти люди входя в храм, оставляют свой разум на входе. А здесь, в этой синагоге я встретила много вполне нормальных людей, живущих насыщенной жизнью, по-деловому одетых, хорошо образованных и при этом открыто выражающих свои религиозные чувства. В этом не было ничего демонстративного — люди открыто плакали, и никому это не казалось странным, неуместным. Так я призналась себе в том, что такая потребность выразить свои чувства присуща и мне. Раньше у меня никогда не было возможности проявить их публично, перед большим числом людей.

Но это только часть истории. Другая ее часть — это чувство ответственности перед моим народом. Когда я была в Италии, я посетила две синагоги — одну в Риме, другую во Флоренции. На меня, как на еврейку, посещение Европы действовало отрезвляюще: я увидела все еще сохранившиеся последствия Холокоста: антисемитизм, который все еще жив, синагоги под вооруженной охраной, в которые можно попасть только пройдя несколько пропускных пунктов.

Затем я попала в общину в Нью-Йорке, очень оживленную и многочисленную: в пятницу вечером там собирается около 1800 человек, и от песен и хлопанья в ладоши буквально дрожат стены. Я вдруг поняла, что в этой нью-йоркской синагоге в один вечер собралось больше людей, чем во всех иудейских общинах во Флоренции, вместе взятых. Мне не давала покоя мысль о том, что я нахожусь в этом смысле в привилегированном положении. Вслед за этим осознанием пришли угрызения совести, что я не в полной мере использую это привилегированное положение.

Что я делаю для того, чтобы продолжить наши традиции? Помню, я тогда испытала сильную тревогу. Боже избави, чтобы мы снова оказались в ситуации, когда мы не позволяем вот так прийти в синагогу и публично молиться. Если снова нас будут преследовать, я не смогу сохранить и продолжить традицию, и осознавать это мне было больно и стыдно. Я почувствовала необходимость учиться.

Начале я пошла по этому пути в одиночку: я начала учиться и читать Тору самостоятельно. Также я стала ре-

гулярно посещать субботнюю службу и постепенно оказалась включенной в общину. Люди начали знакомиться со мной, здоровались, приглашали на обед или на субботний ужин. Я буквально вливалась в свою общину — это восхитительные люди. Мне также понравилось учиться. Я покупала книги, читала и чувствовала, что их тексты говорят со мной, что у меня началось прозрение, которого я даже не ожидала при моем тогдашнем уровне знаний и умений. Я самостоятельно выучила алфавит, наняла учителя и начала постигать основы иврита, а также стала посещать занятия с раввином. Но главным образом я училась самостоятельно, читая еженедельную порцию Торы со всеми комментариями, которые мне удавалось найти на английском языке. Я читала по-английски и спрашивала себя, а как это слово звучит на иврите, ведь здесь заложено что-то важное, и я искала слово на иврите, чтобы понять всю глубину смысла. Почти всегда эти поиски увенчивались успехом, что меня все больше и больше привлекало.

К.Ш.: Может быть, это отчасти объясняется юридическим образованием.

Д.У.: Да, возможно. Затем я стала записывать свои мысли о Торе, мои собственные толкования. Это стало занимать все больше места в моей жизни, и я почувствовала, что именно этим мне и нужно заниматься.

К.Ш.: Интересно, насколько активно участвовали женщины в занятиях, которые проходили в синагоге?

Д.У.: Сейчас я председатель учебного подразделения в этой синагоге, и мне очень хорошо известно положение дел. Большинство тех, кто активно учится и занимается добровольческой работой в общине — женщины. Может быть, у них больше свободного времени и меньше эгоистических амбиций, мешающих учиться новому. Может быть, они получают меньше интеллектуального удовлетворения в других сферах своей жизни. Может быть, им просто все это интересно.

К.Ш.: Приводит ли это к их большему участию в службах?

Д.У.: Сейчас распространен обряд бас мицвах (религиозный обряд совершеннолетия) среди женщин, которые не прошли его в детстве. Я прошла его два года назад — многие еврейские женщины сейчас его проходят. Они осваивают определенное количество материала и проводят часть службы или читают из Торы либо и то и другое в сочетании. Сейчас это очень актуальная тенденция.

К.Ш.: Существует ли какое-нибудь различие между реформированным и консервативным направлениями иудаизма в степени участия женщин в службах?

Д.У.: Официально различия нет, но существуют еще консервативные общины, которые не придерживаются принципа эгалитарности и не позволяют женщинам вести службу или читать из Торы. Главное различие лежит между ортодоксальным направлением, с одной стороны, и другими направлениями — консервативным, реструктурированным и реформированным, с другой. Исходя из того, что я в настоящий момент знаю об иудаизме, я не очень хорошо чувствовала бы себя в общине реструктурированного или реформированного направления. Поэтому я учусь в семинарии консервативного направления, куда уже десять лет принимают студенток-женщин. В моем классе женщин не меньше одной трети, а может быть, и почти половина от общего числа учащихся.

К.Ш.: Создается впечатление, что все очень органично вело вас к вашему решению.

Д.У.: Мне говорили: наверное, было очень трудно на такое решиться. Но как раз решиться было легко, не было ни сложностей, ни внутренних конфликтов. Вот с выполнением решения все было совершенно иначе. Очень трудно было оставить работу, которую я любила, расстаться с коллегами. Для моего самолюбия было тяжело, уже будучи партнером-совладельцем в юридической фирме на Парк Авеню в Нью-Йорке, снова стать студенткой подготовительного отделения семинарии, учить иврит и бедствовать. Самым, пожалуй, тяжелым было то чувство потери контроля над своей жизнью, которое появилось, когда я стала бедствующей студенткой.

К.Ш.: Вы рассказали увлекательную историю, которая, мне кажется, будет близка нашим читателям, потому что многие из них сами находятся в

духовном поиске. Возможно, это особенно касается России, где пока что я не вижу признаков прогрессивных перемен в Русской православной Церкви.

Д.У.: Конечно, у меня были духовные устремления, но без реального поглощения в религии значение таких устремлений невелико. В какой-то момент для духовного развития требуется дисциплина, сообщество верующих, реальный контекст и конкретизация. По крайней мере, таков подход в иудаизме. В иудаизме мне особенно нравится то, что быть иудеем значит стремиться жить целостно, задействуя в полной мере свой дух, интеллект, сердце и тело, в согласии с волей Божьей в той степени, в которой это нам доступно.

Поэтому для меня недостаточно иметь только веру в духовность. Мне нужен Халаках — иудейский закон, мне нужно учиться, мне нужно и частное, и общественное. Мне нужна моя личная связь с Богом, мне нужна связь с Богом, которую я ощущаю в составе моей общины и мне нужны отношения с другими людьми, чтобы полностью выразить себя, как человеческой личности.

К.Ш.: Соответствует ли вашим потребностям программа в Еврейской богословской семинарии?

Д.У.: Программа не настолько полна, насколько, как мне лично кажется, должно быть образование раввина. Она порой слишком академична.

К.Ш.: Как вы думаете, могут ли женщины, осваивая эту программу, помочь семинарии интегрировать и академическую, и неакадемическую часть?

Д.У.: Безусловно. Я все время наблюдаю, как женщины, в особенности более зрелые женщины (среди нас есть несколько, включая меня, кто пришел в семинарию, уже сделав карьеру в другой области), подталкивают семинарию к тому, чтобы отойти от академической модели немецкого университета. Например, в семинарии уделяется очень большое внимание изучению Талмуда, причем занятия сосредоточены в большей степени на части «Халаках», чем «Агада», а это означает, что в большей степени мы изучаем закон, чем притчи, составляющие «Агаду». В законе очень часто изучается то, что сейчас для нас в практическом смысле не имеет абсолютно никакого значения — например, кому было и кому не было позволено вести службу в храмах в Иерусалиме в те давние дни. Такое изучение — чисто академическое упражнение, предназначенное для развития навыков учения и способности вести дебаты по этим вопросам. Часть «Агада» относится к более духовным, воодушевляющим разделам Талмуда, и именно им, как правило, уделяется мало внимания. Иногда эти две части рассматривают как более «мужскую» и более «женскую». У меня такая классификация вызывает протест, поскольку я считаю, что нахожусь и в той, и в другой модальности, и я не хочу, чтобы меня относили только к части «Агада», а не «Халаках». Я получаю большое удовольствие от чисто интеллектуальных упражнений и логических задач, поэтому я бы не сказала, что это более мужской подход. Но я знаю, что многие люди хотели бы уделять больше внимания «Агада», чем уделяется сейчас.

К.Ш.: К таким людям относятся и студенты-мужчины, а не только женщины?

Д.У.: Совершенно верно. Поэтому пытаться анализировать это с точки зрения гендерных различий мне кажется бесполезным. И лично я в семинарии практически не сталкивалась с проявлениями сексизма, хотя я знаю, что некоторые мои соученицы жаловались на нечто подобное.

К.Ш.: Но не кажется ли вам, что их жалобы обоснованы, что вы скорее являетесь исключением, поскольку пришли в семинарию с солидной юридической подготовкой, а это защищает?

Д.У.: Очень может быть, и в этом смысле моя ситуация не типична.

К.Ш.: Но вернемся к академической программе.

Д.У.: В семинарии сейчас происходит своего рода «раздвоение», которое вызвано сильным стремлением стать высшим учебным заведением немецкой модели, чтобы ее воспринимали всерьез. В семинарии не хотят, чтобы она воспринималась, как традиционная иудейская «ешива», где совершенно иная модель обучения, иной подход. Эта проблема сохраняется в истории иудаизма последние 200–300 лет, с эпохи Просвещения, когда у

определенной части иудейских ученых появилось желание идти в ногу с Просвещением. Они называли это «wispen-shaft», научное исследование иудаизма. В тот момент произошел раскол между иудейскими учеными. «Ешива» представляет собой старую модель, когда сидишь у ног раввина и учишься у него. Модель «wispen-shaft» — это попытка более строго и академично подойти к изучению Торы.

Лично я считаю, что с таким переходом многое было утрачено, потому что Тора — это в некотором смысле поэзия. Большая часть самого лучшего, что в ней есть, очень «этична и не всегда звучит интеллектуально. Откровенно говоря, я считаю, что нельзя рассматривать Бога с философской точки зрения. Религия и философия несколько различны, и в той степени, в которой мы пытаемся привести наши отношения с Богом в чисто интеллектуальную сферу, мы что-то теряем в нашем понимании Бога. Так что я не рационалистка. Я признаю, что движение духовного поиска растет, и нам нужно идти в ногу со временем, чтобы сохранять актуальность для этого движения. Существует некоторый разрыв между тем, чему учатся наши раввины в семинариях, и тем, чего хотят и ждут от нас прихожане. У нас в семинарии пытаются преодолеть этот разрыв, но часто непоследовательно и противоречиво. Программа семинарии начинает искать пути удовлетворить потребность в личном духовном поиске, но эти попытки пока очень незначительны.

К.Ш.: Как это делается? Какие формы это принимает?

Д.У.: В обеденный перерыв проводятся семинары под названием «Бог говорит», где кто-нибудь приходит говорить о духовности. Но эффект получается очень небольшой, и эти занятия не входят в обязательную программу. Также есть семинар по профессиональным навыкам, который обязаны проходить все учащиеся на первом, втором и пятом году обучения. Этот семинар призван осветить некоторые вопросы духовного поиска, но это не очень хорошо получается.

Консервативный иудаизм с большими усилиями пытается придерживаться последовательного рационального подхода к Халаках — при этом чрезмерный упор на чисто рациональный подход к различным вопросам многое усложняет. В сравнении с нами легче приходится ортодоксальному движению, с одной стороны, и реформистскому с другой, а мы находимся где-то посередине.

К.Ш.: Когда вы имеете возможность выбирать учебные предметы в семинарии, какие предметы вас больше всего интересуют?

Д.У.: Меня очень интересуют основы хасидизма, его теология и практика в конце XVIII века. Но в семинарии этим занимаются очень мало. Меня также интересует мистicism — его тоже мало проходят в семинарии, и я нахожу это странным, поскольку Каббала, иудейская мистическая традиция, очень много дала нашей религиозной практике. Большая часть молитвенника основана на каббалистических текстах или представляет собой собственно эти тексты, а мы выпускаем из семинарии и посвящаем раввинов, которые никогда не изучали эту тему и не имеют даже представления о том, на что делаются ссылки и в чем смысл этих образов. Мне непонятна такая ситуация.

К.Ш.: Вы говорили о том, что многие прихожане хотят перемен. Означает ли это, что некоторые верующие задают вопросы и не получают на них ответов?

Д.У.: Я не уверена даже, что они задают вопросы. Вероятнее, они просто уходят в другую веру. Посмотрите, сколько евреев подались в буддизм и другие восточные религии. Как правило, в американских синагогах не так уж много людей. Этому есть несколько причин. Я не проводила исследование по этому поводу, но у меня есть ощущение, что многое из происходящего в синагоге неактуально, многое из практики иудаизма неубедительно, недостаточно искренне. Мы говорим слова, полные глубокого смысла, но мы говорим их в пустоту. Для населения, незнающего с иудаизмом и часто враждебно относящегося к любой власти и авторитетам, для людей, живущих в такое время, когда главные ценности — автономия и самодостаточность, для людей, совершенно не ориентированных на общину, Халаках — не лучший способ приобщения к иудаизму. Говорить людям что, мол, знаете,

очень важно соблюдать кошер — зачем? Зачем кому-то соблюдать кошер? Ответ, который когда-то давно давали раввины — мол, из-за Холокоста, тоже совершенно неудовлетворителен. Ну и что? Какой смысл в том, что будет сохранен иудаизм? Если у нас самих нет ответа на этот вопрос, почему это должно волновать кого-то еще? Мы недостаточно часто задаем себе эти вопросы и пока не знаем, как ответить на них.

К.Ш.: Ты имеешь в виду преподавателей в семинарии?

Д.У.: Многие из них мне очень нравятся как личности. Некоторые — абсолютно восхитительные люди. Вопросы, которые я упомянула, очень радикальны, и чтобы искренне ответить на них, нужно внутренне измениться — возможно, не все люди готовы к таким переменам. Может быть, нам нужен иной образ раввина. Какой это должен быть образ? Нужен ли нам «ребби», как у хасидов или проповедник более христианского типа? Раньше существовали общины, где раввины ориентировались на католических священников или протестантских проповедников. Они носили сутаны, среди них была строгая иерархия, все было очень благообразно и красочно и далеко от обыденной жизни, а сам раввин был фигурой власти. Является ли это оптимальной моделью? Я не знаю. В этом есть и хорошие, и плохие стороны. Лично мне нравится образ раввина-попугайчика на духовном пути. С другой стороны, некоторым людям хочется видеть фигуру власти и, видимо, они в этом нуждаются.

К.Ш.: Достаточно ли общин вы посетили, чтобы наблюдать эти различия? Какой была модель в вашей общине?

Д.У.: Она больше стремится к модели раввина-спутника на духовном пути, с оттенком харизмы хасидского «ребби». Это уникальное сочетание, потому что, с одной стороны, присутствует аспект власти, а с другой — делается сознательная попытка разрушить иерархию. В службах тоже есть элемент харизмы, потому что собирается очень большое количество прихожан. Мы все участвуем в службе, а кто-то впереди нас ведет. Но мы не сидим пассивно в кругу. Мы бы и не смогли, если бы захотели — нас 1800 человек.

На наших службах становится ясно, что раввин стоит там не для того, чтобы молиться за тебя и делать все, что для этого нужно. Ты либо молишься, либо не молишься. Мне это нравится. Раввины не носят длинные одежды, нет этой помпезности и формальностей. Но это дается нелегко, и наша община сейчас должна решать многие сложные вопросы. Теперь, когда нас стало так много, как нам быть дальше? Как это влияет на наше чувство общности? Неизбежно на сцене появляется более сложная инфраструктура, которая порождает разного рода политические моменты и потребность в дополнительном финансировании. Как мы будем решать эти проблемы? Как нам сохранить наши основные ценности? Мы сейчас стараемся решить эти проблемы, и я надеюсь, что мы найдем путь их решения, и если найдем, это будет большим вкладом в организацию нашей религии в целом.

К.Ш.: Интересно, что вам несвойственно — а из вашего опыта я понимаю, почему несвойственно — ощущение многих женщин, что их обожли. Насколько я понимаю, проблема сексизма характерна главным образом для ортодоксального направления в иудаизме.

Д.У.: До недавнего времени это было во всех направлениях иудаизма. Об этом идет много дебатов — некоторые женщины говорят, что Тора полна сексизма. Но как бы то ни было, это Тора — та, которую мы имеем. Мне не нравится существующая тенденция отказываться от интеллектуальной точности и строгости в интересах феминизма.

К.Ш.: Не знаю, согласна ли я с тем, что феминизм свойственна меньшая интеллектуальная строгость, если посмотреть на то, что происходит в некоторых других религиях.

Д.У.: Везде по-разному. Иногда получается хорошо, но иногда мы просто пытаемся писать феминистские «мидраш» (притчи), и они выдуманы, а не основаны на текстах, как это полагается. Либо феминизм становится центральным вопросом, и мы упускаем из виду то, что на самом деле важно.

Я однажды присутствовала на занятии у замечательного преподавателя, который рассказывал о текстах, где

Надежда Хлебникова

КАРИН БУРСТРАНД — ЖЕНЩИНА — ПАСТОР ИЗ ШВЕЦИИ

равнины в Талмуде сравнивали Тору с женщиной и использовали для этого очень сексуально насыщенные образы. Это было красиво. Там были феминистки, которые никак не могли пройти мимо того, что в текстах сексистский язык.

А у меня такое чувство, что это любовная поэзия, написанная мужчинами, то есть мужчинами для женщин. Когда я читаю поэзию Шекспира или Байрона, меня не оскорбляет, что они так говорят о женщинах. Я могу понять их, потому что я была влюблена. Я трансформирую образы в своем сознании и представляю себе Тору как очень сексуального мужчину, а не как сексуальную женщину. Я не вижу в этом проблему для феминизма. Да, равнины, которые все это писали, были мужчинами. Да, у нас нет ничего, написанного женщинами. Но потерять красоту и силу того, что изучение Торы — самая сексуальная вещь на свете? Для меня это было бы слишком большой потерей.

К.Ш.: Связано ли это как-то со сменой поколений?

Д.У.: Отчасти. Есть женщины, которые не хотят называть Бога «Малех», царь, и даже если бы язык был нейтральным с гендерной точки зрения, не хотят говорить о Боге как властителе. Это мужской образ, а им удобнее было бы оперировать образом «высшей сущности», который ближе феминисткам. Высшая сущность — это замечательно, но это не то же самое, что царь. Я хочу, чтобы мой Бог включал в себя все это: замечательно иметь Бога милосердного, Бога присутствующего рядом, но мне также нужно общаться с Богом — царем, правителем, могущественным, способным карать и исцелять. Я не хочу терять богатство этого образа, и я не считаю, что тот или иной образ более мужской или более женский. Поэтому мне не нравится тот аспект феминизма, который стремится переписать литургические тексты.

К.Ш.: Есть ли какие-либо аспекты феминизма, которые близки лично вам?

Д.У.: Да. Безусловно, для меня важна эгалитарная практика, чтобы у женщин был полный доступ к религиозному образованию, чтобы они могли участвовать в службе и быть полноправными раввинами. Эти вопросы, в принципе, решены.

Но на практике все еще существуют конфликты, даже в моей семинарии, в которой ведутся две службы, одна эгалитарная, а другая нет. Большинство людей ходят на эгалитарную, но тот факт, что семинария позволяет существовать неэгалитарной службе и в то же время готовит женщин-раввинов, выглядит несколько странно.

В консервативном направлении все еще есть проблемы с тем, чтобы женщины присутствовали при некоторых обрядах. Традиционно им это не позволялось, и консервативное направление все еще не решило в полной мере этот вопрос.

К.Ш.: Мы живем в увлекательное время. Мне было бы интересно побольше узнать о попытках возродить иудейскую религию в России — там так много предстоит сделать и многое преодолеть — и я надеюсь, что наш журнал когда-нибудь опубликует статью об этом.

Д.У.: Там происходят удивительные вещи. Однажды в пятницу на нашей службе был хазан из московской синагоги вместе с группой студентов, которые учились, чтобы стать раввинами и канторами в России. Хазан вел каддиш (часть службы) и начал с мелодии, которую большинство из нас не знали. Во время каддиша наступает момент, когда община вступает в хор, и в этот момент мелодия стала такой же, что и наша, и вся наша община начала петь. Какое удивительное свидетельство нашей традиции, — подумала я про себя. Через все эти годы, после всего, что произошло с религией в Советском Союзе, этот человек приезжает из Москвы в иудейскую общину в Нью-Йорке, и мы все поем одни и те же слова под одну и ту же мелодию.

Это был поразительный момент — и все это почувствовали. Люди говорили мне, что у них мурашки по спине пробежали. Вот именно поэтому я не хочу, чтобы перемены происходили все сразу и слишком быстро. При том, что я высоко ценю эгалитарность, я также знаю, как много значит единство религии во времени и пространстве.

Перевод Ирины Савельевой

«Женщина и религия» — новая и необычная тема в Мурманске для общественного обсуждения. Семинар с таким названием организовал в сентябре международный учебный центр «Женщина и управление» Мурманского технического университета. О своем опыте мурманчанкам рассказала женщина-священник из города Лулео на севере Швеции Карин Бурстранд.

Карин работает пастором 19 лет. Первая женщина-пастор появилась в шведской лютеранской церкви в 1958 году, а когда Карин начинала, в Северной Швеции их было 10 процентов от общего числа священнослужителей, теперь 30 процентов.

У Карин не было в детстве живого примера. Она выросла в светской семье: мама — учительница музыки, папа — инженер. Девочка играла на скрипке, хотела стать то архитектором, то преподавателем физкультуры. Специальные занятия, подготавливающие к конфирмации, запомнила как ужасно скучные. Но даже они не убили в ней интереса к религии. Карин чувствовала, что Господь призывает ее на духовное поприще. Несколько лет ее одолевала противоречивые мысли.

«Нет, — сказала себе юная особа в 18 лет, хоть это и благородное занятие — служить людям и Богу, я не хочу все время принимать участие в похоронах». Потом сказала: «Хорошо, попробую работать в церкви». Она уехала на юг в приход, где была женщина-священник. Встреча с ней укрепила веру Карин и заставила ее сделать второй решительный шаг. Девушка поступила в университет для изучения теологии. Но изучать теологию не то же самое, что быть священником... Через два года она оставила факультет, ушла работать водителем такси. Целый год за рулем она молила Бога о том, чтобы он дал знак, поставил перед ней непреодолимые препятствия, если она обольщается относительно своего духовного призвания. Но Бог привел ее за церковную кафедру.

Сегодня Карин не сомневается в Его воле и своем предназначении. Однако до сих пор не все прихожане в 22-тысячном Лулео признают ее за пастора. Карин говорит об этом, ничуть не меняя обычной для нее доброжелательной интонации. «У меня есть коллега, он к тому же мой подчиненный. Он хорошо относится ко мне, но считает, что женщина не может быть священником. Мы не можем служить вместе, и это больно. Зато другие прихожане, — улыбается Карин, — не хотят общаться с мужской-священником, который отказывает женщине в таком праве».

Муж Карин занимается консалтингом, и, по ее признанию, гордится профессией жены, берет на себя значительную долю забот о детях. Их четверо — 18, 16, 9 и 8 лет. И еще один фактор не забыла упомянуть Карин, рассказывая о том, как ей удается совмещать обязанности пастора и многодетной матери: «У нас очень хорошие детские сады».

Карин-пастор одновременно руководитель прихода, у нее 30 сотрудников. С 1 января 2000 года шведская лютеранская церковь отделяется от государства, и Карин ожидает, что перед ней встанут новые административные проблемы. Если сейчас работники церкви получают зарплату от государства, то скоро обеспечивать ее придется за счет прихожан.

Судя по всему, особенность вероисповедания, которую Карин охарактеризовала так «со времен Лютера мы много думаем над текстами Священного Писания», отвечает складу ее ума и души. «Если я христианский священник, это не значит, что я некритически оцениваю теологические труды и даже Библию. Для меня очень важно думать самостоятельно». Мысль Карин относительно женщины и религии конкретна: «В Швеции мужчины более уверены в себе, женщины более самокритичны. Так было всегда, и церковь не изменила эту традицию. Но у церкви есть возможность повысить самооценку женщины.» И дальше Карин делает поразительный вывод о том, что

История

уверенность в себе нужна женщине не только для земных дел. Она необходима для познания Бога и Богообщения». Поясняя свое утверждение, Карин дает непривычное для православной традиции объяснение известной библейской истории о женщине, 12 лет страдавшей кровотечением и исцелившейся от прикосновения к Иисусу: «Такие женщины были в изоляции. Человек, которого касалась подобная больная, считался оскверненным. Она очень рисковала, дерзнув, приблизиться к Иисусу. Он — ее последняя надежда, и она проявляет мужество, чтобы спастись. После общения с Иисусом она становится другой, ее жизнь меняется». «Христос понял ее, ведь он в земной жизни тоже часто поступал не по правилам и нарушал запреты», — улыбается Карин.

Свое толкование Священного Писания Карин не выдает за истину в последней инстанции. Кажется, у нее в крови правила поведения в обществе, которые недавно довелось услышать от ироничного шведского журналиста: «У нас никто шаг не ступит и слова не скажет без того, чтобы не проявить терпимость, взаимопонимание и компромисс». Карин ближе те места из Библии, где говорится о разуме женщины, ее стремлении открыть для себя новые горизонты. Вместе с тем на семинаре Карин заметила, что типичная женщина узнает себя в библейской Марфе, которая принялась хлопотать по дому, чтобы достойно встретить Иисуса, как только он переступил порог, а не в ее сестре Марии, которая в это время сидела и внимала речам Господа. Женщина вольна выбирать свое

История

Анна Наталия Малаховская

20 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД В ЛЕНИГРАДЕ ЗАРОДИЛОСЬ ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

(К истории первого феминистского журнала «Мария»)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВРЕМЕНИ

Это было жаркое лето, когда мы почему-то не уехали никуда из городского пекла, а остались в нем, в этом самом пекле, где происходили очень странные и очень разные события. Например, однажды вернулась из концлагеря моя заочная, только по переписке близко принятая к сердцу подруга Юлия Вознесенская. И она вышла из поезда как все нормальные люди, на обыкновенном вокзале, но почему-то, — как мне мерещится отсюда, — это было в 5 часов утра, и ее рыжая грива висела у нее за спиной в полумгле ранних сумерек, а ее лицо представляло из себя профиль, горбоносый и гордый профиль, потому что в фас было не на что глядеть. И, как во сне, приблизившись к ней сквозь сумерки и сквозь туман, я наяву ее не узнала. Это была не та, с глазами-капельками, одинокая девочка, к которой я обращалась в письмах, уносящихся в тюрьму. Это была не та, от которой я получала письма в ответ. К которой я — единственная — пришла на вокзал, в неурочное время и несмотря на разведенные мосты. Это была какая-то другая и незнакомая, и что-то она потом сказала своему мужу, явившемуся на вокзал много позже, что-то про старые носки и про чай, который приготавливается уже 4 часа; на воровском жаргоне все это было произнесено, в шутку, но что-то в этой шутке было такое, загораживающее путь к ней всем непосвященным...

Это случилось после другого очень важного события. В конце мая я побывала на концерте, где исполняли музыку нашего семейного знакомого — Алеши Николаева — покойничего собой в ноябре 1977 года. Эта музыка и вовлекла меня в некую воронку: в заволакивающее и кружащее пространство, из которого я не могла выбраться до тех пор, пока не написала повесть про Алешу. И встреча с Юлей на вокзале произошла в те же самые

место в семье и в обществе. И в любой роли при любой профессии она остается равной мужчине как Божье творение. «Мы равны перед Богом, потому что одинаково причащаемся его плоти и крови», — утверждает Карин.

«В чем ты видишь главную свою задачу как пастор», — спросили необычную гостью мурманчанки. «Помогать человеку принять ответственность за свою жизнь, осознать свои грехи», — ответила Карин. — Но когда я говорю об этом со своими прихожанами, мой главный принцип — милосердие. Что грех для одного, может оказаться не грехом для другого. У нас слишком разные жизни».

На семинаре мурманские слушательницы тоже делились своими представлениями о религии, рассказывали о духовных поисках. При том, что выступления были интересными, касались они только личного опыта. Хотя в Мурманске есть православная община, которой руководит женщина, и она тоже была приглашена поделиться своим пониманием роли духовного лидера и наставника в церковной практике.

Пришлось отменить выступление, потому что владыка не дал благословения. «В нашей церкви все держится на благословении. Она не могла поступить как ей хотелось», — объясняю я Карин. — Мне очень жаль, что вы не познакомились».

И тут я осознаю, что у Карин дар мгновенно без логических умозаключений проникать в суть вещей. Она понимает меня без переводчика. «Передавай ей привет», — говорит Карин, — я надеюсь, что время разрешит эту трудность»...

дни, когда я дописывала последние страницы этой повести.

Но в эти же самые дни я спасала своего девятилетнего сына из летнего пионерского лагеря, где с ним творили что-то жуткое, о чем ни в сказке сказать, ни пером написать. Помню, как мы с ним тайком пробрались в его палатку, побросали все его вещицы в чемодан и выбрались какими-то задними ходами к автобусу, — и уехали, на свободу, потому что я не позволю с моим ребенком творить такое!

Еще до этого было — в апреле — большая, очень большая комната, чудесная, с окнами на сад на берегу Большой Невки, и там мы (человек 20) сидим и слушаем стихи Юли и ее письма из тюрьмы, а во втором отделении вечера — стихи Володи Комарова. И там же, в начале июня — мою статью «О культовом значении советских песен». И у всех — весеннее, приподнятое настроение, все разбужено, говорят живо, говорят от души: как будто бы что-то нас всех приподнимает, как волной, и вот-вот подкинёт еще выше...

Откуда-то мерещился свет. Он возникал постоянно: то из слов Юлиного письма, то из стихов, то из Алешиных картин, которые я потом выставляла где-то, на чей-то квартире, — и приходили полузнакомые и совсем незнакомые, и говорили, что да, — кончают собой самые светлые, самые чистые, — вот и у нас, в Академии художеств, — вот и у нас, в Университете, — а вы видели портрет такого-то (и называли имена...). И смотрели на Алешины картины. И слушали то, что я написала тогда о советских песнях, пытаясь пробраться всей душой к правде, — к истине о том, почему и что нас угнетает. И вот на фоне всех этих, таких многоликих, событий и случилась та встреча с Хильдой, о которой я писала. Итак, я стала читать статью Мамоновой. Вот тут-то и произошло то самое сногшибательное, о чем я мечтала.

1. Когда и при каких обстоятельствах начали выходить женские журналы?

Июль 1979 года, последние дни. Это была пора абсолютных невозможностей, когда — в то же время — казалось возможным чуть ли не все. К тому времени я давно перестала надеяться, что меня кто-нибудь накормит или даст сносную работу, зато ожидала чего-нибудь сногшибательного чуть ли не каждый день. И поэтому, когда встретившаяся со мной на Стрелке Васильевского острова долговавшая приятельница по кличке Хильда сообщила мне, что меня приглашают принять участие в женском журнале, я как будто со всех облаков тут же и свалилась: — Что? Женский?

А в душе пронеслось: Неужели они все еще считают меня женщиной? А я-то думала, что я уже так хорошо пишу!

Хильда спросила меня еще, помнится, знаю ли я, что такое — феминизм. Но я (несмотря на то, что была филологом!) не знала, — никогда до тех пор не слышала этого слова. Хильда сказала, что в других странах существует такое движение, которое борется за права женщин, и дала мне статью Мамоновой (своей знакомой художницы): — На, почитай. И, если надумаешь...

Это была статья «Роды человеческие». Мамонова написала ее еще в 1975 году — и с тех пор статья гуляла по рукам в поисках сочувствующих — тех, кому захотелось бы вместе с Мамоновой создать женский журнал. Но до сих пор никого такого не нашлось. И вот Мамонова прочла в самиздатском журнале «37» мою статью о советских пенсиях, и ей до того эта статья понравилась, что она попросила Хильду нас связать. После всех этих сообщений Хильда уехала, а я, оставшись на остановке, тут же погрузилась в чтение статьи.

Вот тут-то и случилось то самое сногшибательное, о чем я мечтала. Мои собственные воспоминания о том, что со мной творилось в роддоме, встали передо мной в полный рост. Как в тумане, дошла я до трамвая, втиснулась в переполненный, сдавленный со всех сторон, и когда трамвай поднялся на середину Тучкова моста, вот тут-то это со мной и случилось. Вдруг у меня раскрылись глаза, и я увидела всю свою жизнь с другой стороны, новыми глазами. Я поняла, почему меня всю жизнь толкали и зажимали, и почему мне затыкали рот, и почему считали меня существом какого-то самого низшего сорта. И почему в университете девочек принимали только со всеми пятерками, а мальчиков и с троечками. И почему в рожу мне можно было сапогом пинать за то, что я с воспитанием легких и с температурой 40 не приготовила мужу обед. И почему ни на какие научные вопросы я никогда не получала никакого ясного ответа, кроме одного того, что сами эти вопросы я задавать не имею права, а думать надо в других (общепринятых? Мужских? На мужчин ориентированных?) рамках мышления, где не разрешается спрашивать «почему», а только «сколько» или «когда». «Ты думаешь не так, как надо», — это мне внушали везде, и на факультете археологии, и на факультете журналистики и филологии (где я училась). «Все эти вопросы неправильные, и, о чем бы ни шла речь, ты не права уже с самого начала», — и ты можешь учиться лучше, чем все мальчики, вместе взятые, но это ничего не значит, ведь ты — девочка, и этого позора не сможешь уже ничем, а почему это уж позорно, еще узнаешь. И не бойся, без боли не обойдется. Уж у тебя-то, без боли это дело не пройдет. Ну, вот теперь ты знала? И то, что живой тебя вытащили из этого зала, где заживо людей разрезают на куски и потом сшивают по живому мясу, — господи, ну какая разница, подумаешь, этих вон низкосортных людейшек, из которых будущее человечество кровавым способом надо исторгать — больно, ну так и что ж? На то они и бабы. За то и платите. Понаслаждались, теперь вот и расплачивайтесь. Природа так распорядилась. И природа захотела, чтоб ты мучилась, рожая в невообразимых условиях от нелюбимого, — потому что женщине не гоже самой добиваться любви, «навязываться» любимому: бери того, кто выбрал тебя, это все — природа; и никакого другого пути тебе нет, будь ты хоть семи пядей во лбу...

Но вдруг оказалось — когда я доехала до середины Тучкова моста, я это как будто увидела, — вдруг оказалось, что таких, как я, не то что пять или там тысяча — нет — миллионы — и мучаются точно так же — да ведь нас, таких, — половина человечества! И всем зажимают рот. И всех тащат в эту темную комнату. И всем ухмыляются похабными улыбочками: «Понаслаждались, расплачивайтесь. Рожайте нам бесплатно наше будущее человечество, ну, а мы уж превратим его в кровавое месиво — в пушечное мясо — по всем нашим арифметическим за-

конам нашего скрупулезного и единственно правильного, логического умопостроения...»

И так я увидела вдруг и сверху, как будто бы сверху этот мир, как бы наполненный сиянием мириады огней, каких-то светящихся существ, и все это были женщины, унижаемые не за что бы то ни было другое, а просто за то, что они такими родились и против них как будто бы — все, что-то такое «все», еще пока неясное и темное, как громада, а они вот зато светлые, светящиеся, с ореолами вокруг головы, светящиеся точки во тьме — светящиеся издали мириады.

Таким образом, в этот миг был приподнят пласт внешнего и привычного сознания во мне, переживший роды 9 лет назад и уже смилившейся с тем, что я — женщина, и старавшейся загладить эту свою недостаточность великими подвигами на почве творчества (писать все лучше и лучше, пока все не забудут о том, кто я такая, ослепленные сущностью моих идей и тем, как мне удалось их воплотить).

2. Идея журналов и их участники

Идея феминизма — это идея, заставляющая полностью перевернуть свое сознание, превращающая все тяготы и несправедливости твоей жизни, весь позор женского существования в некие новые возможности, чреватые небывалым плодородием и обещающие захватывающие приключения духа.

Пласт пола зажат очень глубоко — загнан в самую глубину сознания — и поэтому переворот необходим радикальный. Человек, переживший такой переворот, испытывает невероятный подъем всех сил и чувств счастья — а человек с негибким сознанием идей феминизма воспринять не сможет — он отшатнется от этих идей, испугавшись всех тех чудовищ, которые сторожат это сокровище.

Идеи феминизма как идеи такого рода переворота сознания просвечивают во всех материалах наших изданий.

Самыми первыми участницами этого первого альманаха для женщин были мы трое — Татьяна Мамонова, Татьяна Горичева и я, — и идеи этого издания были нашими личными идеями.

Татьяна Мамонова была в то время лет 35-ти. (Она была человеком сильного характера, жесткая и как бы холодная). Она не принадлежала ни к «первой» культуре, ни к движению «второй» культуры, а была сама по себе: она рисовала

небольшие картины, которые продавала иностранцам, на что она жила и кормила свою семью. В ее картинках, неоклассицистических и умелых, при всем желании нельзя было заподозрить никакой «ереси». Таким образом Мамоновой удалось, не будучи «советским художником», не оказываясь и в рядах «антисоветчиков». Ей удалось добиться невиданного (для всех остальных) уровня благосостояния, не заплатив за это совестью. В то время такое положение было невероятной редкостью. Видимо, это-то и сделало ее как бы «свалившейся с луны»: она совершенно искренне верила всему тому, что писалось о положении женщины в советской конституции, и считала, что только хорошего женского журнала не хватает для того, чтобы провести все эти «прогрессивные идеи» в жизнь.

Специально для альманаха Мамонова написала предисловие под названием «Эти добрые патриархальные устои», поместила в альманах свою статью «Роды человеческие» (под псевдонимом) и некоторые свои стихи, а также материалы, написанные ее знакомыми под псевдонимами: статью «Обратная сторона медали» (посвященную проблематике аборт) и эссе, в котором сравнивались бисексуальные стороны поэзии Уитмена и Цветаевой.

Татьяна Горичева, родившаяся в 1947 году, была в то время живописным, — не столько созданием, сколько явлением, накрепко связанным со «второй культурой». Самиздатский журнал «37» начал выходить под редакцией Кривулина и Горичевой в то время, когда они были женаты

и жили в квартире №37. Горичева была философом по образованию, когда-то даже преподавала философию в техникуме, но к тому времени (к 1979 году) была человеком уже давно безработным и без постоянного места жительства. Не знаю, чем она зарабатывала на жизнь, но помню, что она была постоянно полуголодной, растрепанной и неряшливо одетой: хотя к тому времени она уже вышла из периода «хиппи», эта ипостась в ней все еще просвечивала. Она все еще носила кличку «Хильда», которую ее наградили за ее любовь к Ницше и ко всему немецкому. Когда я ее впервые увидела, я ужаснулась тому, что Кривулин мог жениться на такой бродяжке (так она тогда — в 1976 году — выглядела). Но вот она как-то присобралась, привела себя в порядок — и оказалось, что она — очень интересный человек, старающийся передавать свои знания всем встречным и поперечным: типичный «культураггер» (носитель культуры). К тому времени она стала настаивать на том, чтоб ее считали авторитетом в области православия. О ее борьбе с женским в себе она рассказывает на первых же страницах своей статьи, написанной в августе 1979 года для альманаха «Женщина и Россия». Она пишет о том, что занимает антиматеринские, антиженские позиции. (Я думаю, что это связано с ее родителями: ее отец был мягким и слабым человеком, а дворня, а мать — властной и жесткой, из купцов. Горичева с раннего детства постоянно избивала и терроризировала мать, а отец никак ее не защищал.) Чего же и удивляться тому, что она цинично и безразлично относилась к материнскому в женщине (например, упрекала меня — при живом ребенке — что я не сделала аборт — а сама она, по ее словам, сделала более двадцати аборт), а к мужчинам относилась снисходительно. Интересно, что после четырех лет работы в самиздатских журналах, для которых она писала в основном философскую «заумь», абстрактным и холодным языком, для женского альманаха она вдруг написала о своих совсем личных проблемах, не скрывая ничего: ни своей ненависти к матери, ни своего «блуда». К сожалению, это горячее признание было заключено в рамку из елейных и слезливых православных проповедей, что с первого же слова отпугивало многих читателей. В дальнейшем Горичева стала писать намного лучше. Особенно интересным мне кажется ее выступление «Ведьмы в космосе», опубликованное в первом номере «Марии».

Наталья Малаховская — как и Горичева, я родилась в 1947 году, в Ленинграде, в семье ученых. Стихи я стала писать с шести лет, а в 16 лет начала писать свою первую повесть — «Темница без оков», — в которой описывала атмосферу духовного террора, царящую и в советских семьях, и в обществе в целом. (В центре этой повести — образ девочки, которая сама, своими руками, убивает самое святое в семье — свою любовь — и даже думает, что делает это по своей воле. Прочитав эту повесть, и Горичева, и Вознесенская признавались мне, что и они пережили в детстве и в юности в точности такую же атмосферу духовного террора в своих семьях.)

Еще до того, как я закончила учебу в университете, я вышла замуж, но замужество не принесло мне ничего, кроме голода, нищеты, тяжелых болезней и — побоев. Муж, который вначале казался приличным человеком, спился и стал циничным и низким извергом. Из-за того, что мой сын часто болел, мне не удавалось подолгу удерживаться ни на одной работе. Голодной я была почти всегда. Постоянными были поиски работы. (После того, как в самиздатском журнале «37» была опубликована моя повесть, ко мне стали часто приходиться незнакомые люди — читатели. Они просили меня написать еще подробнее на одну из тем, затронутых в повести — о советских пенсиях. Приносили какие-то булочки. Я действительно стала писать о пенсиях — теперь уже по-настоящему, сидела в библиотеках, встречалась однажды даже с автором моей любимой песни. Написанная мною статья «Культурное

значение советских песен» была встречена с большим воодушевлением. Кроме этой статьи и первой повести, к июлю 1979 года мною был написан роман «Осень и зима, потому что весны не будет», и повесть «Алеша».

Осенью 1979 года нищета довела меня до того, что я устроилась на работу в котельной, где мне приходилось таскать уголь. Там я надорвалась, произошло опущение почки, и я заболела пилонефритом в очень тяжелой форме. В январе 1980 года меня надолго положили в больницу. Выписывая меня из больницы, врач мне сказал, что, если я хочу остаться в живых, я должна постоянно быть в тепле и очень хорошо питаться. Так я поняла, что, если меня посадят в тюрьму, долго мне мучиться там не придется. Позднее я узнала, что и действительно все диссиденты, которые были почечными больными, погибли в тюрьмах и лагерях.

Когда работники КГБ угрожали бросить работу над женским альманахом, они ей говорили: «Вы же — нормальный советский человек, и с кем вы только связались! Вознесенская — уголовница, Горичева — кликуша, а Малаховская — просто дура». И они были в чем-то правы. Горичева действительно использовала этот альманах для пропаганды своих религиозных идей, Вознесенская видела его как инструмент политической борьбы (по принципу «что антисоветское, то и хорошо»), и только я с полнотой простодушия вполне верила всему, что я делала, и под влиянием своего первоначального «видения» (о котором писала выше) мечтала снять цепи с половины человечества при помощи расколдовывания самосознания женщины.

Как и Горичева, которая написала для альманаха о том, что ей в ту пору было важнее всего, и я тогда написала о наблевшем — о положении женщины в семье. Конечно, попытка исторического подхода к этой теме была умозрительной, потому что об истории семейных отношений я тогда почти ничего не знала. Зато на практике и мне лично пришлось пережить все то, о чем я в этой статье писала. И все-таки моя статья — это не просто жалоба на жизнь, а попытка переосмысления ситуации в положительную, освобождающую душу сторону: мужчина может избавиться от всех своих семейных обя-

занностей, но тем самым он лишается и всех своих прав, и человеческое общество — общество матерей и детей — изгоняет его от себя. Происходит переворот, и женское существо, забитое и бесправное, оказывается стоящим во главе семейной жизни. Моим вкладом в альманах была не только моя собственная статья, но и статья «Золотое детство», написанная моим сыном, и найденное и подготовленное мною к печати письмо Юлии Вознесенской из тюрьмы. Своим самым важным произведением, опубликованным в женских журналах, я считаю эссе «Человек-надежда» («Мария №3»), посвященное философским сторонам дружбы.*

Все мы трое — Мамонова, Горичева и я — уговорились на равных участвовать в подготовке альманаха к печати. Мы обсуждали, какие материалы брать, как их расположить в сборнике и т.п. Остальные участники альманаха были только авторами, которые порой даже и не ведали о том, что мы используем в этом сборнике их тексты (как это случилось с Юлией Вознесенской).

Юлия Вознесенская была старше нас на семь лет: она родилась в 1940 году в очень интересной семье. Девичья фамилия ее — Тороповская, отец ее был из Польши, а мать была потомком печально знаменитого в России Аракчеева: ее бабушка была пленной гречанкой, которую злодей-Аракчеев взял себе в наложницы. В то время, как отец со зверской жестокостью расправлялся с Юлией (бил ее скрученной проволокой, в кровь), мать была немощно колдуньей, разбиралась в травах и во всех их

* Это эссе перевели на английский для публикации в журнале «Тривия». Впоследствии одна из канадских исследовательниц ссылалась на это эссе в своей книге «On female friendship».

Фото Вознесенской, Горичевой, Малаховской и Мамоновой на обложке американского женского журнала «Ms»

Татьяна Горичева, Татьяна Беляева и Наталья Малаховская — июнь 1980 (Ленинград)

волшебных действиях. Юля гордилась своей матерью и передавала порой ее рецепты. Помню, как она «заговаривала» мне грыжу, когда я надорвалась на работе. Женское в себе Юля отнюдь не подавляла, а старалась выглядеть красиво, одеваться нарядно, и ценила красоту в других. Она училась в Театральном институте, но недоучилась: не могла справиться с хозяйством и детьми. (У нее было двое сыновей, и должна была родиться еще девочка, но в конце беременности она подняла тяжелый котел с китятившимися бельем (в отместку мужу, который не хотел помочь ей по хозяйству) — и у нее случился выкидыш, о чем она очень горевала и много лет спустя: хотела дочку.) Главным мотивом и двигателем ее жизни было гордое и бесшабашное сопротивление всем, любому и каждому, кто мог только подуматься о подчинении себе. На фоне советской унылой покорности судьбе такая ее жизненная позиция казалась чем-то сияющим и прекрасным, завораживала. Юля верила в победу и как будто бы уже держала ее в руках, работая над сборником «Лепта»... над тем, чтобы пробить его в официальную печать. Ее комната в коммуналке на Улице Жуковского была центром, чуть ли не поэтическим салоном, куда постоянно собирались авторы этого сборника (в 1975–1976 гг.). Она казалась мне чрезвычайно деловой, педантичной в своем подходе к разным бумажкам, документам, отказам от властей, — настоящей «Девой» (она родилась в сентябре). В то же время ей очень хотелось утвердить себя в глазах общества, доказать, какая она талантливая, — хотелось признания. Я восхищалась тем, как Юля боролась, шаг за шагом, не впадая в отчаяние из-за неудач. Но все ее мужество и цепкость в достижении цели не помогли — «Лепту» так и не удалось опубликовать официально, — и, может быть, под влиянием этой неудачи, все из того же духа сопротивления, она и совершила роковой шаг, который привел ее в тюрьму. Вместе с двумя друзьями-художниками она участвовала в операции, в результате которой на стене в Петропавловской крепости однажды ночью появилась пресловутая надпись «КПСС — ВРАГ НАРОДА» (именно на этот эпизод я ссылаюсь в своей пьесе «Легенда о Каше Бессмертном»); Юля послужила прототипом для действующей в пьесе мифологической Надежды).

Юлю осудили и посадили в тюрьму на 2,5 года. В тюрьме и на этапах, ведущих ее в сибирские концлагеря, она заняла ту же несгибаемую и гордую позицию сопротивления: начальникам, развлекающимся жестокими издевательствами над заключенными девушками и женщинами, она заявляет: «Спасибо, вы дали мне отличный материал», — и сравнивает происходящее в современной тюрьме с тем, что она читала у Солженицина, недвусмысленно давая тем самым понять, что и она села в тюрьму только для того, чтобы написать нечто подобное написанному Солженициным. Это-то ее «письмо из тюрьмы» я и опубликовала на страницах альманаха, увидев в нем тот же переворот сознания, то же превращение нестерпимых пыток в инструмент борьбы и надежды, как и в других наших материалах.

Ваня Пазухин — мой сын, которому в то время было 9 лет. Как раз в те самые дни, когда шли разговоры о создании альманаха, мне пришлось спасти его из пионерского лагеря, где ему пришлось пережить такие мучения и издевательства, которые потрясли его и не давали ему покоя: ему хотелось поделиться тем страшным, что ему пришлось пережить тогда в лагере, и он написал об этом для нашего альманаха. Ваня был замечательным ребенком, моим близким другом, очень интересовался политикой и болтал о политике, как взрослый. Его самой большой мечтой было стать композитором — и эта его мечта на самом деле исполнилась. Он писал и статьи для «Мариин»: первая из них, под названием «Как я учусь в школе», была опубликована под псевдонимом в первом номере этого журнала (в то время преследования были особенно жестокими, и прежде всего работники КГБ обрушились именно на него, пытаясь раздавить его машиной на улице по пути в школу). Вторая его статья для «Мариин»,

«Туннель», была опубликована под его именем уже после того, как нас выслали из СССР.

Соня Соколова — ленинградская писательница, которая работала, кажется инженером. В то время ей было около сорока лет. Меня она узнала и полюбила из-за моей повести, которую прочла в журнале «37» — с тех пор она часто приходила ко мне и помогала мне во времена моей тяжелой болезни, приносила что-то съестное. Соня была веселой, неунывающей и очень доброй. В отличие от Вознесенской, которую я втянула в альманах заочно и без ее ведома, Соня Соколова вполне сознательно приняла участие в первом же выпуске женского альманаха, отдав нам для публикации рукопись своего рассказа «Летающие ящеры». В этом рассказе подтверждается высказанное в моей статье разделение всего мира на человечество, состоящее из матерей и детей, и на мужчин, враждебных этому человечеству. В рассказе Сони Соколовой отец не бьет и не убивает ни жену, ни сына, а просто срывает со стены все их рисунки, уничтожая созданный ими веселый и одушевленный мир, и вместо всего этого радостного богатства обещает купить сыну заводной танк.

Для Сони остро стояла проблема сын и армия: ее сын к тому времени уже приближался к призывному возрасту. Эта проблема стала трагичной в начале 1980 года, когда началась война в Афганистане. Наш журнал в то время первым опубликовал протест против этой войны. На страницах журнала «Мария» Соня опубликовала свое первое настоящее феминистическое произведение — статью «Слабый пол? Да, мужчины!», в которой доказывала, что ситуация в СССР направлена на уничтожение всех тех сфер деятельности, в которой мог бы проявить себя мужчина, и поэтому обрекает мужчин на слабость. В замысле этой статьи отчетливо прослеживается та самая парадоксальность мышления, свидетельствующая о перевороте сознания, о которой я уже говорила выше.

Клавдия Ротманова (писала в журнале «Мария» под псевдонимами «Айя Лаува» и «Ксения Романова», мы звали ее «Ксюша»). Ее привела ко мне Горичева уже в 1980 году, где-то в феврале или в марте. Где-то она ее раскопала, в какой-то церкви подхватила, убедилась, воодушевила и в таком состоянии притащила ко мне домой. Ксюша приехала в Ленинград из Латвии, работала в Риге журналисткой, а родом была из Даугавпилса. Трагедия ее состояла в том, что у нее не было жилья в том городе, где у нее была работа и где жили все близкие ей люди. И она, то ночевала у кого-нибудь из друзей, то в аэропорту: такая вот бездомная (о чем она и писала позже: ее «Монолог бездомного человека» опубликован в журнале «Мария» №3 (с. 42)).

Ксюша очень много говорила, рассказывая о том, что ей хотелось бы написать для «Мариин» — но действительно сестра и написать ничего не могла — не могла себя переписать. Помнится, я купила ей большой кулек сладостей и заперла ее на два часа в своей комнате, а сама пошла «гулять» по холоду и по лужам — выгнала себя из собственного дома. Когда я вернулась, Ксюшина статья была готова, — и это была, действительно, потрясающая, как я и предполагала, статья под названием «Хозяин семьи» — написанная на основании сведений, сохраняющихся в архиве Верховного суда Латвии. Ксюша писала о мужьях, убивающих и насильствующих и жен, и малолетних дочерей, и о матерях, которые дошли до такой степени и физического, и душевного рабства, что поощряли все эти преступления. Это уже был парадокс женского сознания с обратным знаком (см. журнал «Мария» №1, с. 39–42). Ксюша писала прекрасные стихи, некоторые из которых были опубликованы на страницах «Мариин». Она была одной из тех, кому я передавала все дела по сохранению журнала в июле 1980, зная, что нас с Горичевой выгоняют из страны.

Татьяна Беляева была немного моложе нас, остальных. По образованию она была философом и преподавала этот предмет в вузе. Она была очень решительная и в то

же время женственная, материнская. У нее было желание всем помочь, все защитить и утешить. В отличие от Горичевой, проповедующей православие, Беляева была в ту пору протестанткой и в своей церкви боролась за свободу против закоснелых религиозных фанатиков. Ее свободолобие пришлось мне очень по душе. Уезжая из страны, я передавала все дела по ведению журнала ей и Ксюше в полной надежде на то, что они справятся с этой задачей. Я учила Таню всему тому, необходимому для издания и редакции журнала, чему я сама научилась в ходе работы. В журнале «Мария» №2 помещена ее статья о проблемах абортов в СССР под названием «Плачет Рэхиль о детях своих», а в №3 — ее «Письмо о ленинградских дискуссионных клубах «Мария» конца 1980 года».

Елена Шаныгина (писала в журнале под псевдонимом «Елена Дорон») — родилась в Ленинграде в семье геологов в 1957 году (моложе большинства участниц на 10 лет). Лена — моя двоюродная сестра. На моих «проводах» она познакомилась с Таней Беляевой и стала вместе с ней издавать следующие номера журнала, выходявшие в Ленинграде в самиздате. Лена — чрезвычайно талантливая человек, пишет и рисует. В «Мариин» №3 опубликована ее статья «Кто виноват?» (с. 56) и ее «Размышления в день рождения» (с. 112). — в этом тексте говорится уже не только о бытовых и социальных проблемах и неразрешимостях, но и о самом главном — о ее поисках внутренней свободы в тисках мира, который она себе представляла чем-то вроде огромной бездушной машины. В работе в журнале «Мария» она нашла какой-то свет и выход из своего безвыходного положения. Поддержка новых друзей, осознание, что ты делаешь что-то действительно важное, приносили ей радость и воодушевление. Но все это продолжалось недолго...

Алла Сарибан — участвовала в журнале с мая 1980 года. Впервые я с ней познакомилась в конце мая во время одной из конференций клуба «Мария». Алла была по специальности биологом и работала научным сотрудником, кажется, в университете. По происхождению она была из караимов, ее родители погибли во время гонения на крымских татар, она выросла в полужидких семьях (у теток) и чувствовала себя довольно неприкаянной. Ее собственная семейная жизнь тоже не сложилась, но детей у нее не было, она работала по специальности, — и казалась довольно благополучным человеком. Женским движением она очень увлеклась, и писала с удовольствием и о проблемах быта, и на религиозные темы (см. «Мария» №2 и №3).

3. Как распределялись обязанности?

С самого начала было решено, что у альманаха будет три редактора, и все они будут равноправными. Для первого номера каждая из нас написала новую статью и нашла материалы, написанные другими. В тот раз я редактировала только найденные мною материалы, а позже, когда началась работа над журналом «Мария», я стала полноценным литературным редактором, старавшимся довести все тексты до определенного литературного уровня.

После того, как все тексты были написаны и собраны, мы с Мамоновой взаимно обменялись ими и перепечатали на машинке: я напечатала 4 экземпляра, а нанятая ею машинистка — 6, так что в результате вышло 10 штук. Свои экземпляры Мамонова украсила собственными рисунками, мои были без рисунков, но аккуратно переплетены (переплетать я научилась еще в 1977 году для журнала «37»).

После того, как начались преследования, Мамоновой под давлением КГБ пришлось уйти из этого издания, а сам альманах пришлось переименовать в журнал. Имя «Мария» придумала я, написав в «Воззвании» по этому поводу: «В России много женских имен, и женщин в России больше, чем работников КГБ» (подразумевая, что, если запретят и этот журнал, мы назовем наш журнал другим женским именем). Имя «Мария» имело для меня сказочный оттенок: я к тому времени назвала и свою

младшую сестру, и своего сына сказочными именами (Машенька и Ванечка), а впоследствии стала специалистом по сказкам. Для Горичевой же имя «Мария» имело очень четкую религиозную направленность, и именно эта направленность запечатлелась в сознании читателей.

Оставшись с Горичевой вдвоем, мы решили взять Вознесенскую третьим редактором, чтоб нас опять было трое. Обязанности распределялись очень естественным образом: каждый делал то, что умел, к чему лежала душа. Например, Горичева не могла перепечатывать на машинке даже свои собственные тексты, — поэтому вся работа по перепечатке лежала на мне. У Горичевой было неистребимое и неутомимое желание контактировать со всеми, везде и по любому поводу, так что она служила рупором журнала, его ходячей устной пропагандой, чем очень помогала его распространению и играла, как всегда, свою

Елена Шаныгина

роль «культуртрегера». В то время, как я сидела дома и работала с авторами журнала, редактировала их тексты и перепечатывала их, она ходила из церкви в церковь и приставала к незнакомым людям с рассказом о нашей сногшибательной затее — и это у нее выходило лучше, чем литературное творчество. (Мне постоянно приходилось «доводить до ума» и ее тексты, которые то и дело норовили соскользнуть назад в колею привычной для нее «зауми» или религиозной слащавости. Иногда ее контакты с людьми приводили к тому, что ей удавалось взять настоящее интервью для журнала). Выражаясь современным языком, можно сказать, что Горичева занималась в нашем журнале отделом «public relation».

Что касается Вознесенской, то она с большим интересом взялась за создание макета журнала. Концепцию нового журнала обсуждали на равных все мы трое: нам хотелось, чтобы это был не просто сборник, а живое, гибкое издание, с определенными рубриками, так, чтобы материалы последующих номеров могли естественным образом вырастать из аналогичных материалов предыдущих номеров, — так мы хотели обеспечить преемственность и развитие наших идей. (К концу декабря 1979 года макет первого номера «Мариин» был готов. Ложа в больницу, я отдала его Юле на хранение. В январе 1980 года у нее этот макет со всеми собранными нами материалами забрали на обыск, так что первый номер нашего журнала пришлось восстанавливать по памяти и частично создавать заново.)

Как-то раз весной 1980 года Юля вместе со мной поехала брать интервью в Тани Пореш. Но больше всего ее интересовала затея создать клуб «Мария», в котором бы нашлось место и тем женщинам, которые не умеют выражать свои мысли на бумаге. Для первой конференции этого клуба, которая состоялась (на частной квартире) 1-го марта 1980 года, она написала доклад «Домашний концлагерь», опубликованный среди материалов этой конференции в первом номере «Мариин».

Всю конкретную работу по созданию журнала, по собиранию, редактированию и перепечатке текстов вела я. А после Юлиного отъезда за границу (ее выслали 11-го мая) на меня легла еще и обязанность передавать готовые материалы журнала Юле за границу — и это была самая опасная часть работы. Я понимала, что с конспиративной точки зрения было очень глупо одному и тому же человеку исполнять все обязанности сразу, но мне не удалось найти никого, кто мог бы незаметно выполнить эту опасную функцию (когда Соня Соколова попыталась помочь мне в этом деле, ее тут же поймали и обыскали, развед догола: хорошо, что рукопись журнала была не у нее, а у меня).

Когда нас выгоняли за границу, Горичева выполняла всю организационную часть работы по отъезду (поездки в Москву и пр.), а я день и ночь работала с Таней Беляевой и с другими женщинами, которым передавала свой опыт работы над журналом.

4. Каковы были отношения с мужчинами-издателями других самиздатских журналов: «Часы», «37» и т.п.?

Насколько я помню, после того, как мы начали работу

над женскими изданиями, отношений никаких уже не было, настолько мы были заняты этим делом. До этого я была знакома с издателем альманаха «Часы» Борисом Ивановым: он снимал одно время мою комнату, раз или два я приходила в гости к нему и к его жене. Альманах «Часы» я читала, но он не вызвал у меня никаких особенных чувств. С Кривулиным, издателем журнала «37», все было сложнее: Горичева была когда-то его женой и относилась к нему по-приятельски, у меня был с Кривулиным конфликт из-за того, что он не хотел печатать мою повесть, но пообещал мне это сделать, если я буду заниматься переплетом его журналов. Позднее выяснилось, что он отдал втайне приказ машинисткам мою рукопись держать у себя и не перепечатывать. В то же время он месяца за месяцем обманывал меня, говоря, что повесть напечатается в следующем номере, и пр. Когда мне удалось все это вскрыть, разразился скандал, и повесть тут же опубликовали. Следующий скандал разразился, когда я попыталась опубликовать в «37» свою статью о советских песнях: Кривулин кричал, что публиковать такую статью — все равно, что поставить на крыше пулемет и расстреливать прохожих... Статью все же напечатали и потом ее перепечатали московский журнал «Сумма» как одну из самых интересных публикаций, но я уже поняла, что мне в этом журнале делать нечего, и, начиная с первого дня 1979 года, я искала новых, независимых от Кривулина, форм деятельности (музыкальные, литературные вечера, художественные выставки и пр.).

5. Когда и как начались преследования?

Преследования начались чуть ли не 15-го сентября, когда в аэропорту у одной из иностранных подруг Мамоновой нашли и отобрали наш альманах. Начались они с того, что всех нас вызвали в КГБ. Мамоновой, которая пыталась убедить сотрудников этого учреждения, что она делает благородное дело, находящееся в соответствии с такими-то статьями советской конституции, они угрожали отнять у нее ребенка (которому было тогда 4 года), если она не подпишет документ о том, что отказывается от работы в альманахе «Женщина и Россия». Этот документ и был причиной того, что остальные участники альманаха решили это издание назвать по-другому и выпустить его без Мамоновой.

Я не пошла по повестке в это учреждение и переехала на другую квартиру. Всем своим знакомым я говорила, что, если меня повезут туда насильно, я не буду отвечать ни на один вопрос: я не намерена вступать в разговоры с работниками КГБ, которых за людей не считаю, — раз они продали свою совесть, то и говорить с ними не о чем. У меня не было любопытства к этому злу, гебистов я считала выеденными оболочками того, чем они были прежде, до того, как начали работать в КГБ. Это как раз было в октябре, когда я работала сутками в котельной и таскала уголь. Потом, когда я надорвалась и тяжело заболела, меня почему-то не трогали — только заочно грозили отнять ребенка и у меня, но я абсолютно ни в какие контакты с ними не вступала и никаких бумаг не подписывала. Они даже не могли обвинить меня ни в чем, кроме того, что я — «просто дура» (получить такое признание от КГБ я считала для себя почетным). В январе преследования в целом усилились, и казалось, что всех нас вот-вот арестуют: в это время я лежала в больнице, и, может быть, поэтому меня оставили в покое. Настоящие преследования начались в мае и особенно усилились после Юлиного отъезда. Однажды какая-то машина попыталась задавить моего сына, когда он переходил через

дорогу (по всем правилам: зажегся зеленый свет светофора, сын ступил на дорогу — и тут же вынырнула машина и погналась за ним, он едва успел увернуться). На каждом углу, в проходном дворе и в моей парадной стояли люди, которые следили за мной. Едва я выходила на улицу, за мной ехали сразу три машины. Однажды ночью на меня напал эксбиционист, как раз когда я возвращалась с женской конференции. Из дому уже не выйти одной, так что помню, как ко мне приставили какого-то каратиста, из сочувствующих диссидентов, и он проводил меня мимо столпившихся на лестнице «личностей», которые напали на нас и устроили драку. В июне я переехала на новую квартиру. Было ясно, что меня вот-вот посадят, и хотелось оборудовать полученную мною — после десяти лет стояния на очереди — комнату, чтобы оставить ее сыну. Новая комната была на Кировском проспекте, недалеко от Большой Пушкарской, где я тогда жила. Помню, как я иду по Матвеевскому саду: начало июля, все цветет, настроение у меня приподнятое, и я напеваю про себя только что сочиненную на мотив «Butterfly» песню, в которой говорю своему преследователю как бы от лица бабочки: «Нет, не схватишь на цветах, не достанешь в облаках: пусть восторг горит в твоих глазах, мне смерть несет твою рука...» Вечер, косые лучи солнца. Рядом со мной останавливается роскошный лимузин, и из него выходит пожилой господин, каких я в жизни не видела: лощеный, холеный, чуть ли не с лакированной тросточкой. Как из романа о дворянах прошлого века.

— Наталья Львовна? — спрашивает он меня. Я киваю. Он достает из кармана карточку, на которой — только номер телефона.

— Вот по этому телефону вы позвоните сегодня до полудесятого и скажете, что вы согласны выехать за границу. Если вы этого не сделаете, утром вы окажетесь в тюрьме.

— Без Горичевой я не поеду, — ответила я.

— К ней относится то же самое, — ответил этот господин — и уехал.

Было уже полшестого вечера. Где искать Горичеву, я не знала: она, как всегда, была везде и нигде. К счастью, она мне тут же позвонила, приехала ко мне, и по тому самому телефону мы позвонили вместе с нею. Это было 9-го июля. На сборы нам дали одну неделю: хотели выпроводить нас до начала Олимпиады. Но потом какие-то формальности затянулись, и срок продлили до раннего утра 20-го июля. Не спавшие две недели, оплаканые Ксюшей, которая провожала нас в аэропорт на такси, мы вошли в полупустой самолет...

(Думаю, что как раз эта сцена в саду всплыла у меня в памяти, когда я писала в своем романе «Возвращение к Бабе-Яге» сцену встречи героини с Кашеем Бессмертным).

После нашего отъезда преследования не прекратились. Елене Шаныгиной прямо угрожали, что задавят машиной ее маленьких детей (им тогда было 3 года и год). Татьяну Беляеву, которая была тогда беременной, допрашивали по многу часов: однажды она упала и сильно ударила головой — у нее было сотрясение мозга. Натаску Лазареву, которая была художницей журнала, посадили в тюрьму, ненадолго выпустили и посадили снова (материалы об этом — во втором номере «Марии»). В конце концов, к 1982 году, журнал распался: семерых выслали, восьмая была в тюрьме, остальные не смогли удержать журнал. В конечном счете только французским феминисткам мы обязаны тем, что могли продержаться хотя бы один год и не были уничтожены физически с

самого начала, как это произошло со многими диссидентами в то время (для примера хочу привести московскую диссидентку Ирину Каплан, которую вместе с ее родственниками убили в июле 1980 года, подстроив несчастный случай на дороге).

6. Ваша последующая деятельность

На аэродроме в Вене нас встретила Юлия и вместе с нею — несколько французских феминисток, которые снимали это событие на киноплёнку. На нас обрушились журналисты: из-за непрерывных интервью мы не успевали ни поесть, ни поспать. Через 6 дней я уже была в Копенгагене по приглашению датского сахаровского комитета, члены которого увидели меня по австрийскому телевидению и решили пригласить на всемирный Конгресс женщин, проходивший тогда в Копенгагене.

То, что произошло в Копенгагене, было по-своему не менее драматичным, чем проходившее в Ленинграде. Дело в том, что в конгрессе могли принимать участие только члены правительственных женских организаций. Только очутившись в Дании, я поняла, в каком щекотливом положении я оказалась: у Советского Союза уже была на этом конгрессе своя официальная женская организация во главе с космонавтом Терешковой, — и члены этой делегации продолжали распространять официальную ложь о том, как чудесно живет женщинам в СССР.

Я смастерила из простыни плакат, на котором написала по-английски: «МЕНЯ ВЫСЛАЛИ ИЗ СССР, ПОТОМУ ЧТО Я БОРОЛАСЬ ЗА ПРАВА ЖЕНЩИН». С этим плакатом я стояла перед тем зданием, где проходил конгресс — и меня окружала все прибывающая толпа журналистов, которые расспрашивали меня, перебивая друг друга — и всем надо было отвечать по-английски (что было для меня очень трудно). Потом меня повели в большое помещение на пресс-конференцию, похожую на перекрестный допрос: некоторые вопросы были злые и даже коварные. Помню, кто-то спросил:

— Правда ли, что в СССР подавляющее большинство учителей и врачей — женщины?

Я ответила, что правда, и что у нас эти профессии презираемые, так как платят за работу гроши, и условия работы — ужасные. Тут же другая журналистка, явно пытаясь уличить меня во лжи, вмешалась с вопросом:

— Как же это может быть, что с женщинами плохо обращаются в родильных домах, если большинство врачей — женщины?

Может быть, она действительно не могла понять, что женонависничество может распространяться и на самих женщин. А может быть, она пыталась спасти свою мечту о чем-то вроде «добротного социализма»?

После пресс-конференции я вошла в здание, где проходил конгресс, и в администрации попросила пропуск для входа в зал, где проходили заседания. Но мне такой пропуск не дали, а выгнали из этого здания с полицией, — потому что у меня не было статуса члена официальной делегации. Этот момент засняли для телевидения. Очутившись перед входом в это здание, я дождалась выходящую из дверей Лизу Озронг, которая была председателем конгресса, и подошла к ней. Но она пустилась от меня бежать, я — за ней, и, когда она села в машину, я наклонилась к ее окну:

— Можно с Вами поговорить?

Но она отмахнулась от меня, как от мухи, захлопнула окно и уехала. Я обернулась — и увидела журналистку, которая плакала. Я ее спросила — в чем дело, — а она ответила:

— До сих пор я думала, что хотя бы у нас, на Западе, есть демократия!

Вечером того же дня все то, что происходило со мной в здании конгресса, показывалось по телевидению в Дании и в Швеции: произошел скандал, граждане звонили Лизе Озронг и выражали свое возмущение тем, что она

не захотела даже выслушать меня. На утро меня пригласили в то же самое здание, где проходил конгресс, на официальный прием к Лизе Озронг (в газетах была помещена фотография, где мы с ней изображены вместе). По совету членов сахаровского комитета, которые вместе со мной были приглашены на этот прием, я не просто говорила о тяжелом положении женщин в СССР, а выде-

лила три темы: позорное положение в роддомах, бесчисленные аборт, вызываемые отсутствием противозачаточных средств, и тяжелый физический труд, навальный на женские плечи в нашей стране. Я просила Лизу использовать свое личное влияние для того, чтобы облегчить положение женщин в Советском Союзе. Не знаю, повлияло ли это на дальнейший ход событий — но уже через полгода в СССР был принят закон, хотя бы на бумаге ограничивающий тяжелый физический труд для женщин.

Весной 1981 года я была приглашена в Wellesley College на международную конференцию «Women, Literature & Future». Я написала для этой конференции статью о женском творчестве «Terra incognita», которая была воспринята с восторгом и в 1982 году опубликована в США в журнале «Trivium» №2. Но на самой конференции я, под влиянием злободневных событий, прочла другой доклад, в котором призывала членов конференции поддержать оставшихся в СССР

участниц нашего журнала и спасти их от преследований (вскоре после этого Таню Беляеву и Лену Шаныгину выпустили из страны). Тема женского творчества — имеет ли женщина право быть творцом, если среди женщин — по утверждению мужчин — «не было Моцартов» — эта тема была острой для меня, особенно в то время, и я проводила среди моих знакомых женщин в разных странах анкету на эту тему. Казалось, что я смогу опубликовать результаты этой анкеты в «Марии» — но дела с выпуском «Марии» обстояли все хуже. Третий номер журнала мы, авторы и издатели, выпустили на собственные деньги (кто-то не доедал, одна из нас пошла работать уборщицей...) Летом 1982 года на меня обрушилась тяжелая болезнь, и я уже нигде не могла работать. Вышедший в этом году номер «Марии» оказался последним.

Моя последующая деятельность определялась тем потрясающим впечатлением, которое произвела на меня книга Хайде Геттнер-Абендрот «Богиня и ее герос». Теперь мне вдруг стало ясным многое, что я до тех пор видела «как бы сквозь тусклое стекло». Я обнаружила, что та самая богиня, о которой пишет Абендрот, на самом деле существует в русских сказках. Это — Баба-Яга, и сложности ее характера и его несовместимых черт объясняются тем самым «единством в трех лицах», о котором пишет Абендрот. Благодаря этому открытию я смогла воссоздать систему ценностей и мировоззрение иной, допатриархальной поры, просвечивающее в русских сказках и отразившееся в русской литературе. В 1986 году я написала об этом книгу «Апология Бабы-Яги», в 1993 году — роман «Возвращение к Бабе-Яге», а в 1995 году защитила диссертацию на тему «Наследие Бабы-Яги» в университете Зальцбурга, где я преподавала в течение трех лет (вела семинары по теме диссертации). С докладами на эту тему и с чтениями из моего романа я выступала в разных городах России, Австралии и Германии. Недавно я закончила работу над пьесой «Легенда о Кашее Бессмертном» и значительно переработала свой роман, второе издание которого я сейчас готовлю к печати. К той же теме я обращаюсь и в своих картинах, выставки которых проводились и проводятся в Зальцбурге.

Зальцбург

* Первая часть этой книги была опубликована в 1994 году в журнале «Преображение» и получила премию «за лучшее выражение феминистических идей».

** Роман был опубликован в С.-Петербурге в 1993 году.

Журнал в журнале: ПСКОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

Приглашенный редактор — Наталья Васильева

Уважаемые читательницы и читатели!

Вас приветствуют женщины из древнего Пскова, красивейшего уголка нашей России, уголка где зарождалась сама Россия, где живут беспокойные женщины, желающие изменить свою жизнь и жизнь всех людей к лучшему. Общая нестабильность, социально-экономическое положение в стране не могли не сказаться и на нашем положении. Только один аспект: демографическое положение, которое уже в 1992 году обозначено как кризисное. Только в г. Пскове в 1994 году было 2500 жителей, в 1999 году — 2007. Резко возрастает смертность, особенно на селе. Рождаемость невысока. Остановка промышленности, спад сельского хозяйства, безработица, финансовая несостоятельность семей (невыплата заработной платы, детских пособий) безысходность, растерянность людей — это наша реальность.

В нашем регионе вот уже несколько лет работает независимый социальный женский Центр, как независимое общественное объединение, который дает возможность видеть реальную картину в области и показывать реальные формы работы с населением, органами власти, бизнесменами. Мы думаем о том, как помочь друг другу, как помочь нашим близким и тем, кто вокруг нас.

Наталья Васильева

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ Независимого социального женского центра Псковской области.

1993 год

Предшественником создания НСЖЦ послужила идея объединения инициативных женщин города Пскова в 1993 году по созданию в г. Пскове «Школы женского совершенства», на базе Учебно-производственного центра «Псков», которая в 1994 году переросла в «Центр социальной поддержки женщин». Это были первоначальные структуры Центра.

Созданная Школа женского совершенства, работала в рамках социальной программы при Исполнительной структуре власти области. Ставилась задача, с помощью органов решать проблемы женщин, оказывать им помощь.

Будущий руководитель НСЖЦ — одна из инициативных женщин, Васильева Наталья Васильевна, работала в то время председателем Комитета по вопросам семьи, материнства и детства Администрации области, поднимала и решала проблемы детей и семьи, а также и женские проблемы, решение которых и было возложено на «Школу женского совершенства».

Создание этой «Школы» было вызвано тем, что любая женщина хочет быть не только красивой, привлекательной, обаятельной, но и культурной, коммуникабельной,

уверенной в себе, своих поступках. Деятельность «Школы» предполагала комплексное обучение, направленное на создание гармоничного образа женщины. В соответствии с этой задачей была создана структура деятельности школы, которая включала четыре основные программы:

1. Программа «Внешнее обаяние». Ее цель помочь женщине создать собственный стиль, заявить о себе, как о неповторимой, обаятельной и привлекательной.

2. Программа «Академия совершенства». Женщинам предоставлялся блок информации, который захватывал различные аспекты жизни, дающие возможность раскрыться женщине, выявить ее способности и реализовать себя.

3. Программа «Женщина в семье». Эта программа рассматривала два важных аспекта: женщина и супруг, женщина и дети.

4. Программа «Деловая женщина». Программа давала возможность психологической поддержки женщины, помогала выработать у нее умения и навыки, необходимые в деловом общении.

Несмотря на то, что Школа не так давно была организована, в ней уже работали высококвалифицированные специалисты — врачи, педагоги, психологи, экономисты.

Что касается финансирования «Школы женского совершенства», то оно осуществлялось Комитетом по вопросам семьи, материнства и детства Администрации области и Учебно-предпринимательским центром «Псков». Предполагалась и самоокупаемость ее деятельности.

В 1994 г. еще хуже становится экономическая ситуация в области. Еще больше ухудшается положение женщины, ее вклад в развитии общества недооценивается, значи-

мость проблем принижается. В связи с этим, вопросы совершенствования женщины отходят на второй план. «Школа женского совершенства» переходит в другое состояние, а именно, в «Центр социальной поддержки женщин».

Но на государственном уровне решение проблем проходило медленно. В связи с этим, была поставлена задача, обратить внимание на возможности третьего сектора, т.е. неправительственных общественных организаций, как более активную, более подвижную структуру. Шла работа по привлечению большего количества женщин, женщин-лидеров, представителей неправительственных общественных организаций, просто населения.

В это время женщинами области Васильева Наталья Васильевна выдвигается кандидатом в областное Собрание депутатов Псковской области. Побеждает на выборах и избирается Председателем комитета по социальной политике областного Собрания депутатов. Работа по решению социальных проблем уже идет на законодательном уровне. Ею пишутся законы, нормативные акты, защищающие население области в тех сложных социально-экономических условиях, в которых находится область. Ею были написаны и Собранием приняты Законы: «О правах ребенка» (первый в России после Татарстана), «О

социальной поддержке отдельных категорий населения», касающийся беременных, кормящих матерей, молодой студенческой семьи. В бюджет области были включены многие социальные программы, такие как: «Семейная политика», «Дети Псковщины», «Подросток» (по профилактике правонарушений), «Планирование семьи», «Детский, семейный отдых» и многие другие, а также различные нормативные акты, защищающие население области. Много внимания уделялось проблеме женщин и ее семьи. Наталья Васильевна работала над программой «Женщины Псковщины».

Толчком для создания НСЖЦ послужила учеба Васильевой Н.В. в Америке в октябре 1994 года по приглашению правительства США, по программе Агентства по международному развитию США по теме «Управление женскими неправительственными организациями». Опыт, полученный во время учебы, оказал большую помощь в создании Центра как неправительственной организации. Независимый социальный женский центр Псковской области стал продолжением начатой работы, но уже как общественное объединение (ОО НСЖЦ) и явился негосударственной, некоммерческой общественной организацией, в апреле 1995 г. получившей статус — региональный.

Цель Центра:

— влиять на изменение положения женщин в области, повышение статуса женщин в обществе, защитить их права.

Эта цель достигается нами через: расширение и укрепление сети женских организаций, всего женского движения; проведение исследований по изучению положения женщин; международное сотрудничество, включая содействие и участие в образовательных программах; проведение семинаров, конференций, круглых столов, дискуссий, консультаций, благотворительных акций; через издательскую деятельность — выпуск информационных бюллетеней, вестников, листовок, газет; подготовку теле-радиопередач, статей в газетах; оказание конкретной практической помощи женщинам.

Работу в центре осуществляют 7 человек, которые являются руководителями разных направлений деятельности Центра. На телефоне доверия работает 8 человек. Дополнительно работают в Центре еще 25 женщин, а во время подготовки больших мероприятий их число доходит до 60 человек. Каждая женщина имеет право начать свою деятельность в Центре. Все услуги, которые оказывают женщины Центра для населения, бесплатны.

Работа в Центре ведется на добровольных началах. Финансирование Центра осуществляется за счет членских взносов и спонсорских средств.

Представляем Вам основные направления работы Центра, по которым защищены программы на Исполнительном Совете.

Исследования в области положения женщин.

Определить направления работы Центра нам помогли исследования, и на основе их анализа началась работа. Мы изучили положение женщин, ее семьи. Проводили работу с населением, изучали статистические данные.

Жительницы нашего города активно участвовали во всех исследованиях проводимых нашим Центром.

Мы провели 5 исследований:

СЕМЬЯ НА РАСПУТЬЕ, БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ (влияние реформ на сельскую семью). Вся работа проведена с помощью Института социально-экономических проблем народонаселения Российской Академии Наук в 1996 году;

ПСКОВСКАЯ ЖЕНЩИНА НА РЫНКЕ ТРУДА (по проблемам женской безработицы) исследования прошли с помощью НИИ семьи г. Москвы и его результаты опубликованы в книге «Семья и семейная политика в Псковской области»;

ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ, решением ее занималась Кризисная служба нашего Центра, анкета была подготовлена Ассоциацией кризисных служб для женщин.

Последнее исследование — обобщающая анкета «Псковитянка», подготовленная НИИ семьи г. Москвы и нашим Центром.

Все это помогло собрать большой аналитический материал для подготовки к изданию книги «Псковитянка». Материал в настоящее время обрабатывается и планируется выйти в свет в 2000 году в виде книги, которая рас-

скажет о положении женщин в области, их делах и тех ситуациях, с которыми они сталкиваются в настоящее время, а также о роли власти, взаимодействии ее с III сектором и путях принятия конкретных решений по изменению положения женщин в лучшую сторону.

Информационная работа.

Для более результативной и четкой информационной работы был создан Пресс-центр.

Основная задача — повышение информированности населения, прежде всего женщин, через вестники, бюллетени, газету и СМИ.

В наших изданиях рассказывается о работе Центра, о реализации различных женских инициатив, о женских организациях и женщинах-лидерах области, России; дается информация о правовых международных и Российских документах.

На настоящий момент выпущено 9 вестников, 17 бюллетеней, 7 номеров газеты «Псковитянка», 25 листовок различного содержания.

Периодически выходят радиопередачи на областном и городском радио, телепередачи, ежемесячно на страницах местных газет дается информация о деятельности Центра.

В Центре имеется библиотека, аудио-, видеотека, рассказывающие о женском движении, женских организациях, о женских инициативах и делах. В библиотеке имеются все материалы, проводимых Центром мероприятий (круглые столы, семинары, конференции), различные журналы для женщин, о женщинах, уникальные издания женщин-лидеров женского движения; представлена литература, рассказывающая об источниках финансирования для некоммерческих организаций, о том, как написать и подать заявку на грант и т.д.

С помощью видеоаппаратуры (телевизор и видеоманитон), мы имеем возможность осуществлять показ видеороликов, подготовленных нашим Центром, предоставленных различными женскими организациями, центрами для женщин других регионов России.

В центре

Образовательная работа.

Работа по образовательной программе велась с момента создания Центра. Это и проведение круглого стола «Защита прав женщин. Проблема насилия» — апрель 1996 г., и семинар — «Проблемы и права женщин: труд, семья, реформы», организованный и проведенный совместно с Информационным Центром Независимого Женского Форума (ИЦ НЖФ) (г. Москва) в п. Пушкинские Горы, 6–9 июня 1996 г.; и встреча с бывшими пионерскими вожатыми по вопросам организации детского свободного времени — июль 1996 г.

В октябре 1996 году НСЖЦ, совместно с ИЦ НЖФ (г. Москва) и четырьмя регионами России был защищен проект в фонде Форда. Это помогло систематизировать и расширить работу по информационно-образовательной программе. В рамках программы создана база данных о женском движении в области, России, СНГ, за рубежом, а так же о женщинах-лидерах. Это дает возможность иметь и передавать интересный опыт работы. Сотрудниками Центра были собраны данные, о женских организациях. Все они введены в базу данных «Женсет», представленную нам Женской информационной сетью (г. Москва, Тройнова Т.Г.), а также, совместно с управлением юстиции области, был проведен анализ зарегистрированных общественных объединений, движений и составлен список, с указанием названия, даты регистрации и адреса организации и проведено знакомство с родом их деятельности.

Одним из направлений нашей работы было создание сети женских организаций, женщин-лидеров с целью предоставления им новых информационных возможностей, обучение представителей женских организаций, женщин-лидеров, тому, как создать организацию, как строить взаимоотношения внутри организации, как найти пути взаимодействия, как влиять на процессы происходящие вокруг, как реализовать себя. Этому способствовала образовательная работа, проводимая через семинары и информационную работу Пресс-службы.

В течение 1997 года было проведено 11 семинаров и конференция женщин области, в которых приняло участие 235 женщин.

Общей целью семинаров было — дать информацию женщинам области, районным, городским женским организациям о различных женских инициативах в области, в России, за рубежом, ознакомить с правовыми документами, принятыми на областном, российском, международном уровне, предоставить новые информационные возможности, определить пути возможного взаимодействия.

Проводя семинары в районах и городах, области, мы практически разбирали такие вопросы как, права женщин и их защита, проигрывали ситуации, обсуждали проблемы, находили пути решения, направляли свои предложения в органы власти.

Каждый семинар состоял из двух частей: информационная и практическая. На практической части семинара женщины разрабатывали проекты программ по проблемам, которые наиболее остро стоят у них в районе.

18–20 сентября 1997 года была проведена итоговая конференция женщин области, которая подвела итог основной теме всех семинаров «Обретение силы через взаимодействие». На конференции была организована работа пяти секций, на которых были поставлены проблемы, как показали предшествующие семинары, ставшие наиболее актуальными в нашей области:

- информационное обеспечение и связь со средствами массовой информации;
- женщина и безработица;
- женщина и насилие;
- безответственное родительство;
- внутриорганизационные отношения.

В 1998-м году мы провели два семинара: по организационному устройству общественных организаций: в октябре месяце — по вопросу взаимодействия общественной организации с органами местного самоуправления (муниципальное учреждение №6 г. Пскова); в декабре — рассматривался вопрос о результативности ожидаемых коммунальных реформ и влияния их на жителей микро-

района. Проводится цикл практических занятий, тренингов по проблемам прав человека. Рассматриваемые вопросы на наших семинарах отражают результаты нашей работы с женщинами на предыдущих конференциях.

В подготовке и проведении семинаров и конференций, круглых столов принимали участие лидеры общественных некоммерческих организаций из других регионов России: г. Москва: ИЦ НЖФ, Женская Информационная сеть, Ассоциация «Женщина и конверсия»; Московский кризисный психологический центр для женщин «АННА»; г. Санкт-Петербург: Кризисный психологический центр для женщин, центр, оказания помощи подвергшимся насилию «Александра»; гуманитарный политологический центр «Стратегия»; г. Петрозаводск: Карельский центр гендерных исследований; которые выступали как эксперты, консультанты, лекторы.

По вопросам работы центра, при подготовке семинаров, конференции мы искали взаимодействие с местными органами власти — информировали их, используя средства связи; сообщали о сроках, месте их проведения и содержании, заранее знакомя с конкретной программой. Такие сообщения и информация посылались главе Администрации области, главам 24 районов, и городов области; председателю законодательного собрания области, руководителям областных служб: УВД, Управления социальной защиты, Департамента областной службы занятости, областной Комитет по статистике. К сожалению, органы власти не видят важность решаемых нами проблем, хотя, по высказываниям на семинарах и конференции, считают наш Центр значимой организацией в решении общих проблем области.

В результате проведения работы по вышеуказанным направлениям деятельности, а также по проблемам, которые были определены женщинами области в целом, для их решения были созданы важные службы:

Кризисная служба. (11 июля 1999 года ей исполнилось 2 года)

С момента образования Независимого социального женского центра, с апреля 1995 года, велась консультация психолога.

В 1996 г. Кризисной Службой, совместно с Российской Ассоциацией кризисных психологических центров для женщин было проведено исследование по проблемам насилия. В результате которого, мы смогли узнать мнение женщин и мужчин о проблемах насилия в нашем обществе.

По результатам этой работы были организованы и проведен круглый стол «Защита прав женщин. Проблема насилия», на котором были обозначены вопросы насилия в отношении женщин. В работе круглого стола принимали участие представители областных служб и ведомств, органов власти, внутренних дел. По итогам круглого стола был подготовлен и показан по местному ТВ получасовой фильм под рубрикой «Кривое зеркало», с ним можно ознакомиться в Центре.

Постепенно стало возможным сделать следующий шаг, который помог перейти к еще одному направлению в оказании практической помощи тем, кто так долго был один на один со своим горем. Весной 1997 г. сотрудниками Центра, совместно со специалистами Санкт-Петербургского кризисного психологического центра для женщин и Московского кризисного психологического центра для женщин «АННА» была организована и проведена учеба по подготовке специалистов для работы на «Телефоне доверия для женщин».

11 июля 1997 г. в г. Пскове начал работу «Телефон доверия для женщин».

В настоящее время Кризисная служба работает по следующим направлениям: «Телефон доверия для женщин», очные психологические консультации; информационно-образовательная работа.

За год работы Кризисной службы в неё обратилось 694 женщины. Из них 597 обращений поступило на Те-

лефон доверия для женщин. В нашей 830 тысячной, по количеству населения, области это единственная служба и Телефон доверия, куда могут обратиться женщины, оказавшиеся в кризисной ситуации и пострадавшие от различных форм насилия. В условиях современной жизни для многих из них это единственная, а иногда и последняя возможность изменить к лучшему свою жизнь.

Из общего количества обращений в службу, обращения по случаю или попытке совершения насилия составляют 33%. 90% из них связаны с проблемой домашнего насилия.

В 21% случаев насилие в семье происходило в прошлом, в 79% случаев происходит в настоящем. Случаи домашнего насилия, зарегистрированные в службе, происходили либо неоднократно в 43%, либо постоянно — 57%. В 7% случаев совершалось сексуальное насилие, в 46% — физическое, в 50% — вербальное (оскорбления), 82% — эмоциональное (психологическое), 36% — экономическое. Совокупность указанных выше видов насилия превышает 100%, т.к. в случаях насилия женщина подвергается нескольким видам насилия одновременно.

В 93% случаев насилие совершают мужчины, в 7% — женщины.

Только в 12% случаев по факту домашнего насилия женщины обращались в милицию. Из данных обращений в правоохранительные органы в 80% случаев меры в защиту женщины работниками милиции не были приняты. В связи с этим, в 20% случаев женщины забирали поданные ранее заявления. Только в 5% случаях женщины проходили судебно-медицинскую экспертизу. В прокуратуру из обратившихся в Кризисную службу Центра женщин, по случаям домашнего насилия, не обратился никто.

Из общего количества обращений в кризисных ситуациях 10% занимают обращения по случаю или попытке совершения насилия в обществе: психологического — в 83% случаев, физического — в 42%, изнасилование — в 42% случаев, экономического — в 17%, сексуальные домогательства — в 8%.

Из материалов исследований, проводимых Кризисной службой, в последние 5 лет 19% опрошиваемых были жертвами хулиганства, 2% — жертвами истязаний; 8,5% подвергались побоям; 10,6% — были нанесены телесные повреждения; 8,5% — подвергались угрозам убийства; 2% — попыткам убийства; 23,4% — кражам; 8,5% — вымогательствам; 8,5% — сексуальным принуждениям на работе.

За последние 5 лет, близкие и знакомые опрошиваемых в 38,3% случаях были жертвами хулиганства; 4% — жертвами истязаний; 25,5% — подверглись побоям; 25,5% — были нанесены телесные повреждения; 17,2% — угрожал убийством; 6,4% — подвергались попыткам убийства; 42,6% — кражам; 17% — вымогательствам; 2% — разбоям и грабежам; 4% — изнасилованиям; 12,8% — сексуальным принуждениям на работе.

Получаемые Кризисной службой Центра статистические данные, еще раз подтверждают существование проблемы насилия, навыков насильственного поведения в семье, в обществе; показывают всю остроту необходимости, важность решения этой проблемы.

При обращении женщин в кризисных ситуациях, прежде всего сотрудники Кризисной службы работают с чувством вины, самообвинения женщины. Ведь часто женщину обвиняет общество — гласно или негласно, друзья и родственники, врачи и т.д. В результате женщина начинает обвинять себя. Мы же говорим о том, что в отношении неё совершено или совершается преступление.

Мы работаем с понятием власть и контроль, которые главенствуют в данных ситуациях, когда совершается насилие. Мы работаем с самооценкой женщины. Разясняем, куда необходимо обратиться и что нужно делать.

Специалистами Телефона доверия помимо психологической консультации по телефону, женщинам предлагается информация о социальных, медицинских, правоохранительных и других службах города и области, а также по возможности необходимые сведения о специалистах, работающих в данных службах (создана база данных).

Опыт работы Кризисной службы показывает, что большое значение для решения вопросов защиты прав женщин имеет информационно-образовательная работа с населением. Так в марте 1998 г. — специалистами Кризисной службы в рамках Национальной кампании «Насилию в семье — нет оправданий!», при содействии Ассоциации кризисных центров для женщин, Санкт-Петербургского кризисного психологического центра для женщин, в г. Пскове были организованы и проведены:

— образовательный семинар для представительниц женских общественных организаций города и области, на котором были рассмотрены вопросы, касающиеся проблемы домашнего насилия; аспекты проведения образовательной работы с различными группами населения — государственными структурами (органами власти, правоохранительными органами и др.), учебными заведениями, бизнес организациями.

— круглый стол на тему «Домашнее насилие как нарушение прав человека». В его работе приняли участие представители местных органов власти, правоохранительных органов, бизнес структур, общественности.

В ходе круглого стола была достигнута договоренность о сотрудничестве специалистов Кризисной службы НСЖЦ с сотрудниками правоохранительных органов, в частности, о возможности проведения цикла лекций по проблеме насилия, совершаемого в отношении женщин, для учащихся городской специализированной средней школы милиции МВД России. Мы считаем, что в данном взаимодействии мы могли бы оказать качественную помощь в решении проблемы насилия в нашем обществе.

В мае 1998 г. специалисты Центра приняли участие в межотраслевой научно-практической конференции «Психолого-педагогические основы профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов: проблемы теории и практики», проводимой городской специализированной средней школой милиции МВД России, на которой выступили руководители НСЖЦ — Васильева Н.В. и руководители Кризисной службы НСЖЦ — Яблочкина Е.А.

Сотрудницами службы проводятся встречи для работников детских учебных заведений, представителей государственных структур, занимающихся решением проблем женщин и детей.

В феврале-апреле 1998 г. сотрудниками Кризисной службы совместно с Псковским областным центром «Планирования семьи и репродукции» были организованы и проведены лекции на тему «Предотвращение насилия в отношении женщин» для учащихся средних и высших учебных заведений г. Пскова. В занятиях участвовали как девочки, так и мальчики. В ходе лекций мы говорили о видах насилия, о причинах его возникновения; о мифах, существующих по данной теме; давали информацию о законах, действующих в России, международных документах, ратифицированных Россией, помогающих женщине защищать свои права; говорили о ненасильственных навыках общения.

Информационная работа сотрудниками центра также осуществляется через тесную связь как с Пресс-службой НСЖЦ (через бюллетени, вестники, газету, выпускаемые центром. Они распространяются по сформированной женской информационной сети и просто среди жителей города и области), так и через сотрудничество со средствами массовой информации: радио, печать, телевидение.

В июле-августе 1999 года Кризисной службой Центра,

У «псковитянок» растет пополнение

совместно с представительницами Международной Ассоциации самозащиты женщин, для женщин города Пскова и области были организованы и проведены обучающие занятия по самозащите. Благодаря этим занятиям была определена группа сотрудниц, которая после дальнейшей специальной подготовки сможет проводить занятия по самозащите для псковских женщин.

Кризисная служба Центра создала проект, который поможет открыть приют для женщин с детьми, подвергшимся домашнему насилию. Приют предназначен для оказания помощи женщинам, пострадавшим и страдающим от домашнего насилия, находящимся в кризисной ситуации. Он предназначен оказывать социальную, психологическую, юридическую помощь женщине и ребенку.

Кризисная служба тесно взаимодействует с Правозащитной службой Центра. Совместно с ней мы защищаем права женщин и помогаем ей самой защищать себя.

Правозащитная служба.

Правозащитная служба Центра была создана 12 августа 1997 года. До этого времени в Центре велись юридические консультации, но жизнь заставила нас глубже взглянуть на эту проблему. Анализ обращений женщин к нам в Центр говорит о повсеместном нарушении ее прав.

Содержанием работы данной службы стало кроме проведения юридических консультаций и помощи в составлении юридических документов, проведение обучающих семинаров для женщин, оценка законопроектов, принимаемых на государственном и на областном уровне, проведение экспертизы законопроектов.

Проведение консультаций, тренингов по защите прав женщин; законотворческая работа; оказание практической помощи, обратившимся в службу женщинам — основные виды деятельности службы. Ведутся бесплатные юридические консультации. За год было проконсультировано около 300 женщин.

Мы защищаем права женщины и помогаем ей самой защищать себя. Нами был проведен круглый стол по защите прав женщин на труд и свободный выбор профессии; круглый стол по проблеме насилия, защиты прав женщин на безопасность, свободу от насилия, права женщины в семье.

Имеет место и конкретная помощь женщинам в правовых вопросах.

Были участниками Акции по защите прав человека и проводили их сами. Мы прекрасно понимаем, что этого далеко не достаточно и только отдельными мероприятиями права женщин не защитим. Поэтому с октября месяца мы начинаем курс занятий по обучению женщин вопросам права и путей их защиты. Мы готовы проводить подобные занятия для всех категорий населения. Считаем, что необходима целостная образовательная система, начиная от образования детей до взрослого населения. Каждый обязан знать свои права и уметь их защищать. В ближайшее время готовится семинар по защите прав женщин, участие в котором примут женщины города Пскова и всей Псковской области.

Пресс-служба. Выпуск газеты «Псковитянка», которая в настоящее время зарегистрирована.

Работает Социально-экономическая программа, цель которой — создать группу малых предприятий для занятости безработных женщин и материальной поддержки их и их семей.

Салон «Псковский стиль», Швейное производство, Надомный труд (шитье, вязание, вышивание, бисероплетение, детская деревянная и мягкая игрушка, роспись). Нами создано 30 рабочих мест.

Развитие туризма. Задача — показать красоту края и привить любовь к нему.

«Домашний очаг» — выполнение услуг по требованию клиента.

По программе Сельская женщина — создаем мини-ферму и производство по льну.

С марта 1999 года работает программа «Женщина и политика» — объединение усилий независимых, активно работающих общественных женских организаций для выражения политической воли и защиты интересов большей половины населения области в органах власти всех уровней.

У нас пока нет средств, но мы верим, что и в финансовом плане мы станем также НЕЗАВИСИМЫМИ.

Школа здоровья для женщин.

Школа здоровья для женщин начала свою работу в Центре с марта 1998 года. Учитывая финансовый недостаток семей и невозможность приобрести порой простые лекарственные препараты, мы поставили задачу — обучить женщин самих с помощью восточных, нетрадиционных методов медицины регулировать свое здоровье. Обучение в школе ведут врачи — специалисты по следующим направлениям: цигун-терапия, су-джок, биолокация, основы массажа, основы косметологии, астрология здоровья.

Тренинг по самообороне

Ведутся занятия по лечебной гимнастике, проводится лечебный массаж. В перспективе планируется открыть обучающие курсы по этим направлениям с выдачей сертификата, и организовать ЛЕЧЕБНУЮ ГИМНАСТИКУ ДЛЯ ДЕТЕЙ.

Работают программы:

«Сельская женщина» и «Старшее поколение».

По инициативе женщины старшего возраста осуществляется эта программа, которая ставит своей задачей объединять женщин старшего возраста для преодоления вместе сложных условий жизни, их одиночества. Ими организуются встречи, клубные дни, благотворительные акции, кружки, секции. Женщинами старшего поколения была инициирована благотворительная акция «Помоги ближнему». К 1 сентября планируется проведение акции по оказанию помощи детям из малоимущих семей в подготовке к школе (подарки к первому сентября).

Благотворительная деятельность.

Центром проводились и проводятся акции «Помоги ближнему», «Поможем детям», «Домашнему насилию — нет оправданий», «Матери России за спасение детей».

Оказана благотворительная помощь семьям 6 районов области, детям Островского, Порховского районов и Социальному приюту г. Пскова, постоянно проводятся акции местного, адресного значения.

В рамках благотворительной акции «Помоги ближнему» была оказана вещевая помощь: женщинам г. Великие Луки и Великолуцкого района на сумму 1 миллион рублей в старом исчислении, детям Островского района и г. Острова к новому 1997–1998 году в виде учебно-письменных принадлежностей. Благотворительная поддержка была оказана семьям и детям д. Подсевы Порховского района. Благотворительная акция действует постоянно.

Все услуги центра оказываются бесплатно.

Мы всегда рады новым встречам, новым знакомствам и новым друзьям. Ищем сотрудничества со всеми и надеемся на успех. Мы знаем, что все зависит только от нас самих.

Нашим Центром постоянно накапливается и анализируется информация о положении женщин в Псковской области и мы хотели бы представить Вам некоторые цифры за последнее время.

По данным Кризисной службы, которая работает при Женском Центре уже 2 года, положение женщин в 1998 году ухудшилось в 2 раза по сравнению с 1997 г.

и вызвано это в большей части августовским экономическим кризисом. Из всех обращений в службу 33% по проблеме домашнего насилия. В связи с ухудшением социально-экономического положения многих семей вскрываются и обостряются другие проблемы, что, зачастую, и приводит к возникновению насилия во многих семьях — это очень важная социальная проблема, которую нужно решать. Каждый 5 звонок в службу или обращение — это просьба о помощи в выживании детских пособий, пособий по безработице, трудоустройстве женщин.

Елена Гоцило (сзади) в гостях у псковитянок

На примере г. Пскова представим данные по социально-экономическому положению на сегодняшний день:

Сегодня в бюджете отсутствуют средства, предназначенные на развитие города. Город не может себе позволить финансирование хотя бы одной экономической программы. 60% жителей города живут ниже прожиточного минимума. В достижения администрации и мэра ставится то, что практически закончилась выплата городских средств по детским пособиям, работающим гражданам за январь-апрель 1997 года. С мая 1997 года выплачивать пособие начнет областной бюджет. Доля средств направленных на выплату заработной платы увеличилась по сравнению с 1998 г. на 9,8%. Удельный вес затрат на возможные расходы по обеспечению малоимущих граждан продуктами питания и товарами по сниженным ценам уменьшился с 2,7% — 1997 г., до 0,6% — 1998 г.

Объем промышленного производства уменьшился по сравнению с январем-мартом 1998 года на 7%, хотя по некоторым отраслям наблюдаются незначительные улучшения.

Задолженность по выдаче средств на заработную плату уменьшилась за три месяца на 6,5% млн. рублей (12%) и составила на 1 апреля 1999 года 47,9 млн. рублей. Из-за отсутствия бюджетного финансирования организациям не выплачено 15,9 млн. руб., за три месяца задолженность снизилась на 5,3 млн. руб. (на промышленные предприятия 35% задолженности по заработной плате, ЖКХ — 29%, образование — 14%).

К концу марта официально зарегистрировано в органах службы занятости в качестве безработных 4506 человек. Средняя продолжительность безработицы составила 6,5 месяца. В числе безработных 60% составляют женщины, 29% — молодежь в возрасте 16–29 лет. Нагрузка незанятого населения на одну вакансию на конец марта составила 17 человек.

В январе-феврале 1999 года наблюдалось уменьшение численности населения города за счет увеличения естественной убыли на 42% и увеличения миграционного оттока населения на 15%. Снижение рождаемости на 2%, увеличение смертности на 15%. В это время заключено 160 браков (1998 г. — 172) и 123 развода зарегистрировано (1998 г. — 162).

Председатель Исполнительного Совета Центра Васильева Наталья Васильевна.

РАЗМЫШЛЯЯ О НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ

Мы все время говорим о проблемах города, о том, что волнует горожан, на что нам жить, где работать, а как же быть с селом? Что делать сельским жителям? Не пришло ли сейчас время вернуться нам к их проблемам и вспомнить о том, что их тоже много и не меньше, чем у жителей города. Социально-экономическое положение

ухудшается не только в городе, оно коснулось и нашего села. Вы только представьте, что происходит в наших селах и деревнях. У них все эти проблемы удваиваются и утраиваются. Если раньше говорили и считали, что на селе все есть, только нужно жизнь наполнить культурной программой, то теперь же наши односельчане думают о том, как прокормить свою семью, где найти работу в деревне. Соответственно встает вопрос — зачем так жить, ведь все мы люди и все мы хотим жить хорошо, хотим изменить жизнь к лучшему, достичь успеха. Поэтому-то и уходят все из наших деревень и становятся они пустыми и одинокими, как те старики, которые остаются в них. Что делать? Как изменить ситуацию, чтобы люди оставались. Наверное, на сегодняшний день это риторический вопрос. Но отвечать на него нужно и решать его необходимо. Не одна власть теперь не сможет удержать людей, которые стремятся улучшить свою жизнь, как это делалось во времена не столь далекие. Вот мы и попытались нашим Центром решить этот вопрос. Кому же, как не нам, женщинам, не знать и не понимать проблемы наши, наших семей и детей. Ведь мы женщины сильнее и мы в первую очередь стремимся все улучшить. На протяжении всего года мы провели 11 семинаров, на которых поднимали различные вопросы и проблемы и попытались их разрешить. Семинары состоялись в различных районах Псковской области: Псковском, Порховском, Великолуцком, Печорском, Островском и др. Женщины поднимали и обдумывали сложные вопросы, просчитывали возможные шаги выхода из ситуации. На семинарах очень часто поднимались и повторялись одни и те же проблемы: безответственное родительство, которое вызвано и объяснимо социальными причинами, высоким ростом неблагополучных семей. Безработицей на селе, пьянством как среди мужчин, так и женщин, закрытием школ, детских дошкольных учреждений, библиотек, высок процент заболеваемости детей дебилизмом; женщина и безработица, которая объясняется низким уровнем семей связанного с отсутствием рабочих мест на селе и невозможностью использовать другие возможности, связанные с созданием рабочих мест для себя, женским пьянством от безысходности; насилие как дома, так и в обществе; поднимались вопросы и о том, как выжить в условиях экономического кризиса, как поднять статус здоровой и благополучной семьи. В процессе работы было разработано свыше 40 программ, по выходу из рассматриваемых ситуаций. Итогом всей этой большой работы стало участие в конференции, которая прошла под девизом — «Обретение силы через взаимодействие». Главная цель, которая стояла перед ее участниками — это найти пути сотрудничества в решении волнующих всех нас вопросов и объединиться, чтобы все преодолеть и решить. На конференцию съехались представители из разных районов Псковской области и других городов нашей страны: Петрозаводска, Москвы, Санкт-Петербурга и даже далекой Швеции, которой как оказалось не безразличны наши проблемы.

Здесь же мы встретились и познакомимся с очень интересными женщинами, судьбы которых сложны и не похожи по-своему. Вот как они сами о себе говорят:

Иванова Ольга Михайловна — Порховский р-он д. Подсевы.

Мы переселенцы. Предприятие, на котором мы должны были отработать 12 лет закрылось. Мы остались без средств к существованию. Нас не передали на баланс ни области, ни района, у нас часто отключают свет, перестает сразу же работать водопровод, канализация. Питьевой воды у нас в поселке нет вообще. Жители доведены до нищеты. 1 сентября мы не могли отправить своих детей в школу, мы не могли купить самое необходимое. Живем тем, что собираем ягоды и грибы и продаем в городе.

Родина Людмила Петровна — Пыталовский р-он.

Я представитель женской организации «Союз женщин Пыталовского р-она». Моя работа и всей организации заключается в том, чтобы помогать женщинам, семьям, помочь женщине найти себя в сложившихся экономических условиях. Первое, на что я обратила внимание — это невыплата пенсий, пособий, безработица, т.к. наша швейно-галантерейная фабрика под угрозой закрытия, а большая часть работников на ней — женщины. Мы также помогаем женщинам конкретно обратившимся к нам.

Несмотря на проблемы со здоровьем, тяжело перенесенную операцию, Родина Людмила Петровна, всегда в нашем женском строю и готова помочь всем, кто к ней придет за помощью. Наверное, если бы в нашем женском движении было бы побольше таких людей, то мы многое смогли бы сделать.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА.

Наш Центр существует и действует уже 4 года, все это время мы помогаем женщинам, обратившимся к нам за помощью: проводим бесплатные консультации юриста и психолога, ведем образовательную и исследовательскую работу, пишем книгу о наших Псковитянках и занимаемся многим другим. Но последнее время показывает, что нужно делать еще в два раза больше того, что мы делали, чтобы достичь успеха. С обострением социально-экономической обстановки в области увеличился поток, обращающихся в Центр женщин с просьбой предоставления работы и финансовой помощи. И тогда мы при Центре создали свою социально-экономическую программу выживания, которая поможет нам решить проблему занятости женщин города и села, хотя бы частично. Основными направлениями программы являются: бисероплетение, вышивка ковровой иглой и просто вышивка, надомный труд, производство продукции из льна. Но самыми значимыми и важными являются следующие программы:

Салон «Псковский стиль». Кстати, недавно мы получили поддержку от зарубежного фонда на покупку производственного оборудования для салона и в ближайшее время станки придут к нам. Так, что это, наверное, хорошее начало, несмотря на все сложности и проблемы нашего времени.

«Домашний очаг». Она уже начала свою работу и сотрудники этой программы готовы помочь всем, кто нуждается в их помощи. Оказать помощь по дому, поухаживать за престарелыми и детьми и многое другое.

«Гусиная ферма» — эта программа создана и существует для оказания помощи сельским женщинам.

Тамара Карнаухова

НА БЕДНОСТЬ ДУШИ ПОДАЙТЕ

Однажды в редакции раздался звонок: «У меня большая забота. Разделите ее со мной, просто послушайте. И снимите грех с души — может, что-то не так делаю, слишком много беру на себя. Виновата, кажется, перед всеми, за кого выпало отвечать. Не хватает времени, денег, тепла. Приезжайте!»

И я поехала в Язvu, где в то время жила-была при своих заботах и подопечных добрая душа — Валентина Николаевна Захарова. В поезде, дабы я не гадала, где Язва Карамышевской волости находится, свела судьба с Зинаидой Федоровой. Возвращалась она из Пскова, от сына. Ездил ввучат проведать да за лекарствами: язвенские бабы небось зубоскалят: мужика, мол, скотину обрывать бросила, а сама по театрам ударила.

Почему у деревни такое странное название, поинтересовалась я. Зинаида, поставив ударение на последнем слоге-Язва, предположила: «Верно бабы у нас злые». Когда мы с Зинаидой подходили к деревеньке, она воскликнула: «Никак, мой идет!» Оказывается, старик еще вчера все глаза проглядел, три версты до поезда и об-

ратно «наматывал»: как бы мать где не завалилась. Я была представлена в качестве доброй души, которая не дала «завалиться» и донесла кошелек с гостинцами. «Слава богу, мир не без добрых людей», — с таким чувством сказал Зинаидин муж, будто в селе на пятнадцать дворов, расползшемся по холму, доброта если и бывала, то только проездом.

Валентина.

Есть люди, достойные звания святых. По земным да, пожалуй, и по небесным меркам. А что большей половине человечества не дано разглядеть ореол, то это потому, что не слишком-то часто мы поднимаем глаза к небесам.

Валентина Захарова в глаза не бросается: невысокая, несуетная, небогато одетая.

Ну, скользнет взгляд по темным густым волосам и убежит адал в поисках чего-нибудь необычного. Если не споткнется о глаза — вишенки. Яркие, готовые и всплывать, и порадоваться.

Вот вам история: жена брошенная (первый муж на необычную «запал»), с судьбой детей тянуть и лямку заводскую. Теперь бы привалиться к завалке и ни о чем, ни о ком не тревожиться. Просто смотреть, просто дышать, по-стариковски погружаясь в сон души, близкий к вечному. Хватит уж: исходились ноженьки, износились рученьки, изболелась головушка. Сыны выросли да захоронились внуки. Ушла из жизни мама, пришли Волоха, Люба. Все кто-то стучится в душу: спасай-тня, разрываясь на два, три, четыре дома. И нет засидчивых завалинок даже в мечтах.

Двухэтажный дом на десяток квартир горбился на вершине холма этаким старцем, чья неопрятность, похуже, распугала соседские избу и они бросились врассыпную, превратив его надворные постройки в груды мусора. Рухнул общественный туалет, расползлась по двору помойка.

Здесь, на втором этаже, почти четыре десятка лет отжила мать Валентины — Евгения Федотовна. Здесь и его, Владимира Васильевича Алексева, квартира. Впрочем, в быту он — Волоха, несмотря на свои почти семьдесят. Евгения Федотовна несколько лет отлежала в светлой квартирке лицом к двери. Болезнь ее тяготила и, по-своему жалея четверых детей, из которых больше всего «достается» Валентине, она время от времени выговаривала Боженьки, что забыла о ней, и все не забирала туда, где дожидаются муж, сыночек Алешенька да и колхозные бабы, которые давным-давно перемерли.

Здесь до сих пор живут ее воспоминания. Звякнет мамина ложка, вздохнет старый платок о Дубовицах, которых уже лет тридцать и на картах-то нет, колхозе Большевицка, но самые яркие о военном лихолетье. «Помнишь, Валюха, землянку?» Как не помнить холод подземелья, гнилые картофельные лепешки. Деревню и хлеб сожгли фашисты за связь с партизанами. Горький вкус лепешек памятен Валентине и потому не может она оставить в нужде ни одну живую душу, с которой сводит жизнь. За что бывает «бита» домочадцами и сельчанами: «Думаешь в честь выслужиться?» — это деревенские. «Вот бы и открывала приют, чего уж мелочиться» — это родня. И не только из-за Волохи. Впрочем, так она его никогда не называет — только Володей.

Волоха и другие.

Если Евгения Федотовна начинала утро с того, что отмахивалась от завтрака, то Владимир Васильевич с нетерпением дожидается заветного бидончика с горячей картошкой. А по вечерам Валентина Николаевна или как он ее называет — мать, приносит два литра супа. Хлеба за день Володя съедает полторы буханки, выкуривает пачку папирос. Насыщения он не чувствует: может за один присест «угговорить» палку колбасы, кило пряников, банку варенья и заесть все это парой селедок. Этот худощавый, высокий, седой мужчина с туманными голубыми глазами не чувствует и благодарности, всегда пребывая в благом здравии и настроении, не омраченном житейскими невзгодами. Приблизил он к деревне лет двадцать назад, похоронив где-то «мамку Наташку». Язва скоро поняла выгоду приобретения. Волоха здесь нарахват: одному сено косит, другому картошку копает. Не будучи искушен в арифметике, он радуется денежке любого достоинства. Но им брезгают: накормят, а вот в баньку собственную пустить, рубашку постирать — залатать ни-

ни. Летом-то дивья, тепло, хоть в речке мойся, хоть у колодца. А зимой?

Получает Владимир Васильевич пенсию, да много до нее охотников. Захоронив блаженного в пьяном угаре и денег как не бывало. Вот и приходится караулить почтальона с пенсией — по договоренности с собесом деньги Валентине отдают. Но всегда ли укараулишь.

И не в том беда, что 70-летнее «дитячко» частенько сидит на ее пенсионном довольствии. И даже не в том, что деревня взялась контролировать Волохин бюджет, раз уж весь пропивать не удается. Захарова безропотно приняла «правила игры» и по первому требованию предъявляет расписание Волохиных доходов-расходов. Беда в том, что нет в деревне магазина — упразднили его. За необходимым язвенцы за три км топают. Хоть и соединяет Язvu с Карамышевом подвыбывшая дорога, автобус так и не пустили.

Частенько прилепляется к окну Волоха, у него свой интерес. Его не волнуют ни городская дорога, ни истинное гнездо на водонапорной башне. Из-за немых стекол пытается он разглядеть — не идет ли кто со стороны скотного двора — вдруг там нужда в нем. Он не любит сидеть в своей квартире-помойке. Обычно он расхаживает по ней в зимнем колушке, справленном ему Валентиной, и в валенках с калошами: набирается летнего тепла, веря, что зимой это уберет от дрожи. Круглая печь, сколько ни корми ее дровами, не греет — до дыр прогорела ее рубашка, повывалились кирпичи. Нет у местной власти денег на ремонт. Она вроде и не отказывается от участия в судьбе Волохи, да частенько забывает в круговерти государственных забот о маленьком человеке, которому нужно больше тепла, чем может дать печка. Берет Бог до сегодняшнего дня убогого. До Валентины Николаевны «ходила» за ним старая учительница Елена Сергеевна. Умерла. Валентина Николаевна, похоронив мать, не может похвастаться здоровьем: все-таки за шестьдесят перевалило. И внучки Юлия с Катей в бабушкином тепле нуждаются, и сыновья, и муж Олег Иванович. А тут еще одна забота на добрые плечи свалилась — в образе Любани.

Любана.

Она — статья особая. Пока жили ее мать с бабкой под присмотром была. Хоть без царя в голове, да при доме и родне. Правда, дом одно название: баня, это и по черному топится. Стены сажные, лица землистые, пахнет сыростью, бедностью, тоской смертной. У всех хриплые от хронической простуды и молчания голоса. Баба Шура все за свою жизнь сказала, передумала, перелюбила, и роднее фуфайки для нее ничего родней нет. Мать Любани — Лиза парализованная на ржавой кровати лежит, сама Любана в платке крест накрест за столом семечки лузгает. «Ой, студено зимой бывает. Дров-то хватает», — ворчит Лиза, — иди за ними некому». «Цыц!» — басит Любана. «Вот всегда так, всегда» — тарантит мать, усмиренная «любящим» взглядом дочери. «И картошку не сажали», — шелестит кровать. Съестное от Валентины Николаевны как всегда принято с благодарностью.

Первой в мир иной отошла Лиза, через несколько месяцев прибралась баба Шура. Похоронные хлопоты, вестимо, оказались на Валентине. Любана, пропив остатки бабкиной пенсии, поддалась в город: числилась за ними с матерью комнатушка в коммуналке. Но, во-первых, наследники отчима прогнали от порога, во-вторых, дом взял и погорел. И поплелась Любана к Валентине Николаевне

за неимением родни: то на хлеб попросит, то на дорогу. И в дочери рада пойти, и во внучки.

Весной помогла ей Николаевна делянку картошкой засадить, стало быть, пропитание на зиму обеспечено. Да одной Любана в черной избе страшно, одиноко, вовсе одичать можно. И пошла Валентина Николаевна с Любаней по инстанциям — пенсию «инвалидную» хлопотать. Документов у 37-летней сироты никаких, кроме паспорта, и в поликлинике не наблюдалась по поводу душевной болезни. Сейчас Любана в спецбольнице, и лечащий врач успокоил: на улицу ее не выпишет, в интернат направит.

Итак, передачку в больницу Любане, мужу — лекарству, внучкам — пирожики, Володе — справку новую — рубашку. Пора огорода копать свой и Любанин. И эта неопределенность с ее пенсией, с конуркой в городском доме, который, говорят, стал частным.

А Язва что? Половина дворов готова поверить в Валентинино бескорыстие, половина — нет. «Ну, не съест же Любана всю картошку со своего огорода». Не до того Валентине Николаевне, чтобы досужие разговоры слушать. Она — источник, искони питавшей на Руси блаженных, убогих. Может, только в Язве злые бабы, которые оговаривают доброго, не пожалеют больного? А может грех ждать от замордованных селян человеколюбия? Может прожила его, прокутила деревня вместе с надеждами на лучшее? По мнению Валентины, после войны люди друг к другу добрее были.

«Тутешние бабы до войны не пили, все друг другу помогали, хоть и бедно жилось», — это слова Евгении Федотовны. «Что-то неладное с людьми сделалось».

С Марией Ивановой действительно неладное. Будучи уволена с работы за пристрастие к спиртному, она озабочена поиском и того, и другого. Антонина Николаевна обременена пятью внуками и думами, как их прокормить и как с наименьшими нервными затратами вдохновить мужа на домашние работы. Татьяна Ивановна, мать троих детей, постоянно борется с нуждой и желанием залить ее горькой. А зажиточные непьющие, на кого батрачит Волоха два десятка лет, уткнулись в свои теплые и сытные углы.

Что же такое случилось с русской душой? А вот что, рассудили мы с Валентиной, обленилась она, а потому дальнорукостью застрадала, не достучаться до нее местной нужде. Если же чужая глянет с телеэкрана, готовы мы перед миром участием покрасоваться: «Приезжайте, поможем!». А если человек доверится и нагрят? Что тогда запоем: «На бедность души подайте?».

Валентина взяла большую сумку и мы пошли. На лестничной площадке ее атаковало семейство кошачьих, а внизу соседка с «фонарем» от сына и потребностью в деньгах на хлеб для внука. И добрая душа никому не отказала. Во дворе Волоха шумно радовался обретению, кто-то подарил колун: «Во, мать, набурлю дров, печку натоплю». Она одарила его парой конфет.

Мы спустились с язвенской горки и двинулись в сторону Карамышева. Шли настолько быстро, насколько позволяли застуженные ноги Валентины Николаевны. Побочь дороги тянулись пеньки, много пеньков. За ними горбились, сутулились, жалась к земле молодые деревца. В магазине Валентина купила хлеба, селедки, конфет, сухарей, папирос — незатейливой снеди, в которой при ее жизни нуждаются и будут нуждаться Володя с Любаней. И вдруг заплакала. Святая душа.

ОТ ЧЕЛОВЕКА К ЧЕЛОВЕКУ

Тамара Михайловна Карнаухова по профессии журналистка. Сейчас работает в городской газете «Новости Пскова».

Стихи ее, на первый взгляд, поразительно просты. В них при большом желании трудно отыскать так называемые поэтические изыски. Но это простота кажущаяся. Начинаешь читать — и происходит чудо: буквально, казалось бы, из ничего возникает удивительный мир автора; весь сотканный из света и любви. Некая «смесь высоты и простоты»!

Любить для поэтессы так же естественно, как и дышать. Потому что, по ее же собственному признанию, без любви (в широком смысле этого слова) она — «былиночка в пустыне»: одинока и неприкаянна. Как, впрочем, и любой из нас, лишенный этого прекрасного чувства. Но любовь Тамары Карнауховой не выросла на голом месте. Она берет свое начало из тепла и уюта бревенчатой избы деда, в наследство от которого перешло «веснушек золото и золото волос», из родных просторов, где «василек синее при дожде, умытый солнечным дождем». Из того, что составляет сущность нашего земного бытия и что так дорого и близко русской душе. А русскую душу еще и Н. Бердяев называл женственной. И кому, как ни женщине, постижимы все тайны этой души — нежной, доброй, противоречивой, страдающей. Словом, живой и чувственной!

Пройдите вслед за автором по лабиринтам души, загляните в самые ее потаенные уголки — и вы почувствуете, как и ваша душа наполняется тем-то возвышенным и добрым. Таково призвание истинной поэзии — пробуждать «чувства добрые», передавать их от сердца к сердцу, от человека к человеку.

Хочу в деревню я к себе
В тепло бревенчатой избы.
Чем кровь крестьянская слабей,
Тем глуше зов судьбы.
В квартире каменной грущу
О том, что невозвратно.
Я много лет тебя ищу —
Мой дом, прими обратно.
Ты, говорят, был сложен дедом,
Дышал сиренью по весне,
Но в час лихой перед рассветом
Пал вместе с дедом на войну.
А нас рассыпало по свету,
Дом отчий памятью прирос,
Из рода в род, как эстафета:
Веснушек золото и золото волос!

Мы очень разные с тобой:
Ты дышишь летом, я — зимой.
Тосклив мой голос, как метель,
Я твой — чистой свирелью.
Я злюсь, лютею, как мороз,
Сверкаю жемчугами слез...
А ты — ты радуга на взлете
В моей душевной непогоде.

Мы очень разные с тобой...

Первый желтый листок...
Случайность, конечно случайность,
Не подоспел еще осени срок —
Ранняя чья-то усталость,
Чья-то душа отцвела на рассвете,
Тихо спустилась с небес:
Ранняя ли это дорога в бессмертье,
Иль запоздалый протест?

ОБЪЯВЛЕНИЕ О РЕГИОНАЛЬНОМ ФОРУМЕ РАБОЧЕЙ ГРУППЫ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ВСЕМИРНОМУ БАНКУ Европейский и Среднеазиатский регионы

Начиная с 1984 года, действует неправительственная рабочая группа по Всемирному Банку (НРГВБ) — один из старейших форумов по взаимодействию неправительственных организаций всего мира в поддержку общественного сектора. Эта группа также является старейшим из выработанных механизмов диалога между НПО и Всемирным Банком по основным вопросам развития в мире. Группа работает в основном в форме региональных Ассамблей, которые выбирают своих представителей для Всемирного Комитета. <http://www.ngowgwb.org> — NGO working group on World bank.

В апреле 1999 года была инициирована "ECA региональная рабочая группа НПО по ВБ" (с отчетом о встрече группы можно ознакомиться на сайте) <http://www.bankwatch.org/ngowbwg> ECA Regional Assembly working on World bank)

Эта группа является независимой группой общественной поддержки, т.е. частью глобального движения НПО и представляет интересы всех общественных организаций по вопросам:

- участие гражданского общества в проектах ВБ и на уровне принятия политических решений;
- влияние политики ВБ на распространение бедности в мире и формы займов, применяемые ВБ;
- подотчетность и открытость деятельности ВБ.

Деятельность группы в ECA регионе нацелена в основном на:

1. Рассмотрение проблем общих для регионального и глобального уровня.
2. Предложение новых тем и инициатив как Мировому Банку, так и Глобальной РГ НПО по ВБ.
3. Создание возможности участия НПО региона ECA в принятии решений касательно деятельности ВБ.
4. Поддержка и укрепление НПО в их взаимоотношениях с ВБ и государственными структурами.
5. Сетевое взаимодействие с другими НПО по проблемам, касающимся ВБ.

Оргкомитет намерен пригласить представителей НПО, чья деятельность так или иначе связана с функционированием ВБ в регионе ECA на первую Ассамблею ECA НРГВБ, которая в настоящий момент уточняется.

Всем НПО, заинтересованным в участии в Ассамблее и/или в работе в Группе, предлагается прислать запросы с описанием Ваших интересов в Секретариат Оргкомитета по адресу:

Tomasz Terlecki, Executive Director
CEE Bankwatch Network
c/o Polish Ecological Club — National Board
ul. Slawkowska 26A; 31-014 Krakow; Poland
phone: +48-12-423 20 47; phone/fax: +48-12-423 20 98
e-mail: tomaszt@bankwatch.org; <http://www.bankwatch.org/ngowbwg>

